
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г.

2025. Том 9. № 3
Сквозной номер выпуска – 35

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России, по юридическим научным специальностям 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4. Журнал вошел в российскую часть Единого государственного перечня научных изданий – «Белого списка–2025» (ЕГПНИ)

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Лапаева Ангелина Вячеславовна** – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: **Моисеева Ольга Васильевна** – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андрияшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Белорусский институт стратегических исследований (г. Минск, Республика Беларусь), главный советник отдела внутривластного анализа управления внутренней политики

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления интеллектуальной собственностью

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета

Демичев Алексей Андреевич – д.ю.н., к.и.н., профессор. Саратовская государственная академия МВД России, профессор кафедры гражданского права и процесса; Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Нижний Новгород, РФ), главный научный сотрудник научного центра

Зеленукин Роман Валерьевич – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Тамбовской области (г. Тамбов, РФ), судья

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Михайловна – д.ю.н., доцент. Юридический институт Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (г. Черкесск, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), и.о. директора Института права и национальной безопасности, председатель Арбитражного суда Воронежской области в отставке

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права

Махина Светлана Николаевна – д.ю.н., профессор. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права

Овсянников Игорь Владимирович – д.ю.н., доцент. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – д.ю.н., профессор. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, РФ), главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Редкоус Владимир Михайлович – д.ю.н., профессор. Институт государства и права РАН (г. Москва, РФ), ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса

Романовская Ольга Валентиновна – д.ю.н., профессор. Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Средне-Волжский институт (филиал) (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского права и процесса

Романовский Георгий Борисович – д.ю.н., профессор. Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Средне-Волжский институт (филиал) (г. Москва, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, РФ), главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Туманова Анастасия Сергеевна – д.и.н., д.ю.н., профессор. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, ведущий научный сотрудник; НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва, РФ), профессор факультета гуманитарных наук

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., профессор. Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. 161 с. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3>

Издание журнал «Актуальные проблемы государства и права / Aktual'nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Телефон редакции +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). Электронная почта редакции: apgospravo.tgu@mail.ru

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов *И.В. Ильина*

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*

Редактор английских текстов *Н.А. Михайлова*

Администратор сайта *М.И. Филатова*

Прием статей осуществляется по адресу:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 214. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. Институт права и национальной безопасности

Телефон: 8(4752)72-34-34 (доб. 3112). **Электронная почта:** apgospravo.tgu@mail.ru

Веб-сайт: <https://journals.rcsi.science/2587-9340/index>
<https://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/>

Подписано в печать 15.09.2025. Дата выхода в свет 30.09.2025

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 20,5. Усл. печ. л. 19,07. Тираж 1000 экз. Заказ 25202. Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© Оформление, оригинал-макет, редактирование. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2025

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical law journal

Established in February, 2017 **2025, vol. 9, no. 3**
Continuous issue number – 35

Issued 4 times a year

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia, in law scientific specialties 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4.
The journal has been included in the Russian part of the Unified State Register of Scientific Publications – the “White List–2025”

The establisher and publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”
(33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF: **Angelina V. Lapaeva** – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of Theory and History of State and Law Department, Law and National Security Institute

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Moiseeva** – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Law and National Security Institute

EDITORIAL BOARD:

Maryna V. Andriyashka – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Belarusian Institute of Strategic Research (Minsk, the Republic of Belarus), Chief Advisor of Domestic Political Analysis of Domestic Policy Management Department

Sergey F. Afanasev – Dr. Sci. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Head of the Arbitral Procedure, Advocacy and Notary Department

Elena V. Blinkova – Dr. Sci. (Law), Professor. Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil and Business Law Department of Intellectual Property Management Faculty

Alexander F. Voronov – Dr. Sci. (Law), Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Procedure Department, Faculty of Law

Aleksei A. Demichev – Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Professor. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Professor of Civil Law and Procedure Department, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod Branch (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Head Researcher of the Science Center

Roman V. Zelepukin – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Arbitration Court of Tambov Region (Tambov, Russian Federation), Judge

Vladimir P. Kamyshanskiy – Dr. Sci. (Law), Professor. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Professor of the Civil and Private International Law Department

Tauzhan M. Klimenko – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. North Caucasian State Academy Law Institute (Cherkessk, Russian Federation), Professor of Criminal Law and Procedure Department

Aleksander V. Kochetkov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Acting Director of Law and National Security Institute, Retired Chairman of the Arbitral Court of Voronezh Region

Igor B. Lagutin – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Head of the Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedure Department

Natalya A. Lopashenko – Dr. Sci. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department

Svetlana N. Makhina – Dr. Sci. (Law), Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Head of the Chair of Theory and History of State and Law Department

Igor V. Ovsyannikov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center

Roman B. Osokin – Dr. Sci. (Law), Professor. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Russian Federation), Head of the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training

Kirill K. Panko – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Professor of Criminal Law Department

Dmitrii A. Pashentsev – Dr. Sci. (Law), Professor. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Head Researcher of Law Theory and Interdisciplinary Legislative Research Department

Nikolay I. Polishchuk – Dr. Sci. (Law), Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of the State and Law, International and European Law Department

Vladimir M. Redkous – Dr. Sci. (Law), Professor. The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Leading Researcher of the Sector for Administrative Law and Administrative Process

Olga V. Romanovskaya – Dr. Sci. (Law), Professor. Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Saransk, Russian Federation), Professor of the Civil Law and Procedure Department

Georgii B. Romanovskii – Dr. Sci. (Law), Professor. Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Saransk, Russian Federation), Professor of the Criminal Law and Procedure Department

Svetlana V. Rybakova – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Chief Researcher of Financial, Tax and Budgetary Legislation Department

Vasilii V. Trofimov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Research Institute of State Legal Research, Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Law and National Security Institute

Anastasia S. Tumanova – Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Law), Professor. Center for Civil Society and Non-Profit Sector Research, Leading Researcher; Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), Professor of Humanitarian Sciences Faculty

Vera A. Chunyaeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Criminal Law Disciplines Department, Law and National Security Institute

Andrew V. Yudin – Dr. Sci. (Law), Professor. Samara National Research University (Samara, Russian Federation), Head of the Civil Procedure and Business Law Department of the Law Faculty

For citation:

Current Issues of the State and Law, 2025, vol. 9, no. 3, 161 p. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3>

The journal “Aktual’nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), the mass media registration certificate ПИИ no. ФС 77-69827 dated May 18, 2017.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 (extension 3112). E-mail: apgospravo.tgu@mail.ru

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals *I.V. Ilyina*

Editors: *Y.A. Biryukova, M.I. Filatova*

English texts editor *N.A. Mikhailova*

Web-site administrator *M.I. Filatova*

Article acceptance:

Office 214, 181 B, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Derzhavin Tambov State University, Law and National Security Institute. **Telephone:** +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). **E-mail:** apgospravo.tgu@mail.ru

Web site: <https://journals.rcsi.science/2587-9340/index>
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/>

Signed for printing 15.09.2025. Release date 30.09.2025

Format A4 (60×84 1/8). Typeface «Times New Roman». Printed on risograph.

Pr. sheet 20,5. Conv. pr. sheet 19,07. Copies printed 1000. Order no. 25202. Free price.

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy”

FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г. 2025. Том 9. № 3 Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Ковалева Н.В., Зубач А.В.</i> Детализация правового регулирования для целей устойчивого развития	303
<i>Илюхина В.А.</i> Принцип демократизма в уголовно-исполнительном праве России – принцип без содержания и практической реализации	314
<i>Ситников К.А., Попов В.И.</i> Государственно-правовое устройство России в период Первой мировой войны: трансформация и кризис	323
<i>Максимова И.М.</i> Правовой обычай и нормативный договор как формы выражения права	336
<i>Васильев И.А.</i> Правовое принуждение в спорте: «ценности» спортивных организаций и «интересы» субъектов	343
<i>Сидоров А.В.</i> Фрагментация как отражение кризиса международно-правовой системы: терминологический анализ	353
<i>Кузина О.Е.</i> Историческая память о Второй мировой войне и публичная дипломатия Германии	366
<i>Белова И.А.</i> Эффективность финансирования правовой науки в раннесоветский период	378
<i>Комарова Я.Б.</i> Взаимоотношение права и религии в концепции Жака Маритена	388

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

<i>Андрияшко М.В.</i> Космическая отрасль в национальном законодательстве Республики Беларусь	396
<i>Баукин В.Г., Сварчевский К.Г.</i> Проблемы применения и толкования положений о лотерейных обязательствах в частном праве	410
<i>Ботанцов И.В.</i> Эффективность правоприменительной практики в вопросе выделения доли пережившего супруга при оформлении наследственных прав	420
<i>Резюк В.И.</i> Авраамические (галахические) основы формирования, обеспечения сохранности и целевого использования бюджетных средств	427

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК

<i>Овсянников И.В.</i> Регламент доказательственной деятельности при упрощенной и ускоренной форме судебного разбирательства	436
<i>Ковалева Н.В.</i> Формирование структур по материально-техническому обеспечению Министерства внутренних дел России: этапы организации и полномочия (XIX – начало XXI в.)	444

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 2025, vol. 9, no. 3 Issued 4 times a year

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

<i>Kovaleva N.V., Zubach A.V.</i> Detailing legal regulation for sustainable development purposes	303
<i>Ilyukhina V.A.</i> The principle of democracy in Russian penal law – a principle without content or practical implementation	314
<i>Sitnikov K.A., Popov V.I.</i> The state and legal system of Russia during the World War I: transformation and crisis	323
<i>Maksimova I.M.</i> Legal custom and normative agreement as forms of expressing law	336
<i>Vasilyev I.A.</i> Legal coercion in sports: the “values” of sports organizations and the “interests” of subjects	343
<i>Sidorov A.V.</i> Fragmentation as a reflection of the international legal system crisis: a terminological analysis	353
<i>Kuzina O.E.</i> Historical Memory of World War II and Germany’s Public Diplomacy	366
<i>Belova I.A.</i> The effectiveness of funding legal science in the early Soviet period	378
<i>Komarova Ya.B.</i> Relationship between law and religion in the concept of Jacques Maritain	388

ISSUES OF PRIVATE AND PUBLIC LAW

<i>Andryashka M.V.</i> The space industry in the national legislation of the Republic of Belarus	396
<i>Baukin V.G., Svarchevsky K.G.</i> Problems of application and interpretation of provisions on lottery obligations in private law	410
<i>Botantsov I.V.</i> Effectiveness of law enforcement practice in allocating the surviving spouse’s share when formalizing inheritance rights	420
<i>Rezyuk V.I.</i> Abrahamic (Halakhic) foundations for the formation, preservation, and targeted use of budgetary funds	427

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Ovsyannikov I.V.</i> Regulations for evidentiary activity in simplified and accelerated forms of judicial proceedings	436
<i>Kovaleva N.V.</i> Formation of structures for material and technical support of the Ministry of Internal Affairs of Russia: stages of organization and powers (19th – early 21st centuries)	444

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.134

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-303-313>

Шифр научной специальности 5.1.1

Детализация правового регулирования для целей устойчивого развития

Ковалева Наталья Витальевна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления, Государственный университет управления, 109542, Российская Федерация, г. Москва, проспект Рязанский, 99; главный научный сотрудник, Академия управления МВД России, 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, <https://orcid.org/0000-0003-2982-871X>, ResearcherID: XMB-2715-2023, Scopus Author ID: 57211466869, doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Зубач Анатолий Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права и правового обеспечения управления, Государственный университет управления, 109542, Российская Федерация, г. Москва, проспект Рязанский, 99, <https://doi.org/0000-0001-5070-5752>, Scopus Author ID: 57217103042, cort91@inbox.ru

Аннотация

В статье предпринята попытка проанализировать роль детализации правового регулирования для формирования устойчивой регулирующей модели в обществе и государстве. Обоснована необходимость дальнейшего изучения сферы и пределов правового регулирования в контексте повсеместного внедрения алгоритмов. Детализация (техничко-юридическое регулирование) определена как объективная реальность и как специфический этап регулирования, а объем базовых понятий (детализация, глубина, технико-юридическое регулирование) может совпадать. Отождествление глубины правового регулирования и пределов правового регулирования во многом условно, что вызывает сложности на этапе правоприменения. Установлены отличия объема обязывания в структуре правоотношения для публично-правовых и гражданско-правовых отношений. Подтверждается отличие технического регулирования и технико-юридического регулирования в контексте области упорядочивания и детализации прав и обязанностей задействованных субъектов. Детализация рассматривается через содержание правоотношения с указанием, на каком «уровне» она приобретает наибольший объем. Особое внимание уделено анализу отношений с участием алгоритмов (искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта и робототехники): определены принципы для достижения цели и задач упорядочивания отношений в этой сфере. Определены объективные изменения в элементах структуры правоотношения.

Ключевые слова

правовое регулирование, детализация правового регулирования, техническое регулирование, технико-юридическое регулирование, глубина правового регулирования, алгоритмы, правоотношения, искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта, устойчивое развитие

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

Н.В. Ковалева – научное руководство, теоретическое обоснование исследования, утверждение окончательного варианта статьи, разработка концепции, научный анализ материалов, обобщение полученных

результатов, написание черновика рукописи. А.В. Зубач – разработка концепции исследования, окончательное редактирование рукописи, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Ковалева Н.В., Зубач А.В. Детализация правового регулирования для целей устойчивого развития // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 303-313. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-303-313>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-303-313>

OECD 5.05; ASJC 3308

Detailing legal regulation for sustainable development purposes

Natalya V. Kovaleva,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Public Law and Legal Support of Management Department, State University of Management, 99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russian Federation; Chief Researcher, Academy of Management of the MIA of Russia, 8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskiy St., Moscow, 125993, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2982-871X>, ResearcherID: XMB-2715-2023, Scopus Author ID: 57211466869, doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Anatoliy V. Zubach,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Public Law and Legal Support of Management Department, State University of Management, 99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russian Federation, <https://doi.org/0000-0001-5070-5752>, Scopus Author ID: 57217103042, cort91@inbox.ru

Abstract

An attempt has been made to analyze the role of legal regulation detail in shaping a sustainable regulatory model in society and the state. The necessity of further study of the scope and limits of legal regulation in the context of the widespread implementation of algorithms is justified. Detailing (technical and legal regulation) is defined as objective reality and as a specific stage of regulation, and the scope of the basic concepts (detailing, depth, technical and legal regulation) can overlap. The identification of the depth and limits of legal regulation is largely conditional, which causes difficulties at the stage of law enforcement. Differences in the scope of obligation within the structure of legal relationships have been established for public law and civil law relationships. The distinction between technical regulation and technical and legal regulation is confirmed in the context of the area of regulating and detailing the rights and obligations of the parties involved. The details are considered through the content of the legal relationship, indicating at what “level” it acquires the greatest volume. Particular consideration is given to the analysis of relationships involving algorithms (artificial intelligence, artificial intelligence technologies, and robotics): principles for achieving the goal and objectives of regulating relationships in this area have been defined. Objective changes in the elements of the legal relationship structure have been identified.

Keywords

legal regulation, legal regulation details, technical regulation, technical and legal regulation, depth of legal regulation, algorithms, legal relations, artificial intelligence, artificial intelligence technologies, sustainable development

Funding

This research received no external funding.

Authors' contribution

N.V. Kovaleva – scientific supervision, theoretical justification of the research, approval of the final version of the manuscript, concept development, scientific analysis of the materials, generalization of the results obtained, writing – original draft preparation. A.V. Zubach – concept development, final manuscript editing, normative documents collection and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Kovaleva, N.V., & Zubach, A.V. (2025). Detailing legal regulation for sustainable development purposes. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 303-313. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-303-313>

Введение

Упорядочивание общественных отношений представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий пристального внимания на любом историческом этапе развития общества. Особенно актуальным видится изучение регламентации того или иного спектра общественных отношений в современных реалиях, когда значительная часть параметров изменяется, по сути, не сформировавшись, а многие из них латентны и выявить их представляет значительную сложность.

Вопрос о наиболее емкой и детальной регламентации того или иного участка общественных отношений возникает с завидной регулярностью и этому способствуют объективные процессы, происходящие в обществе: развиваются технологии, внедряется искусственный интеллект практически во все сферы жизни общества. Регламентация отношений с использованием алгоритмов также порождает вопросы, насколько необходимо упорядочить те отношения, где они уже присутствуют и планируются внедряться наряду с уже существующими. Есть ли «участки», на которые не будет распространяться какое-либо регулирующее воздействие, возможно, необходимо выработать критерии, научно обоснованные и встроенные в парадигму развития общества и государства, как одной из форм общности.

Методы исследования

Исследование опирается на совокупность общенаучных и специальных юридических методов. Базовым является формально-юридический метод, позволивший провести интерпретацию нормативных актов, регулирующих сферы с участием алгоритмов (технологий искусственного интеллекта и робототехники), трудовые и гражданско-правовые отношения. Системно-структурный подход применялся для анализа понятийного аппарата (детализация, глубина,

техничко-юридическое регулирование) и его соотношения с элементами структуры правоотношения. Работа выполнена с применением междисциплинарного подхода, учитывающего влияние алгоритмических систем на правовые категории и формы юридического воздействия.

Результаты исследования и их обсуждение

Сфера и пределы правового регулирования. Столь фундаментальные теоретические вопросы как сфера, пределы регулирования и их соотношение на современном этапе становятся особенно актуальными в контексте необходимости устойчивого развития, построения конкурентоспособной экономики на основе технологического лидерства. Осуществление этого возможно при эффективной регламентации существующих и прогнозируемых отношений, моделировании общности на основе сформированной концепции. При всей критике массива регуляторов необходимо констатировать, что это во многом объективная необходимость с учетом специфики развития общества и внедрения технологических новшеств. Другой вопрос – возможна ли «оптимизация» данного массива, и на каких принципах она должна осуществляться с учетом поставленных целей.

Приходится констатировать, что регуляторы должны «обслуживаться» всем арсеналом ресурсов, что значительно снижает их эффективность в масштабах страны, где человеческие ресурсы ограничены, а количество угроз лишь возрастает. Ожидать, что количество когда-нибудь перерастет в качество, можно, но крайне непродуктивно с учетом обозначенного выше. В этой связи следует предпринять попытку для более серьезного анализа определенных теоретических конструкций (сфера и пределы правового регулирования, глубина правового регулирования, детализация правового регу-

лирования, структура правоотношения, элементы структуры правоотношения, технико-юридическое регулирование), которые могут создать основу для совершенствования действующего законодательства в сложившихся условиях.

Необходимо отметить, что указанные понятия по своему смысловому, содержательному наполнению могут в определенной мере совпадать и/или пересекаться, что вполне объективно для столь емких конструкций, изучение которых продолжается, формируя все новые и новые вопросы перед человечеством. Условно разделив и приняв попытку рассмотреть каждое из них, не умаляет возможности их отождествления, выведения и обоснования новых конструкций как в рамках правового регулирования, так и управляющих процессов при междисциплинарных исследованиях.

Глубина правового регулирования. Это понятие непосредственно связано с темой сферы и пределов правового регулирования и не может рассматриваться без них. В то же время сформировавшаяся на современном этапе модель управления, прежде всего, на уровне большинства государств очертила сферы регулирующего воздействия и обозначила его пределы. Этот процесс динамичен и не может прийти к какой-то стабильной конструкции с учетом развития общества и государства, необходимости защиты прав и свобод человека и гражданина.

Отождествление глубины правового регулирования и пределов правового регулирования во многом объективны, при этом вопрос границ остается неизученным на теоретическом уровне, что провоцирует на этапе правоприменения значительные сложности с реализацией установленных прав и обязанностей для субъектов правоотношений. Расширение объема в содержании правоотношения в любом из его подэлементов, по сути, может формировать новый объект, особенно при значительном его расширении, а также потенциальном включении новых субъектов. Как правило, это латентные процессы при всей открытости правового регулирования, а сложности возникают на этапе определения субъекта ответственности, так как императивная норма, закрепляющая за

субъектом определенный объем обязанностей в дальнейшем «нивелируется» возможностью закрепить эти обязанности за иным субъектом. Происходит это, как правило, уже в рамках гражданско-правовых отношений, где субъект в рамках одних правоотношений не может выполнить этот объем обязанностей и перекладывает его на другого субъекта. Это нередко является следствием того самого расширения объема обязывания, выполнение которых по разным причинам невозможно для одного субъекта.

Четкая конструкция, где обязанный субъект несет ответственность за ненадлежащее выполнение своих обязанностей, по сути, рушится и требуется разъяснение на уровне судебных правовых позиций, где в каждом конкретном случае выясняется объем прав и обязанностей каждого из участников правоотношений, а главное – основания делегирования той или иной «части обязывания», то есть правомерность конструкции с точки зрения действующего законодательства.

Технико-юридическое регулирование. Соотношение таких понятий, как техническое и технико-юридическое регулирование, рассматривается в научной литературе, и они нередко отождествляются. При этом техническое регулирование представляет собой определенную область (сферу) общественных отношений, сформированную для воздействия на нее неким специфическим образом для достижения определенных целей собственно регулирующего воздействия. Необходимо признать важнейшую роль государства в сфере технического регулирования [1].

В свою очередь технико-юридическое регулирование есть этап правового регулирования независимо от какой-либо сферы общественных отношений, где происходит упорядочивание. Преимущественно этот этап присутствует для детализации прав и обязанностей задействованных субъектов [2].

Данный процесс осуществляется преимущественно на субинституциональном уровне при помощи технико-юридических норм. Природа данных регуляторов специфична, при этом они наделены не только присущими любым социальным нормам свойствами, но и специфическими [3]. Это

позволят применять их в современных реалиях, когда требуется упорядочивание значительного и качественно нового числа отношений. Техничко-юридическое регулирование выступает своего рода как эффективный инструмент развития промышленности: посредством технико-юридических норм детализируются правила, направленные на установление четких условий в той или иной производственной сфере. Нередко это становится основой для быстрого изготовления продукции, разработки технологических карт, создания условий для минимизации неблагоприятных последствий на промышленных объектах [4].

Такие свойства технико-юридических норм, как универсальность, неизменность формы в соотношении к содержанию такого рода регуляторов, преемственность – может быть использована для совершенствования действующего законодательства в связи с тем, что данные регуляторы могут быть «сквозными» для значительного числа отраслей.

Детализация правового регулирования.

Это во многом закономерный процесс, возникающий при уточнении непосредственно содержания правоотношения. Общие нормы, определяющие права и обязанности субъектов в большинстве своем лишь очерчивают их границы, при этом вариативность правомерного поведения может быть значительной, и уточнения неизбежны. Например, при выполнении трудовой функции субъект, безусловно, ограничен положениями действующего законодательства, трудового договора, должностной инструкции и нормами локальных нормативных правовых актов организации. При этом именно в локальных нормативных правовых актах, включая приказы относительно этого конкретного работника, будет устанавливаться необходимый объем прав и обязанностей.

Детализация правового регулирования на примере трудовых правоотношений охватывает практически весь его спектр, затрагивая и нормативное регулирование в определенной отрасли. Так, при работе с опасными веществами работник должен руководствоваться как отраслевыми нормативными правовыми актами, устанавливающими процедуру той или иной технологиче-

ской операции, так и локальными нормативными правовыми актами, детализирующими процесс ее осуществление на конкретном предприятии с целью минимизации неблагоприятных последствий.

Таким образом, детализация правового регулирования на примере трудовых правоотношений может «присутствовать» как на этапе установления квалификационных требований для определенной должности, введения критериев для поощрения работников, установления дополнительных требований к выполнению сложных технологических процессов и т. д. Можно констатировать, что детализация охватывает весь спектр трудовых отношений, «присутствует» преимущественно на уровне подзаконных и локальных нормативных правовых актов, а реализуется с помощью технико-юридических норм.

Дополнительную значимость детализация приобретает в контексте так называемых «приоритетных обязанностей». Как отмечается в исследованиях, в действующем законодательстве отсутствует устоявшаяся дефиниция понятия приоритета, несмотря на широкое использование в нормативных актах синонимичных формулировок: «незамедлительно», «немедленно», «неотложно». Предлагается, в частности, рассматривать приоритетную обязанность как особую разновидность юридической обязанности, реализуемую с опорой на иерархию правовых установлений и подкрепленную спецификой субъектного состава [5].

Достаточно емко детализация правового регулирования проявляется за последние десятилетия при разработке административных процедур [6]. С одной стороны, этот процесс нередко подвергался критике из-за серьезного объема регуляторов. С другой стороны – формирование максимально емких прав и обязанностей субъектов правоотношений позволили выстроить грамотное взаимодействие в публично-правовой сфере, повысить доверие к государственным и муниципальным структурам и реально реализовывать установленные законодательством права граждан.

Стоит отметить, что с традиционными, устоявшимися правоотношениями процесс упорядочивания в значительной мере известен, однако, неизбежно возникают сложно-

сти, где используется в той или иной степени алгоритмы.

Регламентация отношений, где присутствуют алгоритмы. Совсем недавно такого рода отношения представляли собой больше исключение, чем правило, и говорить о повсеместном использовании алгоритмов не приходилось. В современных реалиях трудно назвать область, где они не используются в том или ином формате, что порождает многочисленные вопросы, связанные с их применением: от простейших жизненных ситуаций (использование бытовой техники) до построения управляемой модели общества будущего, осуществления правосудия и т. п.

На законодательном уровне ведется серьезная работа по разработке и принятию нормативных актов, упорядочивающих сферы отношений, где в той или иной степени присутствуют алгоритмы. В Российской Федерации утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.¹ Распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р утверждена Концепция развития регулирования общественных отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.²

Легальное определение искусственного интеллекта представляет собой в сокращенном изложении комплекс технологических решений с определенным набором свойств. Сформулированы и другие базовые определения, такие как технологии искусственного интеллекта, перспективные методы искусственного интеллекта, смежные области искусственного интеллекта, набор и разметка данных, аппаратное обеспечение, вычислительная система, архитектура вычислитель-

ной системы, общедоступная платформа, открытая библиотека искусственного интеллекта и технологическое решение, что позволяет в дальнейшем вести работы по формированию и совершенствованию понятийного аппарата в этой сфере.

Сформулированы основополагающие нормы, на основе которых планируется и дальше осуществлять внедрение технологий искусственного интеллекта и робототехники. Так, прописан запрет на причинение вреда человеку и противоправное манипулирование его поведением, введен принцип, в соответствии с которым должны соблюдаться требования безопасности. Особо стоит отметить положение, обозначающее важность подконтрольности человеку процессов, связанных с внедрением такого рода технологий.

Логика нормативной детализации и стратегического проектирования прослеживается также и в нормативных правовых актах, принятых в последние годы. Так, Распоряжением Правительства РФ № 4146-р утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2036 г., в которой акцент сделан на устойчивость территориального и цифрового развития с учетом внедрения современных технологий. Стратегия подчеркивает приоритет цифровизации, внедрения технологий ИИ и ESG-подходов как основ пространственного роста, что делает необходимым дальнейшее развитие технико-юридического регулирования в обозначенных сферах³.

Определены принципы для достижения цели и задач упорядочивания отношений в сфере разработки и применения систем искусственного интеллекта и робототехники. В большинстве своем они декларативные и во многом дублируют положения Конституции Российской Федерации, где права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Действительно, человеко-ориентированный подход обоснован и должен быть в некой степени системообразую-

¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.03.2025).

² Концепция развития регулирования общественных отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.03.2025).

³ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.03.2025).

щим при упорядочивании такого рода отношений с учетом серьезных изменений в самой структуре правоотношения.

Расширение применения инструментов сорегулирования и саморегулирования также обоснованно, при этом не стоит забывать, что для активного использования подобного инструментария должны сложиться достаточно специфические условия. В частности, субъекты реально должны понимать последствия своих действий (бездействия), проследившись причинно-следственная связь между действиями и наступлением определенных последствий. Инструментарий сорегулирования и саморегулирования не нов и используется достаточно давно, однако эффективность его для достижения целей регулирования далеко не всегда оправдывает себя, так как в большинстве своем зиждется на императивных нормах. Этот процесс во многом объективен, где требуется встроить в уже существующие правоотношения дополнительный механизм негосударственного контроля, обеспечения определенных гарантий (саморегулируемые организации). В то же время он накладывает дополнительные, не всегда оправданные и реально выполнимые обязательства на участников правоотношений, включая дополнительные финансовые и организационные расходы, что, к примеру, всегда удорожает товар (услугу) для конечного потребителя в различных сферах.

В большинстве своем при изучении правового регулирования отношений в сфере разработки, а также применения систем искусственного интеллекта и робототехники возникает вопрос ответственности за действия, связанные с функционированием таких систем, что вполне обоснованно, но представляет собой лишь некую часть из огромного массива требующих упорядочивания отношений. По сути, введение какой-либо ответственности является лишь следствием упорядочивания, на начальном этапе требуется определить, что именно «подвергнется» правовому воздействию, в какой мере и объеме. Получится ли применить существующие конструкции к новым реалиям, которые с геометрической прогрессией вторгаются во все сферы человеческого бытия? И если в публично-правовой сфере права и свободы

таких субъектов, как физические и юридические лица, в некой степени обеспечиваются императивными нормами, регламентирующими деятельность государственных и муниципальных органов, то в частноправовой сфере защитить права и свободы становится все сложнее в связи с объективно формирующейся реальностью [7].

Приходится констатировать, что кроме формирования единых подходов к регламентации отношений, связанных с технологиями искусственного интеллекта, необходима разработка совершенно новых принципов взаимодействия субъектов в частноправовых отношениях. Закрепленная свобода договорных отношений в существующей парадигме правоотношений ставит одного из субъектов в положение, не только не позволяющее в должной мере защитить свои права и законные интересы, но и не дающее возможности повлиять на условия договора на этапе его заключения. Этот характер правоотношений требует вмешательства со стороны государства, с одной стороны, в части установления императивных запретов на использование конструкций, не позволяющих одному из субъектов реально исполнить взятые на себя обязательства, а с другой стороны, в определенной мере минимизировать диспозитивную составляющую для определенных договоров с целью формирования модели, где одни из субъектов не смогут защитить свои законные права при существенных издержках.

Изменения в элементах структуры правоотношения. Сложившаяся модель правоотношения с базовыми элементами ее структуры веками оставалась неизменной, однако, именно сейчас идет ее определенная реконструкция. Если определение объекта всегда составляло определенную сложность, то субъектный состав более или менее был стабилен (физические и юридические лица, наделенные известными характеристиками). В настоящее время внедрение разного рода алгоритмов кардинально может изменить состав правоотношения, не исключено видоизменение самой структуры правоотношения, так как достаточно специфическим и недостаточно изученным формам приписывают уже сейчас свойства субъекта правоотношений, встраивая в существующую модель.

Отдельного изучения заслуживает процесс, при котором идет расширение в другом элементе структуры правоотношения – содержании. Субъективные права и обязанности, безусловно, должны быть отражены в нем, лаконично продуманы и прописаны, как правило, на законодательном уровне. В то же время наблюдается тенденция, при которой происходит увеличение как прав, так и обязанностей в зависимости от специфики регулируемых отношений. Здесь необходимо говорить об искомом балансе, так как превалирование одного из подэлементов как правило на институциональном и подинституциональном уровнях становится объективной реальностью. Особенно опасным для формируемой модели упорядочивания представляется дисбаланс на институциональном уровне. Так, установленные в Конституции России права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, при этом права субъектов доминируют, и это на этапе реализации конституционных норм уже в отраслевом законодательстве может стать определенной сложностью. Каждый из субъектов должен понимать, что наряду с правами существуют и обязанности – их симбиоз необходим для устойчивости любой общности и в особенности государства.

Какие-либо изменения в структуре правоотношений таят в себе серьезные опасности, так как, по сути, рушится структура самого правоотношения [8]. Высказывания об этом как об объективном процессе неизбежны. При этом не стоит упускать из виду, что именно незначительные изменения в одном из элементов структуры правоотношения совершенно не эквивалентны практически кардинальной реконструкции. И если лишь несущественные изменения, как правило, влекут серьезные негативные последствия на этапе правоприменения, то сложно даже смоделировать, как будет происходить упорядочивание при невозможности определить субъектный состав в структуре правоотношения.

Таким образом, можно констатировать, что в структуре социальной регуляции наблюдаются тенденции все большего переплетения норм, регламентирующих как общественные, так и технологические процессы, а регулирование отношений с участием

алгоритмов стало, по сути, нашей повседневной реальностью: покупка через Интернет, платежные системы, сфера обслуживания, обучение и т. д. и т. п. На этом основании объективной необходимостью является внедрение эффективных инструментов, способных упорядочить существующие, а также не совсем понятные зарождающиеся отношения. В приоритете здесь выступает формирование качественно новой институциональной основы, способной найти баланс прав и законных интересов всех участников общественных отношений.

Подобный синтез правовых норм социального и технологического характера уже активно реализуется в рамках правового регулирования устойчивого развития. Право устойчивого развития представляет собой систему норм, регулирующих сложные комплексные отношения – экологические, социальные и корпоративные – с учетом необходимости удовлетворения потребностей нынешнего поколения без ущерба для будущих. Ключевым инструментом выступает ESG подход, включающий стандартизацию, оценку соответствия и методологию нормативного управления, адаптированную к современным вызовам, включая санкционное давление. Это требует и трансформации самих элементов структуры правоотношения – прежде всего, содержания и субъектного состава [9].

Формирование данной модели необходимо осуществлять на основе научных разработок в различных областях знаний. Уже на сегодняшний день важно решение следующих, не требующих отлагательств вопросов. В частности, требуется очерчивание границ взаимодействия в определенном смысле выделившейся «объектовой части» при кардинальном изменении самой структуры правоотношения, выработка критериев, кто может быть субъектом в правоотношении со всеми вытекающими последствиями, а также разработка теоретической основы что есть баланс в таком элементе структуры правоотношения, как содержание.

Стоит обратить внимание и на не всегда обоснованное расширение сферы упорядочиваемых отношений, где требуется сформировать и его пределы. Особенно актуальным представляется данная тематика в свете

внедрения искусственного интеллекта и различных технологий, с ним связанных [10]. При отсутствии серьезных теоретических разработок в этой области уже в ближайшей перспективе сложно будет говорить об эффективной реализации прав и свобод человека, при этом к установлению такого рода норм человечество шло не одно столетие: вырабатывались механизмы реализации этих норм, создавались условия для их унификации в большинстве стран мира.

Соотношение социального и технического регулирования, а также неизменное переплетение социального и технико-юридического требует дальнейшего фундаментального изучения – в структуре социальной регуляции возникают все новые образования, влияющие на упорядочивание как на определенном участке общественных отношений, так и на алгоритм упорядочивания в целом [11].

Наблюдается тенденция, где значительный объем отношений с присутствием алгоритмов упорядочивается в том числе и посредством технико-юридических норм. О четко сформировавшемся законодательстве, упорядочивающем сферу применения технологий искусственного интеллекта и робототехники, говорить сложно в силу объективных причин – алгоритмы «вторглись» практически во все области человеческого бытия, и этот процесс – лишь начало их глобальной экспансии. В этой связи нужно говорить о возможной кардинальной реконструкции не только системы законодательства, системы права, но и структуры правоотношения со всеми, в том числе малопрогнозируемыми последствиями. Действительно, уже сейчас предпринимаются попытки формирования некоей регуляторной среды, выделение тех или иных областей отношений для специфического упорядочивания. В то же время это лишь временные меры, так как защита чьих-либо интересов должна зиждется на базовых, основополагающих прин-

ципах, установленных в том числе в Конституции Российской Федерации и в ряде международных нормативных правовых актов.

В современных реалиях максимально явственными выступают такие вопросы, как ответственность за последствия, осуществленные системами искусственного интеллекта, формирование критериев с целью соблюдения требований по защите персональных данных, используемых в обучении таких систем, какая сфера общественных отношений может быть «передана» системам искусственного интеллекта и робототехники и на каких базовых принципах будет осуществляться ее регулирование, а также многие другие вопросы, формулировка которых и, соответственно, решение сможет предотвратить неблагоприятные последствия в данной сфере.

Заключение

Резюмируя, можно указать, что такого рода объективный процесс, как детализация правового регулирования, выступает своего рода основой для устойчивого развития общества и государства. Существенным в этом контексте будет формирование эффективной модели регулирующего воздействия с учетом соответствующих научных разработок как междисциплинарных, так и в теории права. Соотношение объема детализации (технико-юридического регулирования) в структуре социальной регуляции, его объективных пределов позволит сформировать эффективное законодательство в мире, где в значительном объеме правоотношений присутствуют алгоритмы, и их доля будет лишь увеличиваться.

В этой связи означенные теоретические вопросы (детализация правового регулирования, социальное, техническое регулирование и т. п.) должны стать предметом дальнейших фундаментальных исследований в связи с их возрастающей актуальностью в современных реалиях.

Список источников

1. Ковалева Н.В. Государственное управление в сфере технического регулирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 4. С. 138-148. <https://elibrary.ru/vawxqr>
2. Ковалева Н.В. Техничко-юридическое регулирование промышленного производства Российской империи XIX – начала XX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. 22 с. <https://elibrary.ru/zpujtb>

3. Ковалева Н.В. Природа и функции технико-юридических норм // Государство и право. 2016. № 11. С. 5-12. <https://elibrary.ru/xaftmmr>
4. Ковалева Н.В. Технико-юридическое регулирование как инструмент развития промышленности. Москва: Науч.-изд. центр «ИНФРА-М», 2015. 79 с. <https://elibrary.ru/udjhtb>
5. Хрони Н.Н. Технико-юридическое закрепление приоритетной обязанности в нормах законодательства: проблемы и перспективы совершенствования (на материалах Российской Федерации и Республики Казахстан) // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 668-671. <https://elibrary.ru/mzspvb>
6. Ковалева Н.В. Понятие, цели и признак административных процедур // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 5. С. 84-92. <https://elibrary.ru/umeqim>
7. Ковалева Н.В. Регламентация отношений в сфере разработки и применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Государство, власть, управление и право: материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. Москва: Гос. ун-т управления, 2022. С. 131-134. <https://elibrary.ru/pvtlve>
8. Ковалева Н.В. Изменение в структуре правоотношений как фактор социальных опасностей в эпоху современных трансформаций // Преступность. Общество. Безопасность: сб. науч. ст. по материалам Междунар. форума и Междунар. науч.-практ. конф. Москва: Академия управления МВД России, 2024. С. 82-86. <https://elibrary.ru/fginon>
9. Шахназаров Б.А. Право устойчивого развития: понятие, методология. Трансформация ESG-повестки в условиях санкционных ограничений // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 7 (188). С. 51-63. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.188.7.051-063>, <https://elibrary.ru/feshvz>
10. Ковалева Н. В. Использование технологий искусственного интеллекта и правовые ценности // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сб. науч. трудов. Москва: Изд. дом «Инфра-М», 2020. С. 223-226. <https://elibrary.ru/cksqwp>
11. Ковалева Н.В. Социальное и технико-юридическое регулирование в обществе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 18-24. <https://elibrary.ru/kokzab>

References

1. Kovaleva N.V. (2015). State management in the sphere of technical regulation of the Russian federation. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, no. 4, pp. 138-148. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vawxqr>
2. Kovaleva N.V. (2015). *Technical and Legal Regulation of Industrial Production in the Russian Empire in the 19th and Early 20th Centuries*. Dr. Sci. (Law) Diss. abstr. Moscow, 22 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zpujtb>
3. Kovaleva N.V. (2016). Nature and functions of technical-legal norms. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 11, pp. 5-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xaftmmr>
4. Kovaleva N.V. (2015). *Technical-Legal Regulation as Instrument of Industrial Development*. Moscow, "INFRA-M" Scientific Publ. Center, 79 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/udjhtb>
5. Khroni N.N. (2023). Technical and legal consolidation of the priority obligation in legislative norms: problems and prospects for improvement (based on materials from the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan). *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, no. 17, pp. 668-671. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mzspvb>
6. Kovaleva N.V. (2016). The concept, goals and features of the administrative procedures. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, no. 5, pp. 84-92. (In Russ.) <https://elibrary.ru/umeqim>
7. Kovaleva N.V. (2022). Regulation of relations in the field of development and application of artificial intelligence and robotics systems. *Materialy XIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Gosudarstvo, vlast', upravlenie i pravo» = Proceedings of the 13th All-Russian Scientific and Practical Conference "The State, Power, Governance, and Law"*. Moscow, State University of Management Publ., pp. 131-134. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pvtlve>
8. Kovaleva N.V. (2024). Changes in the structure of legal relations as a factor of social dangers in the era of modern transformations. *Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnogo foruma i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Prestupnost'. Obshchestvo. Bezopasnost'» = Collection of scientific articles based on the proceedings of the International Forum and the International Scientific and Practical Conference "Crime. Society. Security"*. Moscow, Academy of the MIA of Russia Publ., pp. 82-86. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fginon>

9. Shakhnazarov B.A. (2022). Law of sustainable development: a concept and methodology. Transformation of the ESG agenda in the context of sanction restrictions. *Lex Russica*, vol. 75, no. 7 (188), pp. 51-63. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.188.7.051-063>, <https://elibrary.ru/feshvz>
10. Kovaleva N.V. (2020). The use of artificial intelligence technologies and legal values. *Pravovye tsennosti v svete novykh paradigm razvitiya sovremennoi tsivilizatsii: sbornik nauchnykh trudov = Collection of Scientific Papers: Legal Values in the Light of New Paradigms of Modern Civilization Development*. Moscow, "Infra-M" Publ. House, pp. 223-226. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cskqwp>
11. Kovaleva N.V. (2019). Social and legal-technical regulation in society *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ufa Law Institute of MIA of Russia*, no. 4 (86), pp. 18-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kokzab>

Поступила в редакцию / Received 22.04.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-314-322>

Шифр научной специальности 5.1.1

Принцип демократизма в уголовно-исполнительном праве России – принцип без содержания и практической реализации

Илюхина Вера Александровна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», 390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, 1; главный научный сотрудник Научного центра, Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 46, <https://doi.org/0000-0001-7049-4593>, eva3011@bk.ru

Аннотация

С позиции позитивистского правопонимания рассмотрен принцип демократизма как принцип уголовно-исполнительного права. На основе анализа законодательства, материалов судебной практики и научной литературы сделан вывод, что закрепленный в статье 8 УИК РФ принцип демократизма является в российской правовой системе принципом без содержания и практической реализации. По своей сущности он не имеет отношения к уголовно-исполнительной системе, не соответствует ее цели и задачам. В научной литературе данный принцип вызывает дискуссии, идущие в диапазоне от признания его бессмысленности до искусственных попыток найти в нем какое-то содержание, представления о котором сильно разнятся. В судебной практике принцип демократизма оказался совершенно невостребованным ни в каком аспекте. Несмотря на его нормативное закрепление, он не играет никакой роли ни в регулировании уголовно-исполнительных отношений, ни в российской правовой системе в целом. Предложено исключить упоминание принципа демократизма из статьи 8 УИК РФ.

Ключевые слова

принцип демократизма, принципы уголовно-исполнительного законодательства, правоприменение, уголовно-исполнительное право

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

В.А. Илюхина – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, анализ материалов судебной практики, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Илюхина В.А. Принцип демократизма в уголовно-исполнительном праве России – принцип без содержания и практической реализации // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 314-322. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-314-322>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-314-322>

OECD 5.05; ASJC 3308

The principle of democracy in Russian penal law – a principle without content or practical implementation

Vera A. Ilyukhina,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of Theory of State and Law, International and European Law Department, The Academy of the FPS of Russia, 1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russian Federation; Leading Researcher, Research Center, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 46 Gagarina Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation, <https://doi.org/0000-0001-7049-4593>, eva3011@bk.ru

Abstract

From a positivist perspective on law, the principle of democracy is examined as a principle of criminal-executive law. Based on an analysis of legislation, case law, and scientific literature, it is concluded that the principle of democracy enshrined in Article 8 of the Russian Criminal Enforcement Code is a principle without content or practical implementation in the Russian legal system. By its nature, it is unrelated to the penal system and does not align with its goals and objectives. This principle is debated in scientific literature, ranging from recognizing its meaninglessness to artificial attempts to find some content in it, with views on which vary greatly. In judicial practice, the principle of democracy has proven to be completely unused in any aspect. Despite its normative consolidation, it plays no role either in the regulation of criminal enforcement relations or in the Russian legal system as a whole. It has been proposed to exclude the mention of the principle of democracy from Article 8 of the Criminal Enforcement Code of the Russian Federation.

Keywords

principle of democracy, principles of criminal-executive legislation, law enforcement, criminal-executive law

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

V.A. Ilyukhina – research concept development, normative documents collection and analysis, scientific literature analysis, analysis of judicial practice materials, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Ilyukhina, V.A. (2025). The principle of democracy in Russian penal law – a principle without content or practical implementation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 314-322. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-314-322>

В конце XX – начале XXI века юридическая техника закрепления принципов различных отраслей российского права становится все более совершенной по сравнению с советским периодом развития отечественного права. Следует приветствовать сам факт,

что в ряде кодифицированных актов появились главы и/или статьи, непосредственно посвященные принципам правового регулирования, принципам законодательства.

Сам факт нормативного закрепления основополагающих идей отрасли права в ко-

дифицированном акте, несомненно, должен способствовать более качественному правоприменению. При этом следует учитывать, что принципы права – это не какие-то смысловые конструкции, выводимые из общих представлений о праве, в том числе в его нравственном измерении, из толкования содержания отдельных норм и их совокупности, из судебной практики и тому подобное, а это – специфические нормы права. С позиции позитивистского правопонимания принципы права – это не просто нормы права, а нормы, закрепляющие наиболее важные исходные, базовые идеи, лежащие в основе всего правового регулирования или отдельных его сфер [1–4]. Более того, эти нормы прямо маркированы в тексте кодифицированного акта законодателем в качестве принципов или основных начал. В этом случае принципы права синонимичны принципам законодательства. Одновременно следует от принципов права отграничивать доктринальные принципы, то есть те положения, которые прямо не закреплены в тексте закона и не маркированы в качестве основополагающих [4, с. 149–226].

Что касается принципов уголовно-исполнительного права, то, к сожалению, в статье 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации просто перечисляются, но их содержание не раскрывается. Данная ситуация объясняется тем, что среди специалистов, составлявших проект УИК РФ, разногласия были настолько сильными, что им не удалось достичь консенсуса, поэтому в законе содержание принципов права осталось не раскрытым [5, с. 74; 6, с. 51].

Получается, что при принятии УИК РФ не было сформулировано содержание идей, лежащих в основе отрасли уголовно-исполнительного права, в основе уголовно-исполнительного законодательства. В итоге мы получили принципы без содержания или с неопределенным содержанием. Такой подход явно не соответствует повышению качества правоприменения, поскольку практические органы не получили представления, на каких идеях основан УИК РФ.

Обратим внимание, что российский законодатель в статье 8 УИК РФ просто скопировал статью 7 Модельного уголовно-исполнительного кодекса для государств-участников СНГ, принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 2 ноября 1996 г. и носящего рекомендательный характер. Название принципов уголовно-исполнительного законодательства в соответствующих статьях идентично за исключением того, что названный в Модельном кодексе принцип рационального применения принудительных средств и стимулирования правопослушного поведения в УИК РФ получил название принципа рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения. Очевидно, что эти отличия носят исключительно редакционный характер.

Если наличие таких принципов уголовно-исполнительного законодательства, как законность, гуманизм, равенство осужденных перед законом, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний, рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединение наказания с исправительным воздействием основывается на историческом российском и зарубежном опыте, то в этом контексте наличие принципа демократизма выглядит несколько странным. По нашему мнению, его закрепление в 1997 г. в УИК РФ носило конъюнктурный характер, поскольку Российская Федерация стремилась показать свою близость к западным ценностям (многие из которых в дальнейшем оказались ложными), незадолго до этого (28 февраля 1996 г.) Россия вошла в Совет Европы, был взят ориентир на судебную практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

Далее мы сконцентрируем внимание на принципе демократизма как принципе уголовно-исполнительного законодательства России и попытаемся выяснить его роль в национальной правовой системе.

Итак, ни в статье 8, ни в других статьях УИК не раскрывается содержание принципа демократизма. Следует согласиться с О.А. Ги-

натулиной, что «принцип демократизма сформулировать представляется крайне сложно по сравнению с другими принципами, поскольку о нем нет упоминания ни в Конституции РФ, ни в «Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с заключенными», ни в других нормативных правовых актах Российской Федерации применительно к уголовно-исполнительной сфере. Его формулировкой и разработкой занимаются только ученые» [7, с. 43]. Естественно, это привело к широкому спектру мнений среди ученых по поводу его содержания.

Начнем с того, что в научной литературе имеется утверждение, что принцип демократизма – это общеправовой принцип [8, с. 125; 9, с. 10; 10, с. 330], конституционный принцип [11]. Однако это ошибочное утверждение, поскольку ни в Конституции РФ, ни в отраслевом законодательстве (кроме уголовно-исполнительного) он не нашел закрепления. Если же находить в Основном законе России какие-то нормы, которые можно рассматривать как принцип демократизма, то нужно констатировать, что они касаются не права как такового, а государственного устройства.

Исследователями уже были предприняты попытки в концентрированном виде изложить подходы к пониманию принципа демократизма разными учеными. Однако по большому счету все сводится к тому, что его содержание носит чрезвычайно широкий характер. Как таковой дискуссии по этому поводу нет – очередной исследователь, не оспаривая то, что включили в принцип демократизма до него, добавляет какой-то свой элемент. В целом в содержание принципа демократизма включают: признание заключенного субъектом уголовно-исполнительного права; демократизацию управления уголовно-исполнительной системой; учет общественного мнения при совершенствовании уголовно-исполнительного законодательства; участие граждан в деятельности органов уголовно-исполнительной системы, в воспитании и исправлении осужденных; участие самих осужденных в воспитательном процессе; общественный, судебный, ведомственный и иной контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы;

открытость, доступность и достоверность информации о деятельности уголовно-исполнительной системы; расширении участия общественности в исполнении наказания в порядке подачи и разрешения обращений осужденных и свободе выбора ими языка обращений и переписки; интеграция граждан и общественных организаций в процесс ресоциализации заключенных; наказание налагается и реализуется от имени многонационального народа России и др. [6; 8; 9; 12–17].

Такая широта и эклектичность толкования содержания принципа демократизма в уголовно-исполнительной системе свидетельствуют, как это ни парадоксально, об отсутствии самого содержания в этом принципе.

Бесперспективными, на наш взгляд, являются и предложения о законодательном закреплении дефиниции принципа демократизма в статье 8 УИК РФ. Так, А.М. Репьева предлагает ввести в названную статью отдельную часть, в которой нужно указать: «Демократизм выражается в требовании к организации деятельности по исполнению наказания на основе гласности и публичности, что определяет возможность участия в ней и осуществление контроля со стороны граждан и общественных объединений» [10, с. 333].

На наш взгляд, это определение не только неудачно стилистически, но оно и логически ущербно, потому что автор предлагает один принцип (принцип демократизма) выражать через другие принципы, которые не называются в УИК РФ и дефиниции которых отсутствуют (принцип гласности, принцип публичности, принцип общественного контроля). Кроме того, в нем акцентируется внимание на публичности и гласности в организации деятельности по исполнению наказаний, что во многих случаях просто противоречит сущности пенитенциарной системы.

Е.В. Лунгу пришла к выводу, что «реализация принципа демократизма в уголовно-исполнительных отношениях требует отдельной законодательной проработки, так как существующий механизм реализации не позволяет его реализовать в конкретных уголовно-исполнительных отношениях» [18,

с. 148]. По нашему мнению, проблема кроется не просто в сложностях практической реализации принципа демократизма в уголовно-исполнительных правоотношениях, а в том, что его смысл заключается в осуществлении власти народом через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Это означает, что данный принцип сущностно не соответствует цели и задачам уголовно-исполнительной системы.

В российской правовой системе особую роль играет судебная практика. Мы не будем останавливаться на идущей более тридцати лет дискуссии о том, является ли судебная практика источником права, однако то, что она в любом случае занимает особое место в правовой системе, не вызывает сомнения. Если говорить о принципах права в судебной практике, то суды «работают» с ними следующим образом: 1) используют их в качестве реальной аргументации выносимых судебных актов; 2) формально ссылаются на принципы права; 3) конкретизируют в судебных актах их содержание. Вообще, судебная практика является двигателем развития законодательства. Частота и характер отсылок к тому или иному принципу права при аргументации выносимых судебных актов свидетельствует о востребованности того или иного принципа, его реальной роли в правовой системе. А частые отсылки к отдельным доктринальным принципам, раскрытие их содержания в судебных актах свидетельствуют о том, что конкретные доктринальные принципы играют определенную роль в правовой системе, и требуется их легализация путем нормативного закрепления.

По материалам сайта «sudact.ru» мы проанализировали, как российские суды используют в своей деятельности принцип демократизма.

В судебной практике Верховного суда РФ принцип демократизма не упоминается ни разу ни в каком контексте. Как ни странно, арбитражные суды в двух своих актах упомянули принцип демократизма. В одном случае Арбитражный суд Московского округа взял на себя смелость «однозначно» отнести, смешав принципы права, доктринальные принципы, общепризнанные принципы и нормы международного права, принципы

правосудия, к основополагающим принципам «принципы демократизма, федерализма, уважения прав и свобод человека, непосредственного действия общепризнанных принципов и норм международного права, верховенства Конституции, равноправия, равенства всех форм собственности, правосудия»¹. Во втором случае упоминание принципа гуманизма носило исключительно формальный констатационный характер, причем вместе с другими принципами уголовно-исполнительного законодательства: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием (статья 8 УИК РФ)»².

Среди судебных актов, вынесенных мировыми судьями, нами обнаружено только одно постановление, в котором упоминается принцип демократизма. Мировой судья указал, что «Российское законодательство, базируясь на принципах демократизма, гуманности, экономии средств государственного принуждения и последовательного использования убеждения, предусматривает возможность освобождения лиц, совершивших правонарушения, от того или иного вида юридической ответственности»³. Если связь между освобождением от юридической ответственности и принципами «гуманности, экономии средств государственного принуждения и последовательного использования убеждения» имеется, то совершенно непо-

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 сентября 2018 г. по делу № А40-11010/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Q1CPqXMt7vVv/> (дата обращения: 16.03.2025).

² Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 14 июня 2016 г. по делу № А72-1008/2016. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ppT46EuSrLrs/> (дата обращения: 16.03.2025).

³ Постановление мирового судьи Судебного участка № 4 Заводского района г. Кемерово от 8 августа 2016 г. по делу № 5-882/2016. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/c6ivg20vJaxP/> (дата обращения: 16.03.2025).

нятно, какое отношение имеет к освобождению от юридической ответственности принцип демократизма. Кроме того, следует отметить непонимание мировым судьей сущности принципов права – он смешивает собственно принципы права (демократизм и гуманизм, причем последний он называет «гуманностью», что не соответствует его законодательному названию) с доктринальными принципами (экономии средств государственного принуждения и последовательного использования убеждения), не имеющими нормативного закрепления.

В деятельности судов общей юрисдикции по вполне понятным причинам упоминание принципов уголовно-исполнительного законодательства имеет место чаще, чем в деятельности арбитражных судов и мировых судей. Однако и здесь ни разу суды общей юрисдикции не сослались отдельно на принцип демократизма как самостоятельный принцип уголовно-исполнительного законодательства – во всех случаях он упоминался среди других принципов.

Можно выделить две конструкции, использованные судами общей юрисдикции при отсылке к принципам уголовно-исполнительного законодательства.

Первая конструкция: уголовно исполнительное законодательство «основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием». Здесь имеет место простое перечисление принципов уголовно-исполнительного законодательства РФ, названных в том же порядке, что и в статье 8 УИК РФ. При этом какого-то аргументирующего значения ни один из них, в том числе и принцип демократизма, не имеет. Данная конструкция была использована примерно в 400 судебных актах судов общей юрисдикции начиная с 2016 г.

Вторая конструкция: уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации «основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма». Как видим, данная конструкция представляет собой усеченный вариант предыдущей конструкции. При этом принцип демократизма также не играет никакой самостоятельной роли. Данная конструкция использовалась судами общей юрисдикции порядка 300 раз.

Исходя из анализа судебной практики мы можем утверждать, что суды в Российской Федерации не предпринимали попыток дать дефиницию принципа демократизма или другим способом раскрыть его содержание. С точки зрения правоприменения, нормативно закрепленный принцип гуманизма оказался мертворожденным, поскольку он не используется в аргументации выносимых судебных актов, а отсылки к нему производятся исключительно в совокупности с другими принципами уголовно-исполнительного законодательства и носят формальный характер.

Завершая наше исследование, отметим, что закрепленный в статье 8 УИК РФ принцип демократизма является в российской правовой системе принципом без содержания и практической реализации. Более того, по своей сущности он не имеет отношения к уголовно-исполнительной системе, не соответствует ее цели и задачам. В научной литературе данный принцип вызывает дискуссии, идущие в диапазоне от признания его бессмысленности до искусственных попыток найти в нем какое-то содержание, представления о котором сильно разнятся. В судебной практике принцип демократизма оказался совершенно невостребованным ни в каком аспекте. Несмотря на его нормативное закрепление, он не играет никакой роли ни в регулировании уголовно-исполнительных отношений, ни в российской правовой системе в целом. Все это приводит нас к выводу, что упоминание принципа демократизма должно быть исключено из статьи 8 УИК РФ.

Список источников

1. Демичев А.А. К вопросу о принципах гражданского процессуального права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2005. № 1 (42). С. 92-98. <https://elibrary.ru/ytjsmh>
2. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5-13. <https://elibrary.ru/sgnrrx>
3. Демичев А.А. Принципы гражданского процессуального права Российской Федерации: проблемы сущности и классификации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 10. С. 130-133. <https://elibrary.ru/kzczqv>
4. Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование) / под ред. А.А. Демичева. Москва: Директ-Медиа, 2024. 408 с. <https://elibrary.ru/gbumvc>
5. Гришко А.Я. О принципах уголовно-исполнительного права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2014. № 4. С. 70-77. <https://elibrary.ru/tgnevz>
6. Уткин В.А. Демократизм уголовно-исполнительного права: декларация или реальность? // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1 (72). С. 50-53. <https://elibrary.ru/pwhebz>
7. Гинатулина О.А. Принцип демократизма и принцип равенства осужденных перед законом в уголовно-исполнительном праве // VIII Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина: сборник материалов: в 2 т. Пермь: Перм. ин-т Фед. службы исполнения наказаний, 2022. С. 43-45. <https://elibrary.ru/wrbyds>
8. Королев Р.В. К вопросу о понятии принципа демократизма в уголовно-исполнительном праве // Бизнес в законе. 2007. № 4. С. 125-126. <https://elibrary.ru/jwqjmv>
9. Макарова Н.А. К вопросу о содержании и значении принципа демократизма в уголовно-исполнительном праве // Уголовно-исполнительная система: законодательство, политика, процесс: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, приуроченной к 30-летию со дня образования Самарского юридического института ФСИН России, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О.В. Филимонова. Самара: Самар. юрид. ин-т Фед. службы исполнения наказаний, 2024. С. 10-13. <https://elibrary.ru/rqwogy>
10. Репьева А.М. Основные аспекты воплощения общеправового принципа демократизма в уголовно-исполнительной системе и совершенствование его законодательного закрепления // Актуальные вопросы совершенствования системы государственного и муниципального управления в России на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (конференция посвящена 15-летию Алтайского филиала РАНХиГС)). Барнаул: Азбука, 2016. С. 330-333. <https://elibrary.ru/shzuyh>
11. Лунгу Е.В. Конституционные принципы законности, гуманизма и демократизма в уголовно-исполнительных отношениях // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.Г. Чириков. Новокузнецк: Кузбас. ин-т Фед. службы исполнения наказаний, 2017. С. 101-104. <https://elibrary.ru/kltdls>
12. Гришко А.Я. Принципы гуманизма и демократизма в уголовно-исполнительном праве // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 23-27. <https://elibrary.ru/rgsask>
13. Иванов В.А. Реализация принципа демократизма при исполнении наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 26 с. <https://elibrary.ru/njzpzp>
14. Королев Р.В. Принцип демократизма в уголовно-исполнительной системе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010. 32 с. <https://elibrary.ru/qeyadr>
15. Смольянинов В.Н. Принцип демократизма в уголовно-исполнительном праве // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 4 (24). С. 109-117. <https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2024.24.10>, <https://elibrary.ru/bldtza>
16. Соколова О.В., Степанова И.Б. К вопросу о содержании принципа демократизма и его реализации в уголовно-исполнительном праве (на примере деятельности общественных наблюдательных комиссий) // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1 (80). С. 58-61. <https://elibrary.ru/pygsoh>
17. Степанов М.В., Волчкова А.А. Принцип демократизма в уголовно-исполнительной системе // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 422-426. <https://elibrary.ru/rupxdl>
18. Лунгу Е.В. Принципы законности, гуманизма и демократизма в уголовно-исполнительных отношениях как способ реализации общих конституционных правоотношений // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4 (29). С. 142-149. <https://elibrary.ru/xdsbtz>

References

1. Demichev A.A. (2005). On the issue of the principles of civil procedure law. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava* = *Saratov State Law Academy Bulletin*, no. 1 (42), pp. 92-98. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ytjsmh>
2. Demichev A.A. (2014). Positivist classification of principles of modern Russian law. *Gosudarstvo i pravo* = *State and Law*, no. 5, pp. 5-13. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sgnrrx>
3. Demichev A.A. (2005). Principles of civil procedure law of the Russian Federation: problems of foundation and classification *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* = *Saratov State Socio-Economic University Bulletin*, no. 10, pp. 130-133. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kzczqv>
4. Ilyukhina V.A. (2024). *Principles of Law in the National Legal Systems of the Russian Federation and the Republic of Armenia (Comparative Legal Study)*. Moscow, Direkt-Media Publ., 408 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gbumvc>
5. Grishko A.Ya. (2014). On the principles of criminal and enforcement law. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* = *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, no. 4, pp. 70-77. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tgnevv>
6. Utkin V.A. (2011). Democracy of penal law: declaration or reality? *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* = *Human: Crime and Punishment*, no. 1 (72), pp. 50-53. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pwhebz>
7. Ginatulina O.A. (2022). The principle of democracy and the principle of equality of convicts before the law in criminal enforcement law. *VIII Pedagogicheskie chteniya, posvyashchennye pamyati professora S.I. Zlobina: v 2 t.* = *8th Pedagogical Readings Dedicated to the Memory of Professor S.I. Zlobin: in 2 vols*. Perm, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service Publ., pp. 43-45. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wrbyds>
8. Korolev R.V. (2007). On the concept of the principle of democratization in criminal enforcement law. *Biznes v zakone* = *Business in the Law*, no. 4, p. 125-126. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jwqjmv>
9. Makarova N.A. (2024). On the content and significance of the principle of democratism in criminal enforcement law. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, priurochennoi k 30-letiyu so dnya obrazovaniya Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii, posvyashchennoi pamyati rossiiskogo uchenogo-penitentsiarista zasluzhennogo yurista Rossiiskoi Federatsii doktora yuridicheskikh nauk, professora O.V. Filimonova «Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: zakonodatel'stvo, politika, protsess»* = *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, dedicated to the 30th anniversary of the founding of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, and to the memory of the Russian penologist, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor O.V. Filimonov "The Criminal Enforcement System: Legislation, Policy, Process"*. Samara, Samara Legal Institute of the Federal Penitentiary Service Publ., pp. 10-13. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rqwogy>
10. Repeva A.M. (2016). Key aspects of embodiments of the general legal principle of democracy in the penal system and improvement of its legislative consolidation. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (konferentsiya posvyashchena 15-letiyu Altaiskogo filiala RANKHIGS) «Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v Rossii na sovremennom etape»* = *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (the Conference is Dedicated to the 15th Anniversary of the Altai Branch of the RANEPa) "Current Issues in Improving the System of State and Municipal Governance in Russia at the Present Stage"*. Barnaul, Azbuka Publ., pp. 330-333. (In Russ.) <https://elibrary.ru/shzuyh>
11. Lungu E.V. (2017). Constitutional principles of legality, humanism, and democracy in criminal enforcement relations. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeistvie nauki i praktiki»* = *Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference "The Criminal Enforcement System Today: Interaction of Science and Practice"*. Novokuznetsk, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service Publ., pp. 101-104. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kltds>
12. Grishko A.Ya. (2014). Principle of humanity and democracy in the criminal and executive right. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* = *Criminal Enforcement Law*, no. 2 (18), pp. 23-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rgsask>
13. Ivanov V.A. (2006). *Implementation of the principle of democracy in the execution of punishment in the form of imprisonment. Cand. Sci. (Law) diss. abstr.* Ryazan, 26 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/njzpz8>
14. Korolev R.V. (2010). *The Principle of Democracy in the Russian Criminal Enforcement System. Cand. Sci. (Law) diss. abstr.* Nizhny Novgorod, 32 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qeyadr>
15. Smolyaninov V.N. (2024). The principle of democracy in criminal executive law. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, no. 4 (24), pp. 109-117. (In Russ.) <https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2024.24.10>, <https://elibrary.ru/bldtza>

16. Sokolova O.V., Stepanova I.B. (2013). Principle of democracy and its implementation in the penal law through the example of activities of the public monitoring commissions. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* = *Human: Crime and Punishment*, no. 1 (80), pp. 58-61. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pygsoh>
17. Stepanov M.V., Volchkova A.A. (2014). The Principle of Democracy in the Penal System. *Yuridicheskaya tekhnika* = *Legal Technique*, no. 8, pp. 422-426. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rupxdl>
18. Lungu E.V. (2016). The principles of legality, humanity and democratism in the criminal and executive relations as the way of realization of the general constitutional legal relationship. *Vestnik Kuzbasskogo institute* = *Bulletin of the Kuzbass Institute*, no. 4 (29), pp. 142-149. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xdsbtz>

Поступила в редакцию / Received 05.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-323-335>

Шифр научной специальности 5.1.1

Государственно-правовое устройство России в период Первой мировой войны: трансформация и кризис

Ситников Кирилл Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя», 117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12; старший научный сотрудник Центра исследований права и культуры Юридического факультета, ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», 119049, Российская Федерация, г. Москва, Мароновский пер., 26, <https://orcid.org/0000-0002-6247-969X>, kirillsa@mail.ru

Попов Виталий Игоревич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя», 117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12; старший научный сотрудник Центра исследований права и культуры Юридического факультета, ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», 119049, Российская Федерация, г. Москва, Мароновский пер., 26, <https://orcid.org/0000-0003-2088-247X>, popov.vitaliy.law@gmail.com

Аннотация

Проведен анализ трансформации государственно-правового устройства Российской империи в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Рассмотрены ключевые изменения в системе государственного управления, вызванные условиями военного времени. Особое внимание уделено эволюции чрезвычайного законодательства, деятельности общественных организаций (Земгор, Военно-промышленные комитеты) и конфликту между властью и Прогрессивным блоком Государственной думы. На основе архивных материалов, законодательных актов и научных исследований сделан вывод, что война обострила системные противоречия империи: от кризиса управления («министерская чехарда») до радикализации социальных настроений. Наглядно продемонстрирован обратный эффект чрезвычайного законодательства, выразившийся в том, что меры по адаптации права к военным условиям (расширение полномочий генерал-губернаторов, внесудебные репрессии) в конечном счете не только не предотвратили кризис государственности, но и стали катализатором его углубления. Исследование имеет междисциплинарный характер, сочетая методы историко-правового анализа, количественного анализа статистических данных, институционального подхода и дискурс-анализа. Материалы исследования могут быть использованы в учебных курсах «История государства и права России», «История отечественного государства и права», «История государственного управления в России», а также для изучения закономерностей кризиса государственности в экстраординарных условиях.

Ключевые слова

история государства и права, государство, право, Первая мировая война, Российская империя, чрезвычайное законодательство, Земгор, военно-промышленный комитет, Четвертая Государственная дума, Прогрессивный блок, кризис легитимности

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

К.А. Ситников – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов (в том числе историко-правового характера), анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции. В.И. Попов – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов (в том числе историко-правового характера), анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Ситников К.А., Попов В.И. Государственно-правовое устройство России в период Первой мировой войны: трансформация и кризис // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 323-335. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-323-335>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-323-335>

OECD 5.05; ASJC 3308

The state and legal system of Russia during the World War I: transformation and crisis

Kirill A. Sitnikov,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Theory of State and Law Department, V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 12 Akademika Volgina St., Moscow, 117997, Russian Federation; Senior Researcher, Center for Law and Culture Studies at the Faculty of Law, State Academic University for the Humanities, 26 Maronovsky Lane, Moscow, 119049, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6247-969X>, kirillsa@mail.ru

Vitaliy I. Popov,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Theory of State and Law Department, V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 12 Akademika Volgina St., Moscow, 117997, Russian Federation; Senior Researcher, Center for Law and Culture Studies, Faculty of Law, State Academic University for the Humanities, 26 Maronovsky lane, Moscow, 119049, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2088-247X>, popov.vitaliy.law@gmail.com

Abstract

The transformation of the state and legal system of the Russian Empire during the World War I (1914–1917) is analyzed. Key changes in the public administration system caused by wartime conditions are considered. Special attention is given to the evolution of emergency legislation, the activities of public organizations (Zemgor, Military-Industrial Committees), and the conflict between the government and the Progressive Bloc of the State Duma. Based on archival materials, legislative acts, and scientific research, it is concluded that the war exacerbated the empire's systemic contradictions, ranging from the crisis of governance ("ministerial leapfrog") to the radicalization of social sentiments. The reverse effect of emergency legislation is clearly demonstrated, which manifested in the fact that measures to adapt the law to wartime conditions (expanding the powers of governors-general, extrajudicial repressions) ultimately not only failed to prevent the crisis of statehood but also became a catalyst for its deepening. The study is interdisciplinary, combining methods of historical and legal analysis, quantitative analysis of statistical data, the institutional approach, and discourse analysis. The research materials can be used in the academic courses "History of the State and Law of Russia", "History of Domestic State and Law", "History of Public Administration in Russia", as well as for studying the patterns of the crisis of statehood in extraordinary conditions.

Keywords

history of state and law, state, law, World War I, Russian Empire, emergency legislation, Zemgor, military-industrial committee, Fourth State Duma, Progressive Bloc, crisis of legitimacy

Funding

This research received no external funding.

Authors' contribution

K.A. Sitnikov – concept development, normative documents selection and analysis (including those of a historical and legal nature), scientific literature analysis, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board. V.I. Popov – concept development, normative documents selection and analysis (including those of a historical and legal nature), scientific literature analysis, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Sitnikov, K.A., & Popov, V.I. (2025). The state and legal system of Russia during the World War I: transformation and crisis. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 323-335. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-323-335>

Введение

Первая мировая война, в которую было вовлечено большинство ведущих держав и их колоний, явилась результатом обострения империалистических противоречий. Основная предпосылка для начала одного из самых масштабных вооруженных конфликтов в истории человечества – неравномерность социально-экономического развития ведущих капиталистических стран. В ходе войны столкнулись две враждующие коалиции (два военно-политических блока):

- 1) Антанта («сердечное согласие») – Англия, Франция и Россия;
- 2) «Тройственный союз» – Германия, Австро-Венгрия, Италия.

События Первой мировой войны оказали колоссальное влияние на все сферы общественной жизни, и, вне всякого сомнения, государственно-правовые явления не стали исключением. В связи с этим неудивительно, что дискуссии о войне, начавшиеся в штабах армий и военных министерствах, а также среди подданных воюющих империй, впоследствии переключались на страницы книг и журналов на долгие десятилетия [1, с. 713]. Поскольку «война – слишком серьезная вещь, чтобы доверять ее военным», осмыслением ее последствий занялись историки, философы, политологи, юристы и другие специалисты. Масштаб конфликта, его глобальность и глубина воздействия на ми-

ровое сообщество предопределили стремительное развитие историографии Первой мировой войны [2]. Не осталась в стороне и историко-правовая наука. Однако, несмотря на ее прогресс, на современном этапе сохраняется проблема методического обеспечения изучения данного периода в рамках учебных курсов «История государства и права России» или «История отечественного государства и права», а также «История государственного управления в России»: трансформациям российской государственности и права в годы Первой мировой войны либо уделяется недостаточное внимание, либо они анализируются преимущественно с исторической, а не с историко-правовой [3; 4, с. 99-100] точки зрения¹. Вместе с тем для юриста Первая мировая война – это не просто военная история (даты, сражения, победы и поражения, подвиги и предательства), а один из ключевых этапов в истории российской государственности и права. На примере процессов данного периода можно наглядно продемонстрировать пределы устойчивости правовой системы, риски злоупотребления чрезвычайным законодательством, последствия кризиса легитимности власти (на примере падения монархии) и взаимозависимости

¹ Еще одна немалозначимая проблема связана с тем, что не весь учебный материал, который содержится в соответствующих изданиях, может быть верифицирован с научной точки зрения.

мость эффективности права от стабильности государства. Изучение данного периода дает будущему юристу важные уроки о хрупкости правопорядка в условиях кризиса.

В связи с этим в настоящей работе предпринята попытка сформировать, с одной стороны, информативный, а с другой стороны, компактный и научно-верифицированный материал, который может быть востребован в рамках преподавания указанных учебных дисциплин в образовательных организациях среднего и высшего профессионального образования.

Результаты исследования

1. Изменения в государственном строе России в период Первой мировой войны

Начало Первой мировой войны для Российской империи сопровождалось всплеском национально-патриотических настроений, и большинство политических сил, включая либералов и умеренных социалистов, первоначально поддерживало правительство. Однако большевики (фракция РСДРП) уже с августа 1914 г. заняли принципиально иную позицию, осудив войну как империалистическую. В отличие от «оборонцев» (меньшевиков и эсеров, выступавших за защиту страны), к 1915 г. их антивоенная линия окончательно оформилась, что нашло свое отражение в Циммервальдском движении и дальнейшей революционной агитации.

Для всех стран затяжной характер войны оказался неожиданностью, что противоречило первоначальному военно-стратегическим и экономическим расчетам.

По справедливому замечанию А.В. Кирноса и В.А. Колесникова, в Российской империи в ходе войны, очевидно, выявились 2 тенденции:

«1) российская буржуазия, профинансировав войну, все больше стремилась к усилению своего контроля за ее ходом;

2) царизм стремился не допустить буржуазию к участию в управлении, при этом оказавшись неспособным его эффективно организовать самостоятельно» [5, с. 137-138].

С точки зрения развития общества, государственного и правового устройства Рос-

сийской империи полагаем наиболее целесообразным провести условное деление Первой мировой войны на 3 этапа:

1) 1914 – начало 1915 г. – связан с началом войны, принятием первых мер по изменению государственного управления в экстраординарных условиях, а также общенародным воодушевлением;

2) начало 1915 – начало 1916 г. – осознание затяжного характера войны и попытки адаптации экономического и политического устройства к новым реалиям;

3) 1916 – февраль 1917 г. – нарастание системного кризиса, приведшего к краху монархического режима (рис. 1).

Вступление России в Первую мировую войну в августе 1914 г. стало катализатором глубоких изменений в системе государственного управления, которые последовательно трансформировали традиционные принципы организации власти в империи. **На первом этапе** (1914 – начало 1915 г.) предпринимались активные попытки по созданию централизованной системы управления, способной обеспечить эффективную мобилизацию ресурсов. Одна из острых проблем для отечественной экономики была связана с тем, что к лету более половины (55 %) российских ценных бумаг принадлежали иностранному капиталу, а внешний долг превышал 5 млрд рублей. Данное обстоятельство в немалой степени обуславливало вынужденность Правительства с вниманием относиться к требованиям иностранных инвесторов, мирясь с параллельно нараставшей оппозиционной активностью.

Однако, несмотря на возникавшие проблемы, государство смогло перестроить экономику страны на военный лад. Принимая экономическое производство 1913 г. за 100 %, можно говорить о следующем развитии:

1914 г. – +1,2 % (здесь и далее – по отношению к 1913 г.);

1915 г. – + 13,7 %;

1916 г. – +21,5 % [6, с. 250]. Для обеспечения военных потребностей в 1914 г. сталелитейные и судостроительные заводы были переданы под контроль морского министерства.

Рис. 1. Этапы кризиса легитимности власти

Fig. 1. Stages of government legitimacy crisis

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Первоначально в области государственного управления были осуществлены лишь незначительные преобразования военного характера:

- 1) проводится успешная мобилизация;
- 2) учреждается Ставка главнокомандования;
- 3) в конце июля 1914 г. *Совет министров* получил чрезвычайные полномочия (многие вопросы решались им самостоятельно от имени императора);
- 4) в соответствии с Положением о полевом управлении войск в военное время², Положением о местностях, объявляемых состоящими на военном положении, и чрезвычайным законодательством конца XIX века происходит расширение компетенции генерал-губернаторов и военных властей в ряде регионов.

Говоря о последнем из перечисленных преобразований, связанных с переходом к правовому режиму военного положения,

следует выделить особенности административной и судебной власти генерал-губернатора, который обладал следующими полномочиями:

- 1) издавать обязательные постановления по вопросам, относящимся к предупреждению нарушения общественного порядка и государственной безопасности;
- 2) устанавливать ответственность в виде тюремного заключения сроком на три месяца или денежного штрафа до трех тысяч рублей за нарушение указанных выше постановлений;
- 3) запрещать проведение народных, общественных и частных собраний;
- 4) закрывать торговые и промышленные, а также учебные заведения на срок действия военного положения;
- 5) разрешать чрезвычайные, приостанавливать и закрывать очередные собрания сословных и городских учреждений;
- 6) осуществлять высылку отдельных лиц во внутренние губернии;

² Положение о полевом управлении войск в военное время. Санкт-Петербург: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914.

7) устранять от должности на время чиновников всех ведомств, замещая их специально назначенными лицами³.

Согласно Положению 1892 г. «О местностях, объявляемых состоящими на военном положении» направление действий по охране государственного порядка и общественного спокойствия переходило к главнокомандующему и командующему армиями, которые могли:

1) *«воспрещать отлучку из места жительства таким лицам, которых предполагается привлечь к достижению целей войны»;*

2) *назначать общие и частные реквизиции;*

3) *воспрещать вывоз всего, могущего понадобиться для войны...*

4) *распоряжаться уничтожением строений и истреблением всего, что может препятствовать действиям своих войск или благоприятствовать неприятелю»*⁴.

Второй этап войны. Однако по мере затягивания войны (1915–1916 гг.) стала очевидной неэффективность жестко централизованной системы управления. Экономические трудности, проблемы снабжения армии и нарастающий дефицит продовольствия в городах вынудили правительство пойти, в том числе, на беспрецедентный шаг – создание параллельных управленческих структур с участием общественности. Обозначим основные изменения в экономической и политической сферах в рассматриваемый период.

1. Лето 1915 г. – создается особая система межведомственных совещаний по следующим вопросам: топливо, продовольствие, перевозка и устройство беженцев.

Наиболее значимым было Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне. Его возглавлял военный министр. К компетенции данного Совещания относился высший надзор за деятельностью всех правительственных заво-

дов, arsenалов и мастерских; контроль за частными изготовителями оружия и снаряжения. Кроме того, Особое совещание принимало активное участие в создании новых таких предприятий. По своей сути, данные совещания представляли собой новые органы чрезвычайного управления.

2. Июль 1915 г. – создается Главный комитет Всероссийского Земского и Городского союзов (Земгор). Земгор представлял собой общественную организацию, оказывавшую содействие правительству в мобилизации промышленности на нужды фронта. Его представители носили полувоенную форму и получали освобождение от военной службы, в связи с чем получили в обществе прозвище «земские гусары» – «земгусары»⁵.

3. Август 1915 г. – создание военно-промышленных комитетов (ВПК) для содействия «правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довоза»⁶.

ВПК создавались временно, на период войны, структурно делились на центральный, областные и местные военно-промышленные комитеты. Юридически ВПК представляли собой общественные организации. Для придания ВПК «народного характера» при них учреждались и выборные рабочие группы для обеспечения «классового мира» (при ЦВПК – во главе с меньшевиком – рабочим К.А. Гвоздевым) [5, с. 139-141].

4. В целях регулирования перевозок в декабре 1915 г. был создан Временный распорядительный комитет по железнодорожным перевозкам. Продовольственная политика, несмотря на все сложности, позволила даже в условиях войны избежать голода. Сельские местности обеспечивали себя за счет крестьянских хозяйств. В первый год войны поставка продовольствия осуществлялась не на принудительной, а на договорной основе. Но цены начали расти, и с 1915 г. стала практиковаться система принудительных мер.

³ Положение о полевом управлении войск в военное время.

⁴ О местностях, объявляемых состоящими на военном положении: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 18 июня 1892 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 12. № 8757.

⁵ [Земгусарь] // Серия открыток «Типы революции». Неизвестный художник. С. 158.

⁶ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. Оп. 73. Д. 268.

Благодаря мобилизации ресурсов всего населения и активному участию промышленного капитала Российской империи удалось добиться значительного прогресса в развитии военно-промышленного комплекса. На фронт стали поступать в массовом количестве (в том числе и от союзников) грузовики, самолеты (222 аэроплана в месяц), телефоны.

Тем временем на фронте удалось стабилизировать положение, провести крупные наступательные операции (Брусиловский прорыв) и занять всю Турецкую Армению. От полного крушения австрийского фронта спасли лишь военные соединения Германии.

Империя выстояла в военном и экономическом плане, несмотря на все возникавшие проблемы в самый трудный период. Но противоречия внутри политической элиты, сопряженные со все растущей усталостью населения от войны, тащили государство к пропасти.

Крушение монархических государственно-правовых устоев. Стабилизация положения на фронтах войны оказалась губительной для российского общества и государства. Политическая система империи в этот период переживала глубокий кризис. Буржуазия была недовольна мерами, принимаемыми в управлении экономикой, и стремилась всячески расширить свое влияние.

В период Первой мировой войны функционировала *Четвертая Государственная дума*. К лету 1915 г. начинает активизироваться либеральная оппозиция, создается «*Прогрессивный блок*» под формальным председательством С.И. Шидловского (фактическим лидером был П.Н. Миллюков).

Блок требовал «оздоровления» монархии, что предполагало:

- 1) замену скомпрометировавших себя министров;
- 2) обновление местных органов управления;
- 3) формирование ответственного перед Думой Совета министров;
- 4) смягчение национальных ограничений и т. д.

Несмотря на умеренный характер этих требований, правительство их отвергло. 3 сентября 1915 г. император Николай II подписал указ о роспуске Думы.

Затяжной характер войны привел к нарастанию кризисных явлений в армии: участились случаи неповиновения приказам, появлялись признаки солидарности с бастующими рабочими и т. д. Так, еще 30 июля 1915 г. исполнявший обязанности военного министра А.А. Поливанов предупреждал своих коллег в правительстве: «Следует ожидать масштабной деморализации, сдачи в плен и дезертирства» [1, с. 246]. Однако стоит отметить, что отмеченная тенденция была характерна для подавляющего числа участников военного конфликта: министр иностранных дел Великобритании Э. Грей за две недели до высказывания своего российского коллеги отмечал в беседе с канадским премьер-министром Р. Борденом, что продолжение войны «должно привести к ниспровержению всех существующих форм правления» [1, с. 246].

Осенью 1916 г. думские силы, в объединении которых важную роль сыграли Земгор и военно-промышленные комитеты, перешли к активным политическим действиям. Тогда же состоялось тайное совещание думцев, на котором было решено отстранить Николая II от власти в пользу его сына. В совещании участвовали П.Н. Миллюков, А.Ф. Керенский, А.И. Гучков, М.В. Родзянко и др. Этот заговор получил поддержку среди великих князей, ближайшего окружения императора и высшего командования армии. Одновременно с этим в 1916 г. с целью правительственной «самозащиты» были запрещены съезды Земгора, а в 1917 г. арестована рабочая группа Центрального ВПК.

1 ноября 1916 г. началась пятая сессия Четвертой Государственной думы. Прогрессивный блок потребовал отставки председателя правительства Б. Штюрмера, которого обвиняли в германофильстве. Его сменщику А.Ф. Трепову депутаты также выразили недоверие. В рамках работы сессии П.Н. Миллюков выступил с резкой критикой военной и экономической политики правительства: «Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе... (голоса: «Верно»), ибо по отношению к этой власти и попытки исправления, и попытки улучшения, которые мы тут предпринимали, не оказались удачными <...> [В]озникают слухи о признании в правительственных кругах без-

цельности дальнейшей борьбы, своевременности окончания войны и необходимости заключения сепаратного мира. Господа, я не хотел бы идти навстречу излишней, быть может, болезненной подозрительности, с которой реагирует на все происходящее взволнованное чувство русского патриота. Но как вы будете опровергать возможность подобных подозрений, когда кучка темных личностей руководит в личных и низменных интересах важнейшими государственными делами? <...> Когда, вопреки нашим неоднократным настаиваниям, начиная с февраля 1916 г. и кончая июлем 1916 г. ...намеренно тормозится дело, и попытка умного и честного министра решить, хотя бы в последнюю минуту, вопрос в благоприятном смысле кончается уходом этого министра и новой отсрочкой, а враг наш, наконец, пользуется нашим промедлением, — то это: *глупость или измена?* (голоса слева: «Измена»). *Выбирайте любое. Последствия те же»*⁷.

В итоге 16 декабря 1916 г. Дума была распущена в очередной раз. Многочисленные события этого периода наглядно демонстрировали, что руководство страны не в состоянии эффективно выполнять свои обязанности. Только в 1916 г. сменились: 4 министра внутренних дел; 2 военных министра; 2 министра иностранных дел; 3 министра земледелия; 43 губернатора и т. д.

Еще с 1913 г. начал разворачиваться процесс законодательного оформления полицейской реформы. Хотя разработанные проекты имели недостатки, к 1915 г. они определили основные направления преобразований общеимперской правоохранительной системы. Тем не менее, подготовить полицейский аппарат к грядущим революционным событиям не удалось. Принятое 23 октября 1916 г. Постановление Совета министров «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов»⁸ оказалось недостаточно эффективным

для решения накопившихся проблем. Предусмотренные меры — увеличение штата нижних полицейских чинов и незначительное повышение окладов их денежного довольствия — носили скорее «косметический» характер. Более того, даже эти ограниченные инициативы не были полностью реализованы из-за кадрового дефицита и недостатка бюджетных средств для выплаты повышенного содержания в ряде регионов⁹. Некоторые предложения так и не были воплощены в законодательных актах, в частности:

— проект реформы с обновленными и существенно облегченными предложениями об усилении полиции в 50 губерниях, направленный в Государственную думу в конце декабря 1916 г.;

— инициатива о создании в европейской части России четырех полков стражи общей численностью более 2500 человек, отклоненная в связи с тяжелой экономической ситуацией и относительно (в сравнении с обычными отрядами полицейской стражи) невысокой мобильности таких формирований в масштабах всей страны [7, с. 684; 8, с. 127-128]¹⁰.

К началу 1917 г. государственный механизм Российской империи оказался в состоянии глубокого системного кризиса. Формально сохранялись все традиционные институты власти — монархия, Совет министров, Государственный совет, однако их реальное влияние и эффективность стремительно снижались. В условиях нарастающего противостояния между официальными структурами и неформальными центрами влияния система управления фактически парализовалась. Таким образом, в России сложилась новая революционная ситуация, при которой «верхи не могли по-старому» управлять государством, а «низы не хотели» жить по-старому. В связи с этим февраль

⁷ Речь П.Н. Милокова, произнесенная в заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание первое. Стенографический отчет. Петроград, 1916. Стлб. 35-48.

⁸ Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положе-

ния полицейских чинов: Постановление Совета министров от 23 октября 1916 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1916. № 307.

⁹ ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. И-104. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-3об., 17-21об.

¹⁰ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1228. Л. 1-13; ГА РФ. Ф. 102. 2-е делопр. 1916. Оп. 75. Д. 10. Ч. 16. Л. 24.

1917 г. стал закономерным итогом системного кризиса монархического режима, накопленного в годы Первой мировой войны.

2. Трансформация правовой системы России в период Первой мировой войны

Гражданское право. Трансформации в данной области, как и во многих других, были обусловлены, в первую очередь, характером военного времени. Так, государство начало активно ограничивать право частной собственности: с целью обеспечения потребностей армии и флота применялись реквизиции продовольственных запасов (например, «Положение о порядке производства реквизиций во время войны и в период мобилизации» 1914 г.¹¹), принудительно отчуждалось сырье. Одновременно был введен запрет на экспорт стратегических материалов, что находило отражение как в Указах Совета министров, так и в циркулярах профильных ведомств.

В сфере обязательственного права можно говорить о появлении договоров страхования и перевозки по железным дорогам. Договоры, заключенные между государством и предпринимателями до начала Первой мировой войны, не подлежали автоматической отмене или пересмотру, несмотря на возможную их невыгодность для государственной экономики в период военного времени.

Особое значение имело установление надзора над стратегически значимыми предприятиями, а в случае невыполнения военных заказов – и государственного управления над ними¹².

Социальное, финансовое и продовольственное законодательство. Продовольственная политика военного периода характеризовалась постепенным переходом от рыночных механизмов к системе государственного регулирования. Уже в 1915 г. бы-

ло создано Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу, которое к 1916 г. работало разветвленную систему распределения продуктов¹³. В 1916 г. уже действовала карточная система, при которой часть продуктов выдавалась на заводах по твердым низким ценам, а остальная часть приобреталась на свободном рынке. В целом, несмотря на трудности, правительство сумело удовлетворительно решать продовольственный вопрос вплоть до февраля 1917 г.

Довоенное *социальное законодательство* было дополнено новыми нормами¹⁴. Развивалась система благотворительной помощи, создавались комитеты для помощи нуждающимся. Раненым, семьям погибших, лишившимся кормильцев, выдавались ежемесячные пособия. Расходы на нужды населения в социальной сфере стали вноситься в государственный бюджет.

Трудовое законодательство также подверглось определенным изменениям в связи с военными нуждами. 10 октября 1915 г. императором было одобрено решение Совета министров об отмене ряда ограничений на использование женского и детского труда на предприятиях, изготавливающих предметы на нужды фронта¹⁵. Эти меры, хотя и вызвали критику со стороны профессиональных союзов, позволили компенсировать нехватку рабочих рук, особенно в металлургической и текстильной промышленности.

Финансовая политика военного периода развивалась противоречиво. Первоначальные попытки покрыть военные расходы за счет повышения косвенных налогов (август–октябрь 1914 г.) и внутренних займов оказались недостаточными. Лишь к весне 1916 г. было принято решение о введении с 1917 г.:

¹³ Обзор деятельности Особого совещания по продовольственному делу 17 августа 1915 г. – 17 февраля 1916 г. Петроград, 1916.

¹⁴ Продолжали действовать законы 1912 г. о социальном страховании от болезней и несчастных случаев, нуждающиеся получали от 1/2 до 2/3 зарплаты (женщины получали 2/3 зарплаты в течение четырех месяцев после родов).

¹⁵ Особый журнал совета министров. 5 и 29 сентября 1915 г. О допущении некоторых отступлений от правил о работе женщин, подростков и малолетних, а также о продолжительности и распределении рабочего времени // РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 94. Л. 66–67об.

¹¹ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915 год. Москва, 1975. С. 558.

¹² Об установлении надзора за деятельностью промышленных заведений, исполняющих заказы военного и морского ведомств // РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 76. Л. 39–40; О заготовлении в военное время необходимых для армии и флота предметов и материалов: Высочайше утвержденное положение Совета Министров от 4 сентября 1914 г. // Известия Министерства иностранных дел. Петроград, 1915. Кн. I. С. 27–28.

1) подоходного налога (Закон от 6 апреля 1916 г.) с прогрессивной шкалой;

2) налога на рост прибыли (он же – налог на военные сверхдоходы, Закон от 13 мая 1916 г.)¹⁶.

Одновременно с этим ужесточилась политика в области акцизов и сборов: существенно были увеличены акцизы с нефти, спичек, сахара; введены судебные сборы, сборы с театральных билетов, с билетов на тотализаторы, акцизы с виноградных и плодово-ягодных вин, а также с чая [9].

Уголовное право. По стране начали создавать военно-полевые суды. Такие учреждения формировались из числа военных офицеров в течение суток с момента совершения преступления. Слушания проходили без придания процессам гласности. Приговор приводился в исполнение в течение суток с момента его вынесения.

Существенные изменения в **уголовном законодательстве** военного периода были обусловлены необходимостью поддержания дисциплины в армии и борьбы с преступлениями, угрожавшими обороноспособности страны. Еще накануне Первой мировой войны были внесены изменения в IV раздела Военно-судебного устава «О суде в военное время» [10]. На территории, которая являлась частью театра боевых действий, а также находящейся на военном положении, правосудие осуществлялось системой военных судов (полковыми, этапными, военно-окружными и Главным военным судом). К ключевым особенностям их функционирования можно отнести следующее:

1) универсальность юрисдикции: суды могли принимать решения в отношении не только военнослужащих, но и гражданского населения на указанных территориях;

2) особый состав суда: закономерно, что решения принимались представителями офицерского корпуса;

3) отход от традиционных принципов судебного процесса: заседания проходили в ускоренном порядке и закрыто, а вынесенные приговоры приводились в исполнение в течение суток [10].

¹⁶ Закон 6-го апреля 1916 г. о государственном подоходном налоге; Закон 13 мая 1916 г. О налоге на прирост прибылей. Одесса: Практическое правоведение, 1916.

В ходе Первой мировой войны была существенно ужесточена ответственность за ряд преступлений, а также введены в действие новые составы преступлений.

1. С осени 1914 г. за поставку и отпуск недоброкачественного оружия, боеприпасов, продовольствия, медикаментов военнослужащие привлекались к уголовной ответственности – до лишения всех прав состояния и ссылки на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет или без срока [11, с. 262-263].

2. С лета 1914 г. – уголовная ответственность за нарушение военно-судовой повинности [11, с. 2].

3. С весны 1915 г. – за уклонение от государственных заказов.

4. С лета 1915 г. – за сокрытие товаров, сырья.

5. В связи с начинавшимся разложением армии была ужесточена уголовная ответственность за дезертирство. Указом от 12 января 1916 г. был внесен целый комплекс изменений в Воинский устав о наказаниях. В частности, виновные в побеге со службы в военное время подвергались лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы на срок от 4 до 20 лет или бессрочно либо смертной казни. В случае, если побег совершался к неприятелю, такие лица подвергались лишению всех прав состояния и смертной казни [11, с. 144-162].

6. В целях борьбы со спекуляцией в сентябре 1916 г. был принят уголовный закон против нарушения твердых цен¹⁷.

Эти законодательные изменения отражали общую тенденцию к милитаризации правовой системы и расширению репрессивных полномочий государства в условиях военного времени. Однако, как показала практика, ужесточение наказаний не смогло

¹⁷ Высочайше утвержденный 8 сентября 1916 г. изданный на основании 87 статьи Основных Государственных Законов Закон Об уголовной ответственности торговцев и промышленников за повышение цен на предметы продовольствия или необходимой потребности // Законы о новейших налогах, о гражданской и уголовной ответственности торговцев и промышленников и другие законы 1914–1916 гг. с необходимыми разъяснениями, алфавитным указателем, инструкциями и образцами прошений (Издание неофициальное). Издание Книгоиздательского т-ва «Законы военного времени». С. 269-276.

остановить нарастание кризисных явлений в армии и тылу, а в некоторых случаях лишь усугубляло социальную напряженность.

Заключение

Проведенный анализ трансформации государственно-правового устройства России в период Первой мировой войны позволяет сделать ряд выводов и обобщений, раскрывающих комплексный характер произошедших изменений. Так, военные условия стали катализатором глубокой модификации традиционных (монархических) институтов власти, которая последовательно прошла через этапы централизации, децентрализации и, в конечном итоге, системного кризиса управления. Введение чрезвычайного законодательства, первоначально направленного на мобилизацию «внутреннего потенциала», привело к парадоксальному результату – вместо укрепления государственного аппарата оно стало фактором его постепенной делегитимации, особенно после создания военно-полевых судов и злоупотреблений со стороны местных властей.

Особую роль в трансформации государственного управления сыграло противоречие между формальным усилением вертикали власти и фактическим ростом влияния об-

щественных организаций (Земгора, военно-промышленных комитетов), что создало уникальную ситуацию институционального дуализма. Действующее законодательство рассматриваемого исторического периода, подвергшееся значительной милитаризации, демонстрировало увеличивавшийся разрыв между нормативными установлениями и правоприменительной практикой. При этом правовое регулирование экономики, несмотря на введение жестких ограничительных мер (фиксированные цены, реквизиции, запрет экспорта), не смогло остановить нарастание системного кризиса (рис. 2).

Анализ трансформации государственно-правового устройства позволяет заключить, что кризис российской государственности развивался по каскадному принципу: первоначальный раскол в политической элите (конфликт между императорской властью и Прогрессивным блоком) постепенно трансформировался в системную делегитимацию монархического режима. Данный процесс усугублялся институциональной ригидностью – неспособностью системы реформировать правовые институты, сохранявшие элементы дореформенного периода, в условиях тотальной войны.

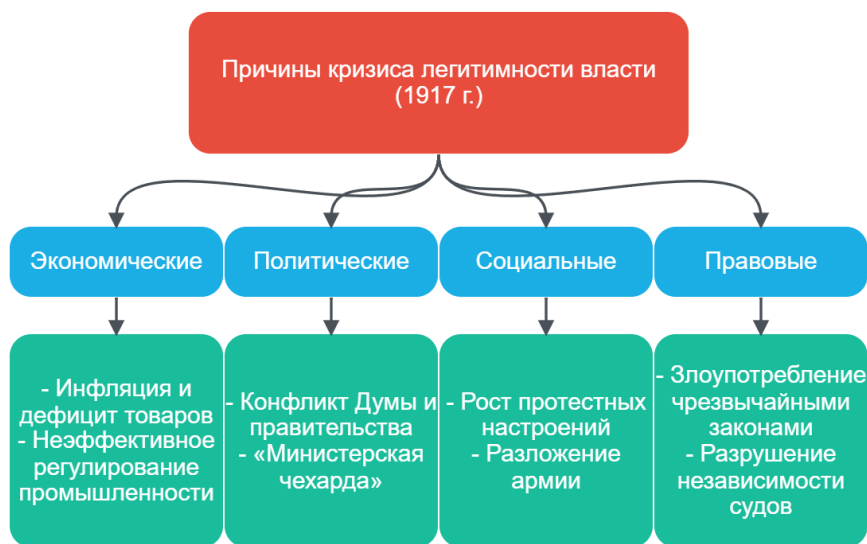

Рис. 2. Причины кризиса легитимности власти в Российской империи к 1917 г.

Fig. 2. The causes of government legitimacy crisis in the Russian Empire by 1917.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таким образом, историко-правовой анализ рассматриваемого нами периода позволяет сформулировать следующие методологические положения, значимые для современных исследований.

1. Чрезвычайное законодательство, даже при наличии объективных кризисных обстоятельств, требует установления четких правовых ограничений и механизмов контроля во избежание злоупотреблений. Российский опыт 1914–1917 гг. демонстрирует, как отсутствие таких ограничений и эффективно функционирующих механизмов контроля может привести к расхождению меж-

ду формальным сохранением правовых гарантий и их фактическим неприменением.

2. Эффективность правового регулирования определяется не только содержанием норм, но и способностью государственных институтов сохранять баланс между стабильностью и адаптивностью в условиях внешних вызовов.

Кризис легитимности государственной власти может первоначально формироваться вследствие «внутреннего раскола» политической элиты, приобретая впоследствии характер массового социального недовольства.

Список источников

1. Гилберт М. Первая мировая война. Москва: КоЛибри, 2024. 768 с.
2. Любин В.П. Западные историки о первой мировой войне (Реферативный обзор) // Первая мировая война: Современная историография: сб. обзоров и рефератов. Москва, 2014. С. 9-21. <https://elibrary.ru/uyqchp>
3. Демичев А.А. История России и история отечественного государства и права: проблемы соотношения // Российский юридический журнал. 2005. № 1 (45). С. 117-127. <https://elibrary.ru/klsoqz>
4. Демичев А.А. История государства и права как самостоятельная научная специальность // Журнал российского права. 2013. № 11 (203). С. 98-103. <https://elibrary.ru/rovuyn>
5. Кирнос А.В., Колесников В.А. Всеобщая история государства и права: в 2 ч. Ч. 2: История отечественного государства и права. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. 286 с.
6. Уткин А.И. Первая мировая война. Москва: Алгоритм, 2001. 592 с.
7. Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века. Воронеж, 2018. 685 с. <https://elibrary.ru/iehvps>
8. Ситников К.А. Уездная полицейская стража Российской империи в 1903–1917 гг. (на примере Воронежской губернии). Москва: Проспект, 2024. 289 с.
9. Марискин О.И., Скворцова И.Г., Соловьева Ю.О. Налоговая система и денежное обращение в России в период Первой мировой войны // Экономическая история. 2014. № 4 (27). С. 44-49. <https://elibrary.ru/yzngin>
10. Коновалова О.В. Учреждение и деятельность судов в особый период (1914–1917 гг.) // Инновационная наука. 2016. № 3-2 (15). С. 61-63. <https://elibrary.ru/vqbdwl>
11. Огнев Д.Ф. Воинский устав о наказаниях (С.В.П. 1869 г. XXII, изд. 3), разъясненный решениями Правительствующего сената и Главного военного суда, приказами по Военному ведомству, циркулярами Главного штаба и Главного военно-судного управления проч. по 15 апреля 1901 года. Санкт-Петербург, 1916. 355 с.

References

1. Gilbert M. (2024). *The First World War*. Moscow, KoLibri Publ., 768 p. (In Russ.)
2. Lyubin V.P. (2014). Western historians on the First World War (abstract review). *Pervaya mirovaya voina: Sovremennaya istoriografiya = The First World War: Modern Historiography*. Moscow, pp. 9-21. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uyqchp>
3. Demichev A.A. (2005). The history of Russia and the history of the Russian state and law: problems of correlation. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, no. 1 (45), pp 117-127. (In Russ.) <https://elibrary.ru/klsoqz>
4. Demichev A.A. (2013). History of state and law as an independent scientific specialty. *Zhurnal Rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 11 (203), pp. 98-103. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rovuyn>
5. Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. (2003). *The Universal History of the State and Law: in 2 pts. Pt. 2: The History of the Russian State and Law*. Voronezh, Voronezh State University Publ., 286 p.

6. Utkin A.I. (2001). *The First World War*. Moscow, Algoritm Publ., 592 p. (In Russ.)
7. Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. (2018). *Professional Training of the Lower Ranks of the District Police in the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Century*. Voronezh, 685 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iehvps>
8. Sitnikov K.A. (2024). *The District Police Guard of the Russian Empire in 1903–1917 (Using the example of Voronezh province)*. Moscow, Prospekt Publ., 289 p. (In Russ.)
9. Mariskin O.I., Skvortsova I.G., Solov'eva Yu.O. (2014). Tax system and monetary circulation in Russia during world war I. *Ekonomicheskaya istoriya = Economic History*, no. 4 (27), pp. 44-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yzngin>
10. Konovalova O.V. (2016). Establishment and activity of courts during a special period (1914–1917). *Innovatsionnaya nauka = Innovation Science*, no. 3-2 (15), pp. 61-63. <https://elibrary.ru/vqbdwl>
11. Ognev D.F. (1916). *Military Regulations on Punishments (C.M.R. 1869. 22nd, Issue 3), Clarified by Decisions of the Governing Senate and the Main Military Court, Orders for the Military Department, Circulars of the General Staff and the Main Military Court Directorate, etc. until April 15, 1901*. St. Petersburg, 355 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 06.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-336-342>

Шифр научной специальности 5.1.1

Правовой обычай и нормативный договор как формы выражения права

Максимова Ирина Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-2755-0024>, irma_tmb@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены актуальные вопросы, связанные с такими источниками (формами) права, как и правовой обычай и нормативный договор. Отмечено, что различные формы права образуют целостную систему источников, каждый из которых вносит свой вклад в правовое регулирование общественных отношений. Многообразие форм права отражает богатство правового опыта человечества и способность правовых механизмов адаптироваться к меняющимся условиям социальной действительности. Подчеркивается, что правовой обычай и нормативный договор обладают значительным регулятивным потенциалом наравне с другими формами (источниками) права. Исследован вопрос о совокупности и взаимном влиянии нормативного договора и правового обычая, что позволяет правовой системе демонстрировать необходимую гибкость и своевременно реагировать на изменения в социальной, экономической и политической сферах. Сделан вывод о том, что уникальность нормативного договора и правового обычая, их специфические черты и особенности правового регулирования обуславливают многообразие правового инструментария, используемого для упорядочения общественных связей, наряду с нормативным правовым актом и судебным прецедентом.

Ключевые слова

право, правовая система, источники и формы права, нормативный договор, правовой обычай

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

И.М. Максимова – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, анализ правоприменительной практики, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Максимова И.М. Правовой обычай и нормативный договор как формы выражения права // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 336-342. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-336-342>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-336-342>

OECD 5.05; ASJC 3308

Legal custom and normative agreement as forms of expressing law

Irina M. Maksimova,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2755-0024>, irma_tmb@mail.ru

Abstract

Current issues related to legal sources (forms) such as legal custom and normative agreements are considered. It was noted that various forms of law form a cohesive system of sources, each of which contributes to the legal regulation of public relations. The diversity of legal forms reflects the richness of humanity's legal experience and the ability of legal mechanisms to adapt to changing conditions of social reality. It is emphasized that legal custom and normative agreements possess significant regulatory potential alongside other forms (sources) of law. The issue of the combination and mutual influence of normative agreements and legal custom has been investigated, which allows the legal system to demonstrate the necessary flexibility and respond promptly to changes in the social, economic, and political spheres. It is concluded that the uniqueness of a normative agreement and legal custom, their specific features and characteristics of legal regulation, give rise to the diversity of legal instruments used to regulate social relations, alongside a normative legal act and judicial precedent.

Keywords

law, legal system, sources and forms of law, normative agreement, legal custom

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

I.M. Maksimova – research concept development, normative documents selection and analysis, scientific literature analysis, law enforcement practice analysis, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Maksimova, I.M. (2025). Legal custom and normative agreement as forms of expressing law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 336-342. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-336-342>

Введение

В России, как и в большинстве стран романо-германской правовой семьи, центральное место среди источников права традиционно занимает нормативный правовой акт, в котором объективируются общеобязательные правила поведения, обеспеченные мерами государственного воздействия. Наряду с этим заметно возросла роль судебных прецедентов, среди которых следует выделить решения высших судебных инстанций, фактически приобретающих нормативный характер.

Особо следует обратить внимание на такие источники права, как правовой обычай и нормативный договор, которые также имеют большое значение, дополняя систему писаного права, и изучение которых представляет большой научный и практический интерес, в том числе связанный с совершенствованием правотворческой и правоприменительной деятельности.

Отдельные аспекты проблематики, связанной с исследованием источников (форм) права, были рассмотрены в трудах таких ученых, как: С.С. Алексеева, Л.Т. Бакули-

ной, Р. Давида, С.Ф. Долгова, В.В. Ершова, М.Н. Марченко, Ю.В. Сорокиной, Н.А. Филипповой, О.А. Шабасовой и других авторов.

Методы исследования

Исследование нормативного договора и правового обычая как форм выражения права предполагает использование общеправовых и мировоззренческих методов, которые служат фундаментальной основой для изучения права и его источников; формально-логический и системный методы познания направлены на исследование взаимного влияния правового обычая и нормативного договора как источников права; сравнительно-правовой метод позволил провести исследование отдельных подходов к изучению нормативного договора и правового обычая как форм права, обладающих значительным регулятивным потенциалом.

Обсуждение

Правовой обычай является одним из древнейших источников права, появившихся в процессе становления первых государственных образований. По мере развития общества и усложнения социальных отношений роль и место правового обычая в системе источников права претерпевали значительные изменения, но он сохранял свое регулятивное значение на протяжении длительного периода [1, с. 10].

Происхождение правового обычая связано с особенностями развития доправовых, архаических форм социального регулирования. В условиях первобытнообщинного строя, при отсутствии письменности, общественные отношения регламентировались исключительно в форме неписаных традиций, привычек и обыкновений, передававшихся из поколения в поколение. Эти обычные правила поведения, соблюдение которых обеспечивалось мерами общинного воздействия, такими как кровная месть, составили основу первичной нормативной системы, впоследствии трансформировавшейся в правовой обычай.

Правовой обычай как источник права представляет собой сложившееся в результате многократного применения и общепризнанное правило поведения, не зафиксированное в письменной форме, но приобретшее обязательный характер и санкционированное государственной властью. В процес-

се становления правового обычая можно выделить несколько основных этапов/

1. Возникновение в обществе потребности в новой регулятивной норме, обусловленной сложившимися социальными условиями и необходимостью упорядочения определенной сферы общественных отношений.

2. Формирование в недрах общества нового обычного правила поведения, способного удовлетворить возникшую потребность. На данном этапе ключевую роль играет активность самих участников общественных отношений, которые в процессе многократного применения этого правила придают ему характер устойчивой социальной нормы.

3. Закрепление сложившегося обычного правила в качестве общеобязательной нормы посредством его санкционирования государственной властью. На этом этапе обычай приобретает юридически обязательный характер и статус источника права. Таким образом, правовой обычай имеет двойственную природу, сочетая в себе социальные и правовые начала.

По мнению Ю.В. Сорокиной: «С одной стороны, он возникает как результат самоорганизации общества, отражая устоявшиеся социальные практики и традиции. С другой стороны, его обязательность обеспечивается государственным признанием и охраной» [2, с. 38].

На ранних этапах становления государственности правовой обычай занимал ведущее положение среди источников права. В условиях слабости государственной власти, неразвитости системы писаных нормативных актов обычное право являлось основным регулятором общественных отношений. Именно обычаи, сложившиеся в конкретной этнокультурной среде, определяли характер правовых связей между членами первобытных и раннефеодальных социумов. Л.И. Заболотнева считает: «Ярким примером ведущей роли обычая в системе источников права служат крупнейшие древние кодификации, такие как Законы Хаммурапи, Законы Ману, Законы XII таблиц Древнего Рима. Эти своды правовых норм в значительной мере представляли собой систематизацию и письменную фиксацию сложившихся в об-

шестве обычаев, а не продукт целенаправленного правотворчества государственной власти» [3, с. 328]. В Древней Греции судебный оратор Перикл прямо призывал судей опираться на неписанные обычаи при рассмотрении особо важных, в том числе религиозных, дел.

Обычное право продолжало играть ключевую роль и в период средневековья, когда появились «Варварские правды» – Баварская, Салическая, Русская и другие своды законов, основанные в первую очередь на обычаях. Вплоть до Нового времени обычное право преобладало в раннефеодальном обществе, где сохранялись многие элементы родоплеменного строя. «Важно отметить, что письменное право только начинало формироваться и действовало на ряд ограниченных сфер (например, судебную и административную). В связи с чем теоретики и практики того времени придерживались мнения о необходимости формирования нормативных актов на основе поддерживаемых населением обычаев» [4, с. 60].

Таким образом, на протяжении длительного периода правовой обычай играл ведущую роль в системе источников права, отражая особенности правовой культуры и социально-экономического уклада конкретных обществ. Он формировался снизу, непосредственно участниками общественных отношений, и обретал общеобязательный характер благодаря его санкционированию государственной властью.

Развитие государственности, рост влияния централизованной власти и усложнение социальных отношений постепенно приводили к изменению роли правового обычая в системе источников права. По мере становления развитых систем законодательства обычай стал уступать первенство писаному праву, приобретая вспомогательный, дополняющий характер.

Этот процесс был обусловлен рядом факторов. Во-первых, писаное право, создаваемое государственной властью, позволяло более оперативно и системно реагировать на изменение общественных отношений, устранять пробелы в правовом регулировании. Во-вторых, государство стремилось усилить свой контроль над правовым пространством, вытесняя слабо поддающиеся государствен-

ному воздействию обычаи. В-третьих, кодификация права, предполагавшая систематизацию и обобщение накопленного регулятивного опыта, объективно ограничивала роль правового обычая как самостоятельного источника. Тем не менее, правовой обычай не исчез из системы источников права, а занял более скромное, но все еще заметное место. Он продолжал применяться в тех сферах общественных отношений, которые не были в достаточной мере урегулированы писаным правом, прежде всего, в сфере международной торговли, морского права, а также в правовых системах стран с доминированием обычного права (страны Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии). По мнению С.Ф. Долгова: «Важно отметить, что по мере развития государственности и усиления государственного воздействия на общественные отношения происходит постепенная трансформация самого механизма легитимации правовых обычаев» [5, с. 34].

Если на ранних этапах государственности обычаи получали статус юридически обязательных норм преимущественно в результате их признания и поддержки со стороны общества, то в дальнейшем их санкционирование все в большей степени осуществляется государственной властью посредством различных правовых форм – от закрепления ссылок на обычаи в нормативных актах до прямой кодификации обычного права.

Таким образом, правовой обычай, оставаясь одним из источников права, претерпевает существенные трансформации, связанные с ростом регулятивной роли государства. Утрачивая ведущие позиции в системе источников права, обычай все же сохраняет свое значение как гибкий и эффективный инструмент правового регулирования в тех сферах общественной жизни, где писаное право оказывается недостаточным.

Нормативный договор также представляет собой один из древнейших источников права, дошедших до наших дней и сохраняющих свою значимость в правовой системе Российской Федерации. Договорная форма регулирования общественных отношений получает в современных условиях все большее распространение. Это объясняется тем, что нормативные договоры создают благо-

приятные условия для реализации интересов субъектов правоотношений, позволяя учитывать их пожелания и достигать согласия по ключевым аспектам взаимодействия. Кроме того, нормативные договоры предполагают добровольное и добросовестное исполнение сторонами принятых на себя обязательств без необходимости принуждения со стороны государства.

В Российской Федерации нормативные договоры занимают второе место по количеству содержащихся в них правовых норм после нормативных правовых актов, которые регулируют большую часть общественных отношений. Это свидетельствует о высокой значимости данного источника права для отечественной правовой системы [6, с. 181].

В научной литературе существуют различные определения понятия «нормативный договор». Наиболее полным и емким представляется определение, согласно которому нормативный договор представляет собой специфический источник права, сочетающий в себе элементы частноправового договора, отражающего интересы сторон, и публично-правового акта, порождающего юридически значимые последствия для его участников.

Широкое распространение договорных форм правового регулирования в современный период обусловлено демократизацией общественных отношений и стремлением к достижению баланса частных и публичных интересов [7, с. 163].

Центральным признаком, определяющим сущность нормативного договора, является его нормативный характер. Он предполагает, что соответствующее соглашение между субъектами права содержит не только индивидуальные предписания, обязательные для его сторон, но и общие правила поведения, распространяющиеся на неопределенный круг лиц и ситуаций. Нормативность договора, по мнению В.В. Ершова: «достигается путем официального закрепления или санкционирования государством содержащихся в нем нормативно-правовых предписаний, которые приобретают общеобязательную силу и обеспечиваются принудительным воздействием со стороны публичной власти» [8, с. 25].

Таким образом, нормативный договор возводится до уровня нормативного правового акта, то есть источника права, устанавливающего общезначимые стандарты поведения для неопределенного круга лиц. Важнейшим условием нормативного характера договора является добровольное волеизъявление его сторон, достигнутое в результате свободного согласования их позиций по существенным аспектам сделки. Это отличает нормативный договор от односторонних правовых актов, принимаемых в силу властных полномочий государства или иных публично-правовых образований. Нормативный договор по мнению Н.А. Филипповой: «основывается на равноправии участвующих в нем субъектов, независимо от их правового статуса (государство, международная организация, физическое или юридическое лицо и т. д.). Достижение согласия возможно только при учете интересов каждой из сторон и нахождении приемлемого для всех компромисса [9, с. 132]».

Субъектный состав нормативного договора не ограничивается рамками каких-либо конкретных правоотношений. Сторонами могут выступать как публично-правовые образования (государства, субъекты федерации, муниципалитеты и др.), так и физические и юридические лица в случаях, предусмотренных действующим законодательством. Одним из ключевых признаков нормативного договора, по мнению А.С. Федорова, «является наличие в его содержании норм права, устанавливающих модели должного поведения общего характера. При этом нормативные предписания сочетаются с положениями, регулирующими индивидуальные права и обязанности участников соглашения» [10].

Нормативный договор предполагает введение мер ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения принятых сторонами обязательств. Такие меры могут быть закреплены как непосредственно в самом договоре, так и в действующем законодательстве (например, возмещение причиненных убытков согласно гражданскому законодательству).

Таким образом, нормативный договор представляет собой возведенный в ранг нормативного правового акта результат сво-

бодного волеизъявления равноправных сторон, содержащий не только индивидуальные права и обязанности участников, но и нормы общего характера, обеспеченные мерами юридической ответственности за их нарушение. Сочетание диспозитивного и императивного начал обуславливает особую природу этого источника российского права.

Заключение

Правовой обычай как исторически сложившееся и санкционированное государством правило поведения, хотя и утратил ведущие позиции в системе источников права, продолжает играть особенную и важную роль. Он сохраняет значение как гибкий инструмент регулирования тех общественных отношений, которые недостаточно урегулированы писаным правом. Особенно это ак-

туально для сфер, связанных с международной торговлей, морским правом, а также правовых систем стран с преобладанием обычного права.

Нормативные договоры представляют собой сложную и разветвленную систему источников права в Российской Федерации. Они демонстрируют широкие возможности для регулирования разнородных общественных отношений с участием различных субъектов права. Нормативные договоры сочетают в своем содержании индивидуальные предписания для сторон и нормы общего характера, рассчитанные на неопределенный круг лиц. Это позволяет учитывать интересы участников, достигать компромиссов и обеспечивать добросовестное исполнение принятых обязательств.

Список источников

1. Шабаетова О.А. Правовой обычай: теоретические и информационно-правовые аспекты // Сибирский юридический вестник. 2022. № 2 (97). С. 9-14. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2022.2.9>, <https://elibrary.ru/qbmqdi>
2. Сорокина Ю.В. Правовой обычай как источник права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 35-44. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-35-44>, <https://elibrary.ru/wxxcgo>
3. Заболотнева Л.И. Правовой обычай как источник права // Перспективы развития институтов права и государства: сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 2022. С. 327-328/ <https://elibrary.ru/crhcrh>
4. Максимова И.М. Правовой обычай как источник права: исторический и теоретический аспекты // Право: история и современность. 2021. № 4 (17). С. 59-64. <https://doi.org/10.17277/pravo.2021.04.pp.059-064>, <https://elibrary.ru/ytocse>
5. Долгов С.Ф. Правовой обычай: современный взгляд на понятие // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 3. С. 31-36. <https://elibrary.ru/wnbobh>
6. Старцев Р.В. Нормативный договор как форма права // Актуальные вопросы юриспруденции: сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2022. 472 с. <https://elibrary.ru/qojclf>
7. Бакулина Л.Т. Средства договорного правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 158-166. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.78.5.158-166>, <https://elibrary.ru/ysritd>
8. Ершов В.В. Российские нормативные правовые акты и нормативные правовые договоры // Российское правосудие. 2020. № 4. С. 16-27. <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2020.4.16-27>, <https://elibrary.ru/hbzogq>
9. Филиппова Н.А. Правовые договоры в системе форм российского трудового права // Государство и право. 2020. № 12. С. 128-136. <https://doi.org/10.31857/S102694520008624-8>, <https://elibrary.ru/obauib>
10. Федоров А.С. Понятие и признаки нормативного договора // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2019. № 110. С. 239. <https://elibrary.ru/kuidnz>

References

1. Shabaeva O.A. (2022). Legal custom: theoretical and informational-legal aspects. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Law Herald*, no. 2 (97), pp. 9-14. (In Russ.) <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2022.2.9>, <https://elibrary.ru/qbmqdi>
2. Sorokina Yu.V. (2022). Legal custom as a source of law. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*, no. 1, pp. 35-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-35-44>, <https://elibrary.ru/wxxcgo>

3. Zabolotneva L.I. (2022). Legal custom as a source of law. *Sbornik nauchnykh statei V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Perspektivy razvitiya institutov prava i gosudarstva» = Collection of Scientific Articles of the 5th International Scientific Conference “Prospects for the Development of Law and State Institutions”*. Kursk, pp. 327-328. (In Russ.) <https://elibrary.ru/crhcrlh>
4. Maksimova I.M. (2021). Legal convention as a source of law: historical and theoretical aspects. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, no. 4 (17), pp. 59-64. (In Russ.) <https://doi.org/10.17277/pravo.2021.04.pp.059-064>, <https://elibrary.ru/ytocse>
5. Dolgov S.F. (2022). Legal custom: a modern view of the concept. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, vol. 8 (74), no. 3, pp. 31-36. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wnbobh>
6. Startsev R.V. (2022). Normative contract as a form of law. *Sbornik statei XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye voprosy yurisprudentsii» = Collection of Articles of the 11th International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Jurisprudence”*. Penza, pp. 179-181. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qojclf>
7. Bakulina L.T. (2017). Remedies of contractual law regulation. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, no. 5 (78), pp. 158-166. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.78.5.158-166>, <https://elibrary.ru/ysritd>
8. Ershov V.V. (2020). Russian regulatory legal acts and regulatory legal agreements. *Rossiiskoe Pravosudie = Russian Justice*, no. 4, pp. 16-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2020.4.16-27>, <https://elibrary.ru/hbzoqr>
9. Filiptsova N.A. (2020). Legal contracts in the system of forms of Russian labour law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 12, pp. 128-136. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S102694520008624-8>, <https://elibrary.ru/obauib>
10. Fedorov A.S. (2019). Notion and features of a law treaty. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 110, pp. 239. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kuidnz>

Поступила в редакцию / Received 28.04.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.97

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-343-352>

Шифр научной специальности 5.1.1

Правовое принуждение в спорте: «ценности» спортивных организаций и «интересы» субъектов

Васильев Илья Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ «Санкт-Петербургский государственный университет», 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9, <https://orcid.org/0000-0002-3381-5359>, i.vasilev@spbu.ru

Аннотация

Настоящее исследование преследовало цель поставить проблему закрепления и применения ценностей спортивными организациями, которые могут расходиться с интересами, преследуемыми субъектами соответствующего вида спорта. Особенности международных, континентальных и национальных спортивных организаций заключаются в их статусе регуляторов в соответствующей пирамиде управления в спорте, обуславливающего право принятия и применения особых мер правового принуждения по отношению к нижестоящим субъектам спорта. Проблема одностороннего и не мотивированного определения круга ценностей нарушает принцип взаимного признания между создателями и адресатами норм спортивного права. Причина несоответствия между ценностями и интересами в глобальном спорте обуславливается включением в него не традиционного содержания, обусловленного определенной политической идеологией. Одним из очевидных примеров последних лет является неправомерное отстранение российских субъектов спорта от международных и континентальных соревнований. Рассогласованность между ценностями и интересами также может возникать и не вследствие преднамеренного нарушения спортивной организацией коммуникации с субъектами в целях навязывания не традиционных для спорта ценностей и деструктивной идеологии, а вследствие своего доминирующего положения. В таком качестве выступают запреты ФИФА «влияние третьих лиц на клубы» и «владения третьими лицами экономическими правами на футболистов». Поиск баланса ценностей и интересов должен осуществляться не только на уровне регламентирующих норм, но и в правоприменительной деятельности юрисдикционных органов и спортивных третейских судов.

Ключевые слова

правовое принуждение, спортивные организации, спортивные федерации, субъекты спорта, ценности в спорте, интересы в спорте, меры принуждения

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

И.А. Васильев – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, анализ правоприменительной практики, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Васильев И.А. Правовое принуждение в спорте: «ценности» спортивных организаций и «интересы» субъектов // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 343-352. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-343-352>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-343-352>

OECD 5.05; ASJC 3308

Legal coercion in sports: the “values” of sports organizations and the “interests” of subjects

Ilya A. Vasilyev,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department, Saint-Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-3381-5359>, i.vasilev@spbu.ru

Abstract

This study aimed to raise the issue of the consolidation and application of values by sports organizations, which may differ from the interests pursued by the subjects of the respective sport. The features of international, continental, and national sports organizations lie in their status as regulators within the corresponding sports governance pyramid, which grants them the right to adopt and apply special measures of legal coercion against subordinate sports entities. The problem of a one-sided and unmotivated definition of the circle of values violates the principle of mutual recognition between the creators and addressees of sports law norms. The reason for the discrepancy between values and interests in global sports is due to the inclusion of non-traditional content, conditioned by a specific political ideology. One obvious example in recent years is the wrongful exclusion of Russian sports entities from international and continental competitions. Disalignment between values and interests can also arise not as a result of a sports organization intentionally disrupting communication with stakeholders to impose non-traditional values and destructive ideology, but rather due to its dominant position. These include FIFA's prohibitions on “third-party influence on clubs” and “third-party ownership of footballers' economic rights”. The search for a balance between values and interests should be carried out not only at the level of regulatory norms but also in the application of law by jurisdictional bodies and sports arbitration courts.

Keywords

legal coercion, sports organizations, sports federations, sports subjects, values in sports, interests in sports, coercive measures

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

I.A. Vasilyev – concept development, normative documents selection and analysis, scientific literature analysis, law enforcement practice analysis, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Vasilyev, I.A. (2025). Legal coercion in sports: the “values” of sports organizations and the “interests” of subjects. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 343-352. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-343-352>

Введение

Этапы развития правового принуждения в спорте, на первый взгляд, могут показаться относительно независимыми друг от друга.

В действительности с условностью, соответствующей историческому периоду развития, между ними существует очевидная преемст-

венность на примере трех неизменных признаков.

Во-первых, существуют спортивные организации¹ («регуляторы»), реализующие нормотворческую инициативу в целях создания юридических основ участия в соревнованиях. Это обусловлено их статусом организаторов спортивных мероприятий.

Во-вторых, спортивные организации принимают регламентирующие нормы для применения мер принуждения: правила вида спорта, положение или регламент для конкретного соревнования, нормы о правах, обязанностях и спортивной ответственности участвующих субъектов. Организатор мероприятия выступает и в роли правоприменителя.

В-третьих, нормы спортивных организаций охватывают более или менее полный перечень ситуаций, возникающих на соревновании, а также период вне соревнований (например, обязанности субъектов спорта по соблюдению установленных спортивной организацией правил этики).

Меры принуждения сосредоточены в регламентирующих нормах спортивных организаций. При этом национальные правовые порядки места регистрации таких субъектов всегда предоставляют юридическую основу для осуществления принуждения: закрепляются их статусы в качестве регуляторов и правоприменителей в пределах предметов ведения, зависящих от их места в конкретной пирамиде управления [1] как юридической конструкции функционирования глобального мира спорта. Общепризнанным принципом является саморегулирование спорта (автономия спорта [2]), что обуславливает сходство гарантий для спортивных организаций на создание своих норм и их применение в различных правовых системах и семьях.

Правовой характер принуждения в современном спорте требует наличия взаимо-

действия создателей норм либо правоприменителей, с одной стороны, и субъектов спорта-адресатов таких положений, с другой стороны. Между этими двумя категориями должно существовать взаимное признание защищаемых спортивными организациями-регуляторами ценностей и преследуемых иными субъектами интересов [3, с. 217]. В результате создания норм возникает вопрос моральной и юридической оценки поведения на предмет соответствия универсальному требованию, которым в спорте выступает справедливость [4, с. 485]. Дуализм социальных критериев обуславливает, что справедливость выступает инструментом для управления меркантильностью в спорте, но не преследует цель удовлетворения запроса на установление «механического» равенства субъектов, отдаленного от фундаментального принципа права – «равного отношения» (equal treatment). Риски попираания последнего отчетливо стали видны после 24 февраля 2022 г., когда большинство международных и континентальных спортивных организаций выбрали вариант вне моральных и юридических ориентиров правоприменительной деятельности [5, с. 99] – отказаться от следования принципу справедливости спорта, лишенному политического влияния и дискриминации по принципу происхождения субъектов, в пользу искусственно наполненной конъюнктурным, не традиционным содержанием доктрины «целостности спорта» (integrity) как отраслевого принципа спортивного права (lex sportiva).

Фактическая исполнимость мер принуждения в современном спорте не представляется решенной проблемой. Далеко не все спортивные организации выработали механизм разграничения спортивных санкций и «административных мер» [6] с точки зрения эффекта, оказываемого на субъекта-адресата, не говоря о нормативном смещении мер спортивной ответственности с «предупредительными (превентивными)» и «правовосстановительными» мерами [7]. И даже в исключениях из сказанного остается вопрос о легитимации и действенности меры принуждения, когда принципиально важно не выйти за пределы принципа справедливости [8], индивидуально понимаемого субъектами спорта в каждой конкретной ситуа-

¹ Здесь и далее по тексту статьи термин «спортивные организации» объединяет различных субъектов спорта, принимающих регламентирующие нормы и осуществляющих правоприменительную деятельность: спортивные федерации, спортивные лиги, антидопинговые организации, организации олимпийского и паралимпийского движений вне зависимости от территориального масштаба их деятельности (национального, континентального или международного).

ции. Справедливость в данном случае означает использование только такого негативного последствия, которое соответствует мерилу соразмерности – вреду, нанесенному защищаемой ценности, или нереализованному, недостигнутому другим субъектом или субъектами спорта интересу. Насколько решение о применении меры обретет признак действительности [9, с. 20] – это постановка далеко не последней из задач для нормотворческой и правоприменительной деятельности органов спортивных организаций.

Обязательность для субъектов спорта норм актов спортивных организаций обуславливает статус последних как своего рода саморегулируемых организаций и квазизаконодателей. Можно согласиться, что это произошло «с тех пор, как международные спортивные федерации превратились в высшие регулирующие органы в своих видах спорта, обладающие нормотворческими и административными полномочиями, значительной независимостью от правительств и национального законодательства»². Квазипубличный характер свойственен спортивным организациям, объединяющим под своим регулированием нижестоящих субъектов соответствующей пирамиды управления в спорте. Действительно, являясь единственной в международном, континентальном или национальном масштабе спорта, пользуясь правом саморегулирования (автономии) при принятии собственных регламентирующих норм и их применения при помощи системы разрешения споров в спорте (органов по досудебному урегулированию споров – юрисдикционных органов, и третейских судов), такие субъекты функционируют «...в манере, сравнимой с государственным законодателем»³.

² Arbitration CAS 2014/A/3776 Gibraltar Football Association (GFA) v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 27 April 2016, para. 239 // Официальный интернет-портал Спортивного арбитражного суда (CAS). URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/3776.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).

³ Arbitration CAS 2006/A/1181 FC Metz v. FC Ferenvarosi, award of 14 May 2007, para. 10 // Официальный интернет-портал Спортивного арбитражного суда (CAS). URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1181.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).

Доминирование спортивных организаций в качестве единственных квазипубличных, не государственных регуляторов сферы спорта, разрабатывающих обязательные нормы, как состоявшееся явление само по себе не является противоправным⁴. Например, монополизация финансовой прибыли от проведения спортивных событий. В этой связи применение к субъекту спорта высокопорядковых мер спортивной ответственности за участие в соревновании, проводимом не спортивной организацией, может быть признано «неправомерным бойкотом»⁵. Сегодня мы вправе также констатировать, что расширительное толкование спортивными организациями фундаментальных и отраслевых принципов в качестве юридической аргументации есть ничто иное как фасад для злоупотребления доминирующим положением регуляторов глобального либо континентального спорта, преследующих не традиционные для спорта «ценности». Осмысление de facto легитимизированного доминирующего положения спортивных организаций актуализирует поиск баланса ценностей и интересов различных субъектов в пирамидах управления в спорте.

«Ценности» и «интересы» в спорте

Появление категории «ценности» не является результатом правового признания аксиологии некой сущности со стороны спортивных организаций. С нашей точки зрения, «ценности» существуют объективно в сфере физической культуры и спорта⁶ и не зависят от их позитивного закрепления в актах на

⁴ Arbitrage TAS 96/166 K. / Fédération Equestre Internationale (FEI), sentence préliminaire du 18 novembre 1997, para. 38 // Официальный интернет-портал Спортивного арбитражного суда (CAS). URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/166-PA.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).

⁵ Arbitration CAS 2002/O/410 The Gibraltar Football Association (GFA)/Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 7 October 2003, para. 32 // Официальный интернет-портал Спортивного арбитражного суда (CAS). URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/410.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).

⁶ Термин «сфера физической культуры и спорта» использован в значении Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.03.2025).

каком-либо из уровней пирамид управления в спорте, и потому для их защиты используются не только фундаментальные принципы права (*general principles of law*), но и принципы спортивного права (*lex sportiva*). Легитимация субъектами спорта норм спортивных организаций основывается на степени воплощения в них «ценностей», определяемых через потребности, «интересы» первых [10, с. 61]. Спортивные организации как регуляторы и правоприменители должны защищать «ценности» спорта, но при этом имеют и свои, не всегда не противоречащие им «интересы». В сравнении, субъекты спорта преследуют «интересы», которые могут быть идентичны «ценностям» спортивных организаций (и в таком случае «ценности» и «интересы» становятся синонимами), но в их статусе не присутствует обязанность охраны таких «ценностей».

Присутствие «ценностей» и «интересов» в сфере физической культуры и спорта влечет потребность в поиске между ними баланса. Мы считаем, что объективно существующие «ценности» должны поддерживаться и получать понятную юридическую защиту в нормах спортивных организаций и практике их правоприменения, тогда как частные «интересы» преследуют все субъекты спорта, не исключая и названных регуляторов. При этом предлагаемая гипотеза не распространяется на ситуацию подмены спортивными организациями ценностей спорта либо игнорирования ими интересов нижестоящих субъектов в пирамиде управления в спорте, преследующей цель продвижения не традиционных для спорта ценностей.

Присутствие нескольких субъектов в любой из пирамид управления предопределяет наличие разнонаправленных «интересов», которые оказывают неожиданное воздействие и на спортивный результат, но не всегда находят нормативное закрепление в актах спортивных организаций. Наличие подобных «серых областей» позволяет субъектам спорта реализовывать «интересы» в условиях игнорирования «ценностей», защищаемых регуляторами. С другой стороны, субъекты могут выступить в порядке «борьбы за право» против, к примеру, нормативного изменения или фактического искажения регулятором определенной «ценности»,

вступающей тем самым в конфликт с их «интересами».

В заявленном контексте возможного конкурирования «ценностей», защищаемых спортивными организациями, и преследуемых субъектами спорта «интересов» выделим несколько проблем.

Первая – спортивные организации подменяют «ценности» частными или общими с отдельными субъектами спорта «интересами» в целях завуалированного изменения содержания первых либо даже отказа от их применения. Ситуация в данном случае ничем не отличается от субъективного определения регулятором определения конкретной «ценности». В качестве примера актуальна ситуация реализации некоторыми спортивными организациями неконкурентного противодействия российским спортивным сборным командам и спортсменам через вменение нарушения антидопинговых правил (вспомним последствия появления так называемого «списка «Дюшес»»⁷) в интересах других участников соревнований. Для приведенного протекционизма неспортивным интересам использовалась ссылка на ценность целостности спорта, охраняемую одноименным принципом. Пример демонстрирует намеренное искажение принципа спортивного права, лишенное взаимного признания для действительно правового принуждения, и преследующее на институциональном уровне частные интересы.

Вторая проблема связана с соответствием между «интересами» субъектов спорта и «ценностями» спортивных организаций. В данном случае присутствует отличие *de facto* от предполагаемого взаимного *de jure* согласования «ценностей» и «интересов» субъектами, находящимися на разных уровнях конкретной пирамиды управления в спорте. Достаточно вспомнить пример, когда Международная федерация футбола (ФИФА) как регулятор глобального мира футбола установила два запрета, обязательные к исполнению в любых соглашениях между субъектами, представляющие как разные футбольные федерации, так и одну. Первый – «влиятель-

⁷ Родченков выдал за допинговый список «Дюшес» медальный прогноз сборной России // Официальный интернет-портал «ТАСС». URL: <https://tass.ru/sport/4765590> (дата обращения: 06.03.2025).

ние третьих лиц на клубы» («возможность оказывать влияние на независимость клуба в трудовых и трансферных вопросах, его политику или выступление его команд»⁸). Второй – «владение третьими лицами экономическими правами на футболистов» («право третьей стороны на получение трансферной выплаты либо ее части, выплачиваемой за будущий трансфер игрока из одного клуба в другой, или какое-либо право в отношении будущего трансфера или трансферной выплаты»⁹). Тем самым международная федерация создала одно из условий будто бы для защиты спорта футбола от противоправного влияния (манипулирования) при помощи принципа целостности спорта. Два установленных запрета только отчасти направлены на исключение манипулирования результатами соревнований, в действительности поддержан более широкий контекст – невмешательство третьих лиц в определенные спортивные и экономические сферы вида спорта. В результате прежнее содержание целостности спорта было расширено: теперь угроза принципу понимается не исключительно в форме манипулирования, противоправного воздействия на результат соревнования, но и как влияние третьих лиц на профессиональную деятельность клубов. В сравнении, клубы обладают вполне объективным интересом в привлечении внешнего финансирования, доступ к которому по-разному, но ограничен в силу приведенных нами норм. Правоприменительная практика сегодня не позволяет найти примеры исключений из запрета на владение третьими лицами экономическими правами. Ситуация со вторым запретом на примере конкретных споров кажется более гибкой: не любое соглашение предоставляет одному клубу возможность оказывать влияние на независимость кадровой или трансферной политики другого клуба. Сошлемся на две удачные

апелляции, в которых Спортивный арбитражный суд (CAS) отменил обвинительные решения юрисдикционных органов ФИФА, что создало стимул для роста популярности подобных условий в соглашениях, «поскольку клубы увидели положительные примеры практического расширения границ установленного правила и попробуют реализовать свою договорную свободу»¹⁰. Таким образом, пересмотр спортивной организацией содержания определенной ценности может получить в практике спортивного правосудия зеркальное расширительное толкование, позволяющее субъектам спорта реализовывать основанный на фундаментальных принципах интерес (как свобода вступления в договорные отношения) и в условиях запретов.

Третья проблема – зависимость между интересами субъектов спорта и других вовлеченных в сферу физической культуры и спорта заинтересованных лиц (stakeholders). Практически в любых спортивных правоотношениях присутствуют запросы не только непосредственных сторон, но и иных заинтересованных лиц. К примеру, применение к спортивному клубу мер правового принуждения, оказывающих влияние на его финансовую состоятельность, может повлечь негативную реакцию болельщиков, акционеров, спонсоров, рекламодателей, не являющихся субъектами пирамиды управления в спорте, но имеющих общий интерес к публичности клуба и его финансовой устойчивости. При этом невозможность сочетания интересов в сфере спорта различных субъектов, вне зависимости от их присутствия в пирамиде и занимаемого уровня, не должна влечь искаженную реализацию ценностей спорта, защищаемых в спортивном правосудии, прежде всего, при помощи фундаментальных принципов права или принципов *lex sportiva*.

Заключение

Закрепление «ценностей» актах спортивных организаций может повлечь умыш-

⁸ См. ч. 1 ст. 20¹ Регламента РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов // Официальный интернет-портал Российского футбольного союза. URL: <https://rfs.ru/subject/1/documents> (дата обращения: 05.03.2025).

⁹ См. ч. 1 ст. 20² Регламента РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов // Официальный интернет-портал Российского футбольного союза. URL: <https://rfs.ru/subject/1/documents> (дата обращения: 05.03.2025).

¹⁰ Jason Shardlow-Wrest. How To Use «Variable Sell-On Clauses» In Football Transfers After Arsenal's Win At CAS // Официальный интернет-портал «LawInSport». URL: <https://www.lawinsport.com/topics/item/how-to-use-variable-sell-on-clauses-in-football-transfers-after-arsenal-s-win-at-cas> (дата обращения: 05.03.2025).

ленное или не преднамеренное искажение их содержания. При этом любые нормы права выступают только основанием для появления прав и обязанностей, в которых и выражается смысл права [11, с. 47]. Как результат, при подмене ценности неизбежно возникает противоречие с фундаментальными принципами права и (или) принципами *lex sportiva*, не предназначенными для «расширительного», конъектурного наполнения. Практика нормотворческой и правоприменительной деятельности спортивных организаций позволяет выделить различные интерпретации категории «ценностей». В качестве одного из последних примеров: «обеспечение безопасности для всех вовлеченных лиц» при организации соревнования, заявленной в качестве обоснования при применении неправомерных административных мер по отстранению российских субъектов спорта после 24 февраля 2022 г.¹¹ Содержание принципа целостности спорта было неоправданно расширено¹² до «обеспечения безопасности» в интересах политического противостояния и, конечно же, не в соответствии с его действительной целью обязывания организатора соревнования к созданию безопасных условий для всех участвующих лиц вне зависимости от всегда присутствующих в той или иной степени фактических обстоятельств, создающих риски.

Признание в практике спортивного правосудия, что спортсмен, в отношении которого применен запрет на осуществление любой связанной с футболом деятельностью сроком на два года, «...будет продолжать пользоваться своей экономической свободой и сможет заниматься любой профессией или экономической деятельностью, если она не связана с футболом»¹³, не дает определенно-

сти субъектам ни в части обоснования приоритета ценности(ей) организации, ни более концептуального ответа о соблюдении правоприменителем принципа справедливости, соразмерности (*proportionality*). Исследование баланса ценностей и интересов при использовании института спортивной ответственности должно приобрести в практике спортивного правосудия статус неотъемлемой составляющей справедливости, соразмерности как необходимости проверки правового принуждения на «не чрезмерность». Однако действенный анализ влияния конкретной меры на интересы приводится далеко не во всех решениях даже Спортивного арбитражного суда (CAS), что выводит на первый план проблему проведения правоприменителем исследования названного баланса. Можно привести один из немногих примеров, когда арбитраж обратил внимание, что дисквалификация клуба из соревнований Европейской ассоциации футбольных федераций (УЕФА) на один сезон, действительно, имеет определенный «экономический ущерб», но «...окажет лишь временное экономическое воздействие на клуб такого уровня, как «Фейеноорд»¹⁴. Заметим, что в приведенном деле правоприменитель обратился к взвешиванию интересов привлекаемого к спортивной ответственности лица¹⁵ в качестве элемента теста на соответствие принципу справедливости, соразмерности, рассматривая только национальный масштаб спортивной деятельности клуба. Следуя такой точке зрения, негативные последствия в форме отстранения от текущего соревнова-

2017, para. 111 // Официальный портал Спортивного арбитражного суда (CAS). URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/4947.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

¹⁴ Arbitration CAS 2007/A/1217 Feyenoord Rotterdam v. Union of European Football Associations (UEFA), award of 20 April 2007, para. 40 // Официальный портал Спортивного арбитражного суда (CAS). URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1217.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

¹⁵ Решение, в котором CAS тоже обращается к вопросу об «интересе» субъекта спорта в связи с негативными последствиями-санкциями: Arbitration CAS 2017/A/4947 Ion Viorel v. Romanian Football Federation (RFF), award of 6 October 2017, para. 111 // Официальный портал Спортивного арбитражного суда (CAS). URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/4947.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

¹¹ IIHF Council takes definitive action over Russia, Belarus // Официальный интернет-портал Международной федерации хоккея (IIHF). URL: https://www.iihf.com/en/news/32301/iihf_council_announces_decisions_over_russia_belarus (дата обращения: 05.03.2025).

¹² Russian and Belarussian biathletes banned from IBU events // Официальный интернет-портал Международного союза биатлонистов. URL: <https://www.biathlonworld.com/ru/news/russia-belarus-banned-from-ibu-events> (дата обращения: 05.03.2025).

¹³ Arbitration CAS 2017/A/4947 Ion Viorel v. Romanian Football Federation (RFF), award of 6 October

ния или дисквалификация из будущего спортивного мероприятия соответствуют балансу ценностей организатора и интересов субъекта спорта, если последний сохраняет право участия в иных мероприятиях, а также впоследствии сможет претендовать на возвращение на наднациональный уровень соревновательной деятельности. Однако *ipso facto* прецедентный статус предложенному «взвешиванию» придавать не следует: при ином подходе тест на соразмерность рискует быть сокращенным до проверки соответствия между характером содеянного проступка и примененной мерой спортивной ответственности, без учета влияния последней на экономические права субъекта. Таким образом, несмотря на принятие обязанности соблюдения норм спортивной организации, субъекту спорта может быть не очевидно, почему запрещенное деяние должно влечь применение соответствующей меры правового принуждения. Ограничиться ссылкой на знание и опыт принимавшего решение¹⁶ регулятора, даже с учетом принятия соответствующего регламента на высшем представительном уровне организации, представляется ошибочной аргументацией.

В связи с поиском баланса ценностей спортивных организаций и интересов субъектов спорта не исключительно на правоприменительном уровне, возникает вопрос соответствия, сформулированного в акте спортивной организации противоправного

поведения и предусмотренного абсолютно или относительно определенного негативного последствия. Предполагаем, что содержание обязывания или запрета должно определять и направление воздействия меры принуждения [12, с. 65]. Закрепление последних в нормах спортивной организации, в свою очередь, должно являться результатом учета (1) разного уровня опасности для спорта неприемлемых поступков и (2) направленности и степени негативного воздействия на субъектов спорта-адресатов.

Рассогласованность «ценностей» и «интересов» возникает при проблемах коммуникации между спортивными организациями и субъектами спорта, прежде всего, когда пропадает возможность понимания друг друга вследствие дефекта так называемой «технической составляющей» (прежде всего, текстов, интерпретации и легитимации) [13, с. 14]. Поэтому правильная конструкция правового принуждения в спорте достигается при соблюдении двух взаимосвязанных условий. Первое из них – отказ от волюнтаристской практики спортивных организаций по изменению ценностей, исключению или дополнению их перечня, не обусловленной развитием сферы физической культуры и спорта. Второе условие – соответствие фундаментальных принципов права и принципов *lex sportiva* ценностям, защищаемым спортивной организацией. Следует признать неприемлемой практикой расширительное толкование названных принципов с единственной целью – подведение юридического обоснования для защиты нового понимания «ценности» или, тем более, частного «интереса». Аналогично не допускается и вариант, когда под выбранный принцип (например, целостности спорта) корректируется содержание ценности.

¹⁶ Ср. с позицией дисциплинарного комитета международной федерации хоккея (ИИХФ) по апелляции федерация хоккея России (ФХР): «...как с точки зрения предыдущих отчетов и недавнего опыта, так и непосредственных знаний и опыта членов Совета» // Официальный интернет-портал Международной федерации хоккея (IIHF). URL: https://www.iihf.com/en/news/37555/disciplinary_board_dismisses_russia_belarus_appeal (дата обращения: 05.03.2025).

Список источников

1. Васильев И.А. Уточнение концепции пирамиды управления в спорте // Юридическое образование и наука. 2021. № 10. С. 37-145. <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2021-10-37-45>, <https://elibrary.ru/prkiny>
2. Dorskaia A.A., Dorskii A.Yu. Co-regulation as a way to improve the effectiveness of legal regulation in sports // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2021. Т. 12. № 2. Р. 263-275. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.202>, <https://elibrary.ru/pttxlg>
3. Поляков А.В. Чистое учение о праве Ганса Кельзена, идея естественного права и справедливость: взгляд коммуникативиста // Мир человека: нормативное измерение – 6. Нормы мышления, воспри-

- тия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь: сб. тр. Междунар. науч. конф. Саратов: Саратов. гос. юр. акад., 2019. С. 205-223. <https://elibrary.ru/dnjxhz>
4. Луковская Д.И. Правовая легитимность как диалог законодателя с его адресатами о праве и справедливости // Правоведение. 2021. Т. 65. № 4. С. 484-498. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2021.407>, <https://elibrary.ru/stuuyu>
 5. Луковская Д.И. Актуализация права в правосудии (естественноправовая интерпретация) // Правовой статус судьи, прокурора и адвоката: Российский и зарубежный опыт: электрон. сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург: ЦНИТ Астерион, 2020. С. 91-101. <https://elibrary.ru/amcphz>
 6. Васильев И.А., Шевелева Н.А., Ветрова Е.Г. Отстранение клуба от участия в соревновании за манипулирование результатом как административная мера УЕФА: юридическая природа и особенности применения // Закон. 2020. № 8. С. 31-43. <https://elibrary.ru/eirryv>
 7. Vasilyev I.A., Vetrova E.G. A new “Catch 22”: “Protective measures”, “Preventive measures” and “Sports sanctions” versus Russian athletes // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2023. Т. 14. № 2. Р. 51-520. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.214>, <https://elibrary.ru/wgeqqn>
 8. Луковская Д.И., Васильев И.А., Волкова С.В. и др. Концепт справедливости в современной российской правовой системе // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1 (112). С. 96-105. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2023-112-01-96-105>, <https://elibrary.ru/qpgpdl>
 9. Луковская Д.И. Действительность права в современном теоретическом дискурсе // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 2. С. 20-26. <https://elibrary.ru/rzxwdt>
 10. Поляков А.В. Признание права и принцип формального равенства // Правоведение. 2015. № 6 (323). С. 57-77. <https://elibrary.ru/vzvoxz>
 11. Поляков А.В. Дефицит свободы как политико-правовая проблема // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 4. С. 37-56. <https://elibrary.ru/lzrnkx>
 12. Васильев И.А. Футбольная Суперлига и принцип целостности соревнований УЕФА // Право и образование. 2022. № 5. С. 63-71. <https://elibrary.ru/ljvslo>
 13. Поляков А.В. Возможно ли возрождение идеи естественного права в России? // Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 6-16. <https://elibrary.ru/vzvopn>

References

1. Vasilyev I.A. (2021). Specification of the management pyramid concept in sports. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Juridical Education and Science*, no. 10, pp. 37-145. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2021-10-37-45>, <https://elibrary.ru/prkiny>
2. Dorskaia A.A., Dorskii A.Yu. (2021). Co-regulation as a way to improve the effectiveness of legal regulation in sports. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, vol. 12, no. 2, pp. 263-275. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.202>, <https://elibrary.ru/pttxlg>
3. Polyakov A.V. (2019). Pure doctrine about the right of Hans Kelzen, the idea of natural law and justice: a view of communicativist. *Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Mir cheloveka: normativnoe izmerenie – 6. Normy myshleniya, vospriyatiya, povedeniya: skhodstvo, razlichie, vzaimosvyaz'» = Proceedings of the International Scientific Conference “The Human World: Normative Dimension – 6. Norms of Thinking, Perception, Behavior: Similarity, Difference, Interrelation”*. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., pp. 205-223. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dnjxhz>
4. Lukovskaya D.I. (2021). Legitimacy of law as a dialogue between the legislator and his addressees about law and justice. *Pravovedenie*, vol. 65, no. 4, pp. 484-498. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu25.2021.407>, <https://elibrary.ru/stuuyu>
5. Lukovskaya D.I. (2020). Actualization of law in justice (natural law interpretation). *Elektronnyi sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pravovoi status sud'i, prokurora i advokata: Rossiiskii i zarubezhnyi opyt» = Electronic Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference “The Legal Status of Judges, Prosecutors and Lawyers: Russian and Foreign Experience”*. St. Petersburg, SITC Asterion Publ., pp. 91-101. (In Russ.) <https://elibrary.ru/amcphz>
6. Vasilyev I.A., Sheveleva N.A., Vetrova E.G. (2020). Removing a club from competition as UEFA administrative measure for match-fixing: legal nature and peculiarities of application. *Zakon = Statute*, no. 8, pp. 31-43. (In Russ.) <https://elibrary.ru/eirryv>

7. Vasiliev I.A., Vetrova E.G. (2023). A new “Catch 22”: “Protective measures”, “Preventive measures” and “Sports sanctions” versus Russian athletes. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, vol. 14, no. 2, pp. 510-520. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.214>, <https://elibrary.ru/wgeqqn>
8. Lukovskaya D.I., Vasiliev I.A., Volkova S.V. et al. (2023). The concept of justice in the modern legal system of Russia. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*, no. 1 (112), pp. 96-105. (In Russ.) <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2023-112-01-96-105>, <https://elibrary.ru/qpgpdl>
9. Lukovskaya D.I. (2019). Validity of law in modern theoretical discourse. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya = Theoretical and Applied Law*, no. 2, pp. 20-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rzxwdt>
10. Polyakov A.V. (2015). Recognition of law and the principle of formal equality. *Pravovedenie*, no. 6 (323), pp. 57-77. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vzvoxz>
11. Polyakov A.V. (2018). Freedom deficit as a political and legal challenge. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, vol. 13, no. 4, pp. 37-56. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lzrnkx>
12. Vasiliev I.A. (2022). Football superleague and the UEFA integrity principle. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, no. 5, pp. 63-71. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ljvslo>
13. Polyakov A.V. (2015). Is revival of the natural law in Russia possible? *Pravovedenie*, no. 5 (322), pp. 6-16. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vzvopn>

Поступила в редакцию / Received 06.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-353-365>

Шифр научной специальности 5.1.1

Фрагментация как отражение кризиса международно-правовой системы: терминологический анализ

Сидоров Андрей Владимирович,

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5,
<https://orcid.org/0000-0001-5335-2980>, andrei.sidorov.spb@yandex.ru

Аннотация

Рассмотрен терминологический аппарат, связанный с таким кризисным явлением международно-правовой системы, как фрагментация. Цель исследования состоит в выявлении специфики смыслового наполнения указанного понятия. Рассмотрены основные типы фрагментации и связанные с ними ключевые термины. Сделан вывод о том, что, во-первых, различные трактовки фрагментации международного права, отличающиеся негативной или нейтральной коннотацией, объединяет сема деления, во-вторых, каждому типу фрагментации соответствует ключевое понятие, передающее его суть: для материально-правовой фрагментации – это автономный режим; для процессуальной/институциональной фрагментации – forum shopping. В-третьих, исторический характер фрагментации международного права раскрывается в таких словосочетаниях, как «европейское международное право», «американское международное право», «социалистическое международное право», в-четвертых, в отдельных современных юридических исследованиях фрагментация рассматривается в рамках отдельных отраслей международного права, кроме того, в некоторых работах встречается антонимичный термин «дефрагментация».

Ключевые слова

фрагментация международного права, автономный режим, forum shopping, дефрагментация, материально-правовая фрагментация, институциональная фрагментация

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-01860 «Кризисы международно-правовой системы и пути их преодоления: исторический опыт».

Вклад автора

А.В. Сидоров – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Сидоров А.В. Фрагментация как отражение кризиса международно-правовой системы: терминологический анализ // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 353-365. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-353-365>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-353-365>

OECD 5.05; ASJC 3308

Fragmentation as a reflection of the international legal system crisis: a terminological analysis

Andrei V. Sidorov,

Cand. Sci. (Philology), Lecturer at the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, 5 Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5335-2980>, andrei.sidorov.spb@yandex.ru

Abstract

The terminological apparatus related to such a crisis phenomenon in the international legal system as fragmentation is considered. The aim of the study is to identify the specific meaning of the concept in question. The main types of fragmentation and related key terms are discussed. It is concluded that, firstly, the various interpretations of the fragmentation of international law, differing in their negative or neutral connotations, are united by the sema of division; secondly, each type of fragmentation corresponds to a key concept that conveys its essence: for substantive fragmentation, it is a self-contained regime, for procedural/institutional fragmentation, this is forum shopping. Thirdly, the historical nature of the fragmentation of international law is revealed in phrases such as European international law", "American international law", "socialist international law". Fourthly, in some modern legal studies, fragmentation is examined within the framework of individual branches of international law, and in some works, the antonymous term "defragmentation" is used.

Keywords

fragmentation of international law, self-contained regime, forum shopping, defragmentation, substantive fragmentation, institutional fragmentation

Funding

The article was funded by Russian Science Foundation under the research project No. 24-28-01860 "Crises of the international legal system and ways to overcome them: historical experience".

Author's contribution

A.V. Sidorov – concept development, normative documents selection and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Sidorov, A.V. Fragmentation as a reflection of the international legal system crisis: a terminological analysis. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 353-365. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-353-365>

Введение

В современном научном юридическом дискурсе тема кризисов, наблюдаемых на разных этапах развития международно-правовой системы, вызывает неизменный интерес, при этом сразу необходимо отме-

тить, что под кризисом в обозначенном ключе понимают, в частности, «периодически повторяющийся, ограниченный во времени период, характеризующийся либо отсутствием нормативного правового регулирования существующих общественных от-

ношений, либо его заменой другими социальными регуляторами, либо использованием устаревших подходов и конструкций, не отражающих реальные потребности общества, либо «заурегулированностью», свидетельствующей об уменьшении значения принципов права и слабости теоретического осмысления правовых процессов и приводящей к распаду системы правовых норм, либо игнорированием правового «фактора» в государственной, международной и общественной жизни или его минимизацией» [1, с. 10].

В пользу того, что тема кризисных явлений международно-правовой системы, как уже было отмечено, не теряет актуальности, говорит широкий круг исследований, раскрывающих их историко-правовые и теоретико-правовые аспекты [2–6]. Отдельно в научных трудах поднимается вопрос о том, в чем проявляется кризис международного права в целом [7–10] и его отдельных отраслях в частности [11; 12], каковы его причины и пути преодоления [13; 14]. Осуществляя научный поиск в указанном русле, отдельные исследователи обращаются к проблематике, связанной с фрагментацией международного права [15; 16], трактуемой, в частности, как распад международно-правовой системы на отдельные, не связанные между собой части [17, с. 59]. В свете сказанного представляется целесообразным проанализировать понятийное содержание рассматриваемого понятия, а также смежных терминов, учитывая, что в свое время тема фрагментации международного права приобрела столь существенное значение, что Комиссией международного права ООН (далее – КМП ООН) была учреждена отдельная исследовательская группа для ее изучения.

Методы

В работе дескриптивным методом охарактеризован терминологический аппарат, связанный с фрагментацией международного права. С помощью метода анализа были раскрыты особенности типологии указанного явления, а также выделены связанные с ней ключевые понятия. Применение историко-правового метода позволило обозначить обусловленные общественно-политической и географической спецификой разных эпох проявления фрагментации международного права, отражающие разобщенность не толь-

ко институциональных структур, но и академических кругов.

Результаты исследования

Обращаясь к вопросу о содержательной стороне термина «фрагментация международного права», следует согласиться с тем, что «в науке международного права нет «острых» дискуссий относительно его дефиниции» [18, с. 244]. Предлагаемые исследователями определения, хотя и отличаются некоторой вариативностью, тем не менее, в большинстве своем передают основное содержание феномена фрагментации как процесса дробления чего-либо на многочисленные разрозненные элементы [19, с. 29].

В целом языковую формулу, характеризующую рассматриваемое явление, можно условно записать как «международное право делится на...», в которой сам объект и операция деления выступают константами, а полученный результат – переменной.

Выражается указанная операция через такие понятия, как вышеупомянутый «распад» [17, с. 59], «дробление, разделение» [18, с. 244], «расщепление», «атомизация» [20, с. 21], «децентрализация» [21 с. 52], «спецификация», «специализация» и др.

При этом, глядя на указанные термины, может возникнуть вопрос «Фрагментация – это хорошо или плохо?», учитывая, что некоторые из них (например, распад и атомизация), как представляется, действительно придают значению рассматриваемого явления некоторый негативный оттенок, указывающий на то, что оно действительно отражает кризисное состояние международно-правовой системы, в то же время другие понятия (например, спецификация, специализация) звучат нейтрально.

Достаточно емкую характеристику негативному восприятию фрагментации международного права дал в свое время М. Коскенниemi: в своем исследовании он приводит выдержки из речей судей Международного Суда ООН, которые одними из первых в современной истории забили тревогу о проблеме фрагментации¹, и отмечает, что

¹ Примером служат, например, ряд заявлений, сделанных председателем Международного Суда ООН Ж. Гийомом в 2000–2001 гг. Так, 15 августа 2000 г. на 2658-м заседании Комиссии международного права ООН г-н Гийом выразил обеспокоенность ростом чис-

употребляемые ими формулировки («утрата общего контроля», «отсутствие единого плана», «разрозненность и неуправляемость»²) в принципе характерны для тех ситуаций, когда возникает потребность выразить обеспокоенность по поводу неопределенности, противоречий и парадоксов, которыми сопровождается глобализация и которые отражают состояние общественных отношений, нередко именуемое постмодерном [22, с. 556].

Однако в обнародованном в 2002 г. докладе учрежденной КМП ООН Исследовательской группы по риску фрагментации

ла международных судебных органов, действующих наряду с Судом, единственным органом, обладающим универсальной и общей компетенцией, имея в виду, в частности, Международный трибунал по морскому праву, Международный трибунал для бывшей Югославии и Международный трибунал для Руанды, несколько судов, обладающих юрисдикцией в области прав человека, работающие зачастую на постоянной основе арбитражные суды и Орган по урегулированию споров ВТО // Ежегодник Комиссии международного права ООН. Т. 1. Краткие отчеты о заседаниях пятьдесят второй сессии 1 мая – 9 июня и 10 июля – 18 августа 2000 г. // КМП ООН. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2000_v1.pdf (дата обращения: 05.04.2025). Спустя два месяца, 26 октября 2000 г., Ж. Гийом в своей речи, адресованной Генеральной Ассамблее ООН, еще раз указал на угрожающий целостности международного права рост числа международных судов, отмечая, что, прежде чем учреждать новый суд, международным субъектам нормотворчества следует задаться вопросом, неужели уже действующий суд не сможет успешно справиться с теми функциями, которые планируется возложить на новый / Address by H.E. Judge Gilbert Guillaume, President of the International Court of Justice, to the United Nations General Assembly 26 October 2000 // ICJ. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/press-releases/9/2999.pdf> (accessed: 05.04.2025). Через год он вновь озвучил тот же тезис, подчеркнув, что появление все новых и новых судов может подорвать единство международного права, а потому в этом вопросе необходимо проявлять особую осторожность / Speech by His Excellency Judge Gilbert Guillaume, President of the International Court of Justice, to the Sixth Committee of the General Assembly of the United Nations 31 October 2001 // ICJ. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/press-releases/5/2995.pdf> (accessed: 05.04.2025).

² В частности, Р. Дженнингс, председатель Международного Суда ООН в период 1991–1994 гг., отмечал, что быстрый рост числа международных судебных учреждений происходит без какого-либо плана, а потому существует опасность того, что международное право в целом может оказаться разобщенным и неуправляемым [23, с. 59–60].

международного права (далее – Исследовательская группа КМП ООН) отмечалось, что «фрагментация не является чем-то новым, поскольку международное право фактически является правом раздробленного на части мира. Его раздробленность является также естественным следствием его развития, причем в некоторых случаях в совершенно новых сферах. В связи с этим Комиссии не следует рассматривать фрагментацию в качестве нового явления, поскольку она рискует принизить значение уже существующих механизмов, разработанных международным правом к настоящему времени в качестве ответа на проблемы, порождаемые этой фрагментацией. Исследовательская группа также посчитала важным обратить внимание на позитивные аспекты фрагментации, которые можно рассматривать как свидетельство жизнеспособности международного права. Появление новых норм, режимов и институтов, а также все большее разнообразие мнений не обязательно представляют собой негативное явление, а, напротив, свидетельствуют о расширении сферы охвата международного права»³.

Тем не менее нельзя не отметить, что, несмотря на попытку Исследовательской группы выработать сбалансированную позицию по трактовке фрагментации международного права⁴, изначально последняя

³ Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права (A/CN.4/L.628 и Согг.1). Доклад исследовательской группы // Ежегодник Комиссии международного права ООН. Т. 1. Краткие отчеты о заседаниях пятьдесят четвертой сессии 29 апреля – 7 июня и 22 июля – 16 августа 2002 г. // КМП ООН. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2002_v1.pdf (дата обращения: 05.04.2025). Примечательно, что название доклада само стало предметом продолжительных обсуждений, поскольку формулировка «Риски, вытекающие из фрагментации международного права», как выяснилось, представляла вопрос в слишком негативном свете, потому был предложен вариант «Трудности, обусловленные диверсификацией международного права». Некоторые члены Исследовательской группы высказались также за вариант «Трудности, обусловленные расширением сферы охвата и диверсификацией международного права» // Там же.

⁴ Она находит отражение в современных исследованиях, так М.В. Залоило отмечает, что фрагментация правового пространства (неполнота, раздроблен-

преподносилась скорее как негативное явление, которое по своему содержанию укладывается в приведенное ранее определение кризиса международно-правовой системы в части упомянутой слабости теоретического осмысления правовых процессов, причем, как представляется, новых, еще недостаточно осмысленных и, естественно, вызывающих беспокойство.

Обращаясь к вопросу о том, что является результатом деления в обозначенной выше формуле, необходимо отметить, что он зависит от того, о каком типе фрагментации идет речь. Так, исследователи выделяют материально-правовую и институциональную (процессуальную) фрагментацию. Сразу отметим, что в англоязычных исследованиях можно встретить аналогичное деление фрагментации на материальную (*substantive, fragmentation of international law*) и институциональную (*institutional, fragmentation of international fora* (форма мн. числа от лат. *forum*. – *Прим. автора.*)) [24, с. 142].

Материально-правовая фрагментация отличается ростом числа специальных международных норм и подсистем, при этом она может проявляться в трех ракурсах: «1) через специализацию международного права, то есть создание специализированных функциональных подсистем, к которым относятся права человека, морское право, право ВТО и другие подсистемы⁵; 2) через регионализацию⁶, то есть создание специальных

ность, разобщенность) имеет как положительное, так и отрицательное значение [19, с. 46].

⁵ В английском языке сказанному соответствует понятие *functional, или issue-area fragmentation*. См. *Pauwelyn J. Fragmentation of International Law* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1406> (accessed: 05.04.2025).

⁶ Исследовательская группа КМП ООН выделила три значения регионализма, которые непосредственно соотносятся с международным правом и заслуживают внимания: 1) регионализм как совокупность подходов или методов изучения международного права (этот термин служит для обозначения конкретной направленности юридической мысли и культуры. Например, иногда говорят, что имеется «англо-американская», или «континентальная» традиция международного права); 2) регионализм как метод установления международно-правовых норм (часто предполагают, что международное право разрабатывается или должно разрабатываться в региональном контексте, поскольку

(суб-)региональных систем, которые могут ставить под сомнение универсальность международного права⁷; 3) при применении/толковании международно-правовых норм таким образом, что создается параллельное регулирование, конфликт норм или обязательств в одной и той же сфере»⁸ [25, с. 32].

Ключевым понятием для этого типа фрагментации является автономный (специальный) режим (*self-contained regime*), получивший подробное научно-теоретическое осмысление как в отдельных трудах⁹ [26; 27], так и в докладах Исследовательской группы КМП ООН¹⁰. Примечательно, что

относительная однородность интересов или мировоззрения субъектов тем самым обеспечит более действенное или справедливое осуществление соответствующих норм); 3) регионализм как стремление добиться географических исключений из универсальных норм международного права (как норма или принцип с региональной сферой действия или региональным ограничением сферы действия универсальной нормы или принципа) / Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права (окончательно подготовлен М. Коскенниemi) от 13 апреля 2006 г. // ООН. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ld/g06/610/79/pdf/g0661079.pdf> (дата обращения: 05.04.2025).

⁷ Соответственно, английским эквивалентом в данном случае будет *geographical или regional fragmentation*. См.: *Pauwelyn J. Fragmentation of International Law* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1406> (accessed: 05.04.2025).

⁸ Third form of substance fragmentation, namely parallel or conflicting norms or obligations in the same issue-area // *Ibid*.

⁹ См. также: *Klein E. Self-Contained Regime* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1467?rsk=BQyaX8&result=1&prd=MPIL> (accessed: 05.04.2025).

¹⁰ Так, по мнению членов Исследовательской группы, к категории автономных режимов могут быть отнесены: а) специальный свод вторичных норм, определяющих последствия нарушения некоторых первичных норм (включая процедуры такого определения), а также б) любая взаимосвязанная совокупность (свод, режим, подсистема) норм по ограниченной проблеме вместе с нормами, предназначенными для создания, толкования, применения, изменения или прекращения (иными словами, использования) этих норм. Кроме того, в научном комментарии и практике постоянно делается ссылка на третье понятие – «отрасли международного права», которые также предположительно функционируют как автономные режимы, претендующие на то, что они регулируются своими собственными принципами / Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсифика-

впервые указанный термин был употреблен в деле парохода Уимблдон (Wimbledon Case), который в марте 1921 г. был зафрахтован на время компанией Les Affrêteurs réunis для перевозки боеприпасов и предметов артиллерийского снабжения из Салоников на польскую военную базу в Данциге. На пути следования судну предстояло пройти расположенный в Германии Кильский канал, однако руководство канала запретило ему в него заходить, сославшись на указы о нейтралитете Германии в Советско-польской войне¹¹ и поступившие в этой связи распоряжения.

В рамках разбирательства по этому инциденту судьям Постоянной палаты международного правосудия при Лиге Наций предстояло установить, должны ли положения Версальского договора 1919 г., касающиеся судоходных внутренних водных путей Германии, применяться и к Кильскому каналу, учитывая, что в договоре был предусмотрен отдельный, посвященный ему раздел¹². В итоге судьи постановили, что положения о Кильском канале следует толковать отдельно от тех, что регулируют судоходные внутренние водные пути, фактически указав на то, что они составляют автономный режим¹³.

Говоря об институциональной (процессуальной) фрагментации, необходимо отметить, что ее следствием является «рост числа специализированных органов и организаций, компетентных создавать и толковать нормы

права»¹⁴ [25, с. 32]. При этом некоторые исследователи полагают, что дальнейшую градацию этого типа фрагментации можно проводить по тем же критериям, на которых строится классификация видов материально-правовой фрагментации. Соответственно, речь вновь будет идти о специализации, регионализации и применении/толковании международно-правовых норм, создающем параллельное регулирование, конфликт норм или обязательств в одной и той же сфере. В первом случае «соперничающими» структурами выступают, например, Орган по разрешению споров ВТО и Международный трибунал по морскому праву, во втором ими могут быть два третейских суда по инвестиционным спорам, обращение в которые предусмотрено разными двусторонними инвестиционными соглашениями, а в третьем — например, Международный суд ООН и Международный трибунал по морскому праву¹⁵.

Одним из ключевых понятий, связанных с указанным типом фрагментации, является так называемый *forum shopping* — поиск государствами таких судов, которые будут к ним наиболее благосклонны¹⁶. Это явление также трактуют как «тактическую деятельность стороны, направленную на выбор (из нескольких возможных вариантов) определенного суда и определенной юрисдикции для того, чтобы добиться применения самых благоприятных для нее норм материального и процессуального прав» [28, с. 143] или как «использование правил международной

цией и расширением сферы охвата международного права / Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права (окончательно подготовлен М. Коскенниemi) от 13 апреля 2006 г. // ООН. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/g06/610/79/pdf/g0661079.pdf> (дата обращения: 05.04.2025).

¹¹ Активная фаза конфликта пришлась на 1919–1920 гг., а завершился он подписанием в марте 1921 г. Рижского мирного договора.

¹² Section VI. Clauses Relating to the Kiel Canal. Part XII. Ports, Waterways and Railways / The Versailles Treaty June 28, 1919 // Yale Law School. URL: <https://avalon.law.yale.edu/imt/partxii.asp> (accessed: 05.04.2025).

¹³ S.S. “WIMBLEDON”. Judgment of 17 August 1923 (Series A, No. 1) / Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the Permanent Court of International Justice // UN OLA. URL: https://legal.un.org/PCIJsummaries/documents/english/5_e.pdf (accessed: 05.04.2025).

¹⁴ К числу таких органов, как уже было сказано, председатель Международного Суда ООН Ж. Гийом отнес Международный трибунал по морскому праву, Международный трибунал для бывшей Югославии и Международный трибунал для Руанды, а также ряд судов, обладающих юрисдикцией в области прав человека, работающие зачастую на постоянной основе арбитражные суды и Орган по урегулированию споров ВТО. См. стенограмму 2658-го заседания КМП, состоявшегося 15 августа 2000 г. // Ежегодник Комиссии международного права ООН. Т. 1. Краткие отчеты о заседаниях пятьдесят второй сессии 1 мая – 9 июня и 10 июля — 18 августа 2000 г. // КМП ООН. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2000_v1.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁵ Pauwelyn J. Fragmentation of International Law // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1406> (accessed: 05.04.2025).

¹⁶ Ibid.

подсудности, существующих в нескольких государствах параллельно другим правилам, с целью извлечения правовых или фактических преимуществ» [29, с. 265], при этом, несмотря на то, что, как отмечается, *forum shopping* подчас нарушает баланс интересов сторон при рассмотрении спора [29, с. 265], он является «неотъемлемой частью современного гражданского и торгового оборота, избегать который, даже ввиду возможных различных опасностей и подводных камней, было бы нецелесообразно» [28, с. 152]. Примечательно, что в англоязычных юридических словарях можно встретить смежное понятие – *judge-shopping*, которое характеризует практику одновременной подачи нескольких исков, содержащих одни и те же требования, в суд в надежде, что один из них попадет на рассмотрение тому судье, в котором заинтересован истец; последний в случае реализации своего плана отзывает остальные иски [30, р. 707].

Отдельно необходимо отметить, что идею институциональной фрагментации международного права можно несколько развить, если взять в качестве результата деления не только международные судебные учреждения, но и другие структуры, например консультативные или научные¹⁷.

Так, еще в начале 1960-х гг. отдельные исследователи отмечали, что интересы у различных официальных и неофициальных структур, призванных содействовать развитию международного права, могут существенно разниться, а их влияние за рамками ограниченного круга ученых и государственных чиновников подчас оказывается весьма незначительным. В частности, подчеркивался разрозненный и редко глубокий характер представлений о деятельности КМП ООН, хотя было известно о том, что она проводит подготовительную работу, например, по организации Женевских конференций по морскому праву¹⁸ и Венской кон-

ференции по дипломатическим сношениям (2 марта – 14 апреля 1961 года. – *Прим. автора*.). Кроме того, указывалось на отсутствие единства мнений относительно того, что Комиссия является очень активным и эффективным органом по кодификации и прогрессивному развитию международного права. В качестве примера приводились и другие структуры. Так, отмечалось, что Межамериканский юридический комитет (Inter-American Committee of Jurists), действующий в рамках Организации американских государств, состоит больше из официальных представителей государств, чем из независимых ученых. Неоднозначное отношение вызывал и Афро-азиатский консультативно-правовой комитет (Afro-Asian Legal Consultative Committee): одни считали, что он выполняет важную задачу по координации и транслированию позиций недавно обретших независимость государств Африки и Азии по вопросам международного права, другие выражали сомнение относительно того, что работа комитета носит конструктивный характер; звучали мнения и о том, что его деятельность лишь усиливает тенденцию к фрагментации международного права [32, с. 61].

Кроме того, в языковой формуле «международное право делится на...» результатом деления могут быть не только специализированные подсистемы норм международного плана и органы, компетентные их создавать и толковать, но и своеобразные «участки» международно-правового пространства, связанные с определенной общественно-экономической формацией или географическим регионом или субрегионом [33, с. 97]. В терминологическом плане такое деление выражается в добавлении прилагательного, образованного, например, от географического названия, к понятию «международное право». Примером служат такие словосочетания, как «европейское международное право» [34], «американское международное право» [35]. Так, одним из наиболее известных представителей доктрины европейского международного права был немецкий ученый-юрист А.В. Геффтер (August Wilhelm

https://legal.un.org/avl/pdf/ha/gclos/gclos_r.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁷ Так, в отдельных современных исследованиях поднимается вопрос об отсутствии в научных кругах единых подходов к осмыслению истории международного права [31].

¹⁸ Первая состоялась 24 февраля – 27 апреля 1958 г., вторая 16 марта – 26 апреля 1960 г., третья – в 1973–1982 гг. // *Тревис Т.* Женевские конвенции по морскому праву 1958 года // КМП ООН. URL:

Heffter, 1796–1880), написавший одноименный труд. В нем он, в частности, утверждал, что «современное международное право, зародившись в Европе, развилось у христианских народов как европейского материка, так и за его пределами. Только между этими народами и замечаются постоянные сношения и согласие на основе взаимной справедливости, истинное *commercium juris praebendi repetendique*, которые поддерживаются ими на началах традиционного права европейского союза государств и находятся под их коллективной нравственной охраной» [34, с. 15]. В свете сказанного нельзя не упомянуть о таком термине, как «социалистическое международное право». Так, известный советский юрист-международник Е.А. Коровин, говоря о зарождении и развитии социалистического международного права как «международного права нового качества», отмечал, что предлагаемое в советской юридической литературе определение международного права не охватывает собою все области современных международных правоотношений, поскольку в нем говорится о «борьбе» и «принуждении», которые полностью отсутствуют во взаимоотношениях между государствами социалистического лагеря. Поэтому следует либо давать два определения международного права – одно для международных отношений в условиях капиталистического общества, другое – для нового типа международных отношений, что было бы равносильно отказу от общего понятия международного права, либо, учитывая современное значение общепризнанных институтов и норм международного права, следует дать такое общее определение, которое охватывало бы всю совокупность современных международных правоотношений [36, с. 41].

Наконец, стоит вновь вернуться к тому, о чем было сказано в самом начале, а точнее к тому, что кризис международно-правовой системы охватывает ограниченный период времени. Этот тезис находит отражение в научно-теоретическом осмыслении фрагментации международного права. Так, со временем стали появляться труды, провозглашающие победу над этим явлением, изначально преподносившимся как кризисное [37], или, по крайней мере, предлагающие

инструменты для его преодоления [38–40]. Появился даже антоним – дефрагментация, трактуемая, в частности, как «устранение неоднородности системы международного права, связанной с различными уровнями международно-правовой интеграции, существованием различных институциональных международных механизмов обеспечения норм международного права» [18, с. 251]. Однако в то же время отдельные современные исследователи уже говорят о фрагментации отдельных отраслей международного права [41–44] и даже институтов [45]¹⁹. Это обстоятельство указывает на то, что в формуле «международное право делится на...» появляется вторая переменная – объект деления.

Заключение

Таким образом, за годы научно-практического осмысления феномена фрагментации международного права вокруг него выстроился определенный терминологический аппарат, который характеризуется следующими особенностями. Во-первых, исследователями были даны различные трактовки рассматриваемому явлению, которые, независимо от того, в каком свете оно преподносится, в негативном, кризисном, как это было изначально, или нейтральном, как это произошло позднее, неизменно отражают его ключевой аспект – деление международного права. Во-вторых, в зависимости от результата этого деления выделяют два типа фрагментации – материально-правовая (*substantive*) или процессуальная/институциональная (*institutional*). В-третьих, применительно к каждому из указанных типов фрагментации можно говорить о наличии ключевых понятий, отражающих их суть, – в первом случае это автономный режим, а во втором – так называемый *forum shopping*, отражающий стремление государств найти для себя наиболее подходящий суд. В-четвертых, институциональная фрагментация, если не сводить понятие «институциональный» только к судебным учреждениям, может проявляться в разобщенности кон-

¹⁹ Примечательно, что отдельные публикации, в которых поднимаются вопросы фрагментации отраслей международного права, датируются концом XX века, то есть задолго до того, как их обсуждение вышло на общемировой уровень [46].

сультативных, научных структур, академических кругов, непосредственно занимающихся широким кругом вопросов международного права. Наконец, в-пятых, отдельные современные исследования указывают на то, что о феномене фрагментации уже говорят в рамках не только международного права в

целом, но и его отдельных отраслей и относящихся к ним институтов, хотя при этом нельзя игнорировать появление термина «дефрагментация», свидетельствующего о сохраняющемся восприятии рассматриваемого явления как кризисного.

Список источников

1. Дорская А.А. Кризисные явления в правовой сфере как междисциплинарное понятие // Российское правосудие. 2025. № 5. С. 5-15. <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2025.5.5-15>, <https://elibrary.ru/nelkif>
2. Дорская А.А. Кризис международно-правовой системы 1920-х гг. и Конституция СССР 1924 г. // Федеративные аспекты развития конституционализма (к 100-летию Конституции СССР 1924 г.). Санкт-Петербург: Астерион, 2024. С. 86-94. <https://elibrary.ru/irvqnv>
3. Дорская А.А. Кризисы международно-правовой системы: к вопросу о периодизации истории международного права // Международный научный вестник. 2024. № 11. С. 113-118. <https://elibrary.ru/gyfmxv>
4. Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления / сост.: А.А. Дорская, В.А. Косовская, Н.И. Алексеева. Санкт-Петербург: Астерион, 2021. 580 с. <https://doi.org/10.53115/9785001881216>, <https://elibrary.ru/tpassc>
5. Кризисы международно-правовой системы и пути их преодоления: история и современность: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.А. Дорская, А.В. Сидоров, Н.Д. Петрова. Санкт-Петербург: Астерион, 2024. 280 с. <https://www.elibrary.ru/endrpw>
6. Эффективность международно-правового регулирования и преодоление кризисных явлений в международном праве / под ред. В.Ю. Сморгуневой, А.А. Дорской. Санкт-Петербург: Астерион, 2021. 274 с. <https://doi.org/10.53115/9785001881148>, <https://elibrary.ru/cgaqis>
7. Толстых В.Л. Глава 10. Проблемный (критический) анализ международного права // Международно-правовые проблемы современного международного экономического правового порядка: коллективная монография кафедры международного права ВАВТ Минэкономразвития России. Москва: Всерос. акад. внешней торговли, 2024. С. 139-154. <https://elibrary.ru/ahkros>
8. Толстых В.Л. Кризис международного права: диагноз // Закон. 2022. № 12. С. 122-133. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-12-122-133>, <https://elibrary.ru/bhtwet>
9. Явчуновская Р.А. Кризис международного права в реалиях современного миропорядка // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2017. № 4 (22). С. 24-30. <https://elibrary.ru/ykijnq>
10. Carty J.A., Tolstykh V. Reflection on the Philosophical-Historical Roots of the Crisis in Western International Law Thinking // HSE University Journal of International Law. 2024. Vol. 2. № 3. P. 4-13. <https://doi.org/10.17323/jil.2024.23983>, <https://elibrary.ru/cbvtzu>
11. Матчанова З.Ш. Международное гуманитарное право в конце XX – начале XXI веков в свете исследования кризисов в международном праве // Черные дыры в Российском законодательстве. 2021. № 2. С. 36-38. <https://elibrary.ru/wntcbn>
12. Матчанова З.Ш. Перспективы развития международного трудового права в контексте исследования кризисов международного права в XXI веке // Черные дыры в Российском законодательстве. 2020. № 3. С. 20-22. <https://elibrary.ru/qhosqq>
13. Алферова Е.В. Кризис международного права: причины и пути выхода (обзор) // Современное международное право: отечественные и зарубежные исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова. Москва: Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 2016. С. 14-29. <https://elibrary.ru/znzvmv>
14. Игнатьева М.В. Причины кризиса в международном праве: многообразие взглядов // Эффективность международно-правового регулирования и преодоление кризисных явлений в международном праве. Санкт-Петербург: Астерион, 2021. С. 96-100. <https://elibrary.ru/dyjhug>
15. Абдуллин А.И. Актуальные проблемы фрагментации международного права // Международное экономическое право в эпоху глобализации: Liber amicorum в честь 60-летия проф. В.М. Шумилова. Вып. 54. Москва: Всерос. акад. внешней торговли Мин-ва эконо. развития Рос. Фед., 2014. С. 18-22. <https://elibrary.ru/xdouut>
16. Абдуллин А.И. Фрагментация международного права: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XII ежегодной Междунар. науч.-практ.

- конф., посвященной памяти профессора И.П. Блищенко: в 2 ч. / отв. ред. А.Х. Абашидзе. Москва: Рос. ун-т дружбы народов (РУДН), 2015. Ч. 1. С. 20-27. <https://elibrary.ru/wcvinn>
17. Колодкин Р.А. Фрагментация международного права // Московский журнал международного права. 2005. № 2. С. 38-61. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2005-2-38-61>, <https://elibrary.ru/qbqlow>
 18. Решетнева Т.В., Орлов А.С. Некоторые вопросы фрагментации международного права: причины, последствия, пути преодоления // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2 (98). С. 243-252. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_1_2_243, <https://elibrary.ru/ewootq>
 19. Залоило М.В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 27-49. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.27.49>, <https://elibrary.ru/ghqbqn>
 20. Давлетгильдеев Р.Ш. К вопросу о подходах к фрагментации международного права // Российский юридический журнал. 2013. № 3 (90). С. 20-25. <https://elibrary.ru/qbzhuз>
 21. Тюрина Н.Е. Фрагментация международного права в контексте «права ВТО» // Российский юридический журнал. 2013. № 3 (90). С. 52-58. <https://elibrary.ru/qbzhuw>
 22. Koskeniemi M., Leino P. Fragmentation of International Law? Postmodern Anxieties // Leiden Journal of International Law. 2002. Vol. 15 (3). P. 553-579. <https://doi.org/10.1017/S0922156502000262>, <https://elibrary.ru/hlaxpd>
 23. Jennings R. The Role of the International Court of Justice // British Yearbook of International Law. 1997. Vol. 68. Issue 1. P. 1-63. <https://doi.org/10.1093/bybil/68.1.1>
 24. Dupuy P.-M., Viñuales J.E. The Challenge of Proliferation: An Anatomy of the Debate // The Oxford Handbook of International Adjudication / ed. by C. Romano, K. Alter, and Y. Shany. Oxford: OUP, 2014. P. 135-157. <https://doi.org/10.1093/law/9780199660681.003.0007>
 25. Шестакова К.Д., Виссенберг А.С. Эволюция дискурса о фрагментации международного права // Международное право. 2020. № 1. С. 29-49. <https://doi.org/10.25136/2644-5514.2020.1.29871>, <https://elibrary.ru/sarkbc>
 26. Simma B. Self-contained regimes // Netherlands Yearbook of International Law. 1985. Vol. 16. P. 111-136. <https://doi.org/10.1017/S0167676800003482>
 27. Simma B., Pulkowski D. Of Planets and the Universe: Self-Contained Regimes in International Law // European Journal of International Law. 2006. Vol. 17. № 3. P. 483-529. <https://doi.org/10.1093/ejil/chl015>, <https://elibrary.ru/inwcqd>
 28. Виноградов А.А. “Forum Shopping” и право Европейского союза // Московский журнал международного права. 2010. № 4 (80). С. 141-154. <https://elibrary.ru/twbmob>
 29. Веде Ю.В. Forum shopping: понятие, мотивы и способы противодействия // Актуальные проблемы развития цивилистического процесса: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. профессорско-преподават. состава, практикующих юристов, аспирантов и магистрантов. Ростов-на-Дону: ИП Беспамятнов Сергей Владимирович, 2020. С. 264-268. <https://elibrary.ru/etimid>
 30. Black’s Law Dictionary. Abridged. 10th Edition / edited by B.A. Garner. Eagan (MN): Thomson Reuters West, 2015. 1385 p.
 31. Mitchell R.M. The Narrative Fragmentation of International Legal History // Journal of the History of International Law. 2025. Vol. 27 (1). P. 57-98. <https://doi.org/10.1163/15718050-bja10121>
 32. Deak F. Observations on international law in underdeveloped areas // Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting. 1962. Vol. 56. P. 54-63. <https://doi.org/10.1017/S027250370002855X>
 33. Галушко Д.В. К вопросу о влиянии фрагментации международного права на развитие интеграционных процессов // Российский журнал правовых исследований. 2024. Т. 11. № 3. С. 95-102. <https://doi.org/10.17816/RJLS634737>, <https://elibrary.ru/ckeihl>
 34. Гефтер А.В. Европейское международное право / пер. бар. К. Таубе. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°, 1880. 619 с.
 35. Alvarez A., Rowe L.S. “American International Law” // Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting. 1909. Vol. 3. P. 206-220.
 36. Коровин Е.А. Некоторые основные вопросы современной теории международного права // Советское государство и право. 1954. № 6. С. 34-44.
 37. Andenas M., Borge E. A Farewell to Fragmentation: Reassertion and Convergence in International Law. Cambridge: CUP, 2015. 603 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139979498>
 38. Djajić S. Mehanizmi defragmentacije međunarodnog prava: sistemsko tumačenje, evolutivno tumačenje i sudski aktivizam evropskog suda za ljudska prava // Zbornik radova Pravnog fakulteta Novi Sad. 2019. Vol. 53 (2). P. 363-375.

39. Salvatore F.N. Disconnecting Humanitarian Law from EU Subsidiary Protection: A Hypothesis of Defragmentation of International Law // *Leiden Journal of International Law*. 2016. Vol. 29 (2). P. 463-483. <https://doi.org/10.1017/S0922156516000108>
40. Van Aaken A. Defragmentation of Public International Law through Interpretation: a Methodological Proposal // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2009. Vol. 16. № 2. P. 483-512. <https://doi.org/10.2979/gls.2009.16.2.483>
41. Abrusci E. Judicial Convergence and Fragmentation in International Human Rights Law: the Regional Systems and the United Nations Human Rights Committee. Cambridge: CUP, 2023. 273 p.
42. Fidler M. Fragmentation of International Cybercrime Law // *Utah Law Review*. 2025. № 3. P. 737-804.
43. Seffinga V., Eldholm M. The Fragmentation of International Space Law // *International Institute of Space Law*. 2019. Vol. 62 (3). P. 213-225. <https://doi.org/10.5553/IISL/2019062003001>
44. Young M.A. Fragmentation // *The Oxford Handbook of International Environmental Law*. 2nd ed. Oxford: OUP, 2021. P. 85-101. <https://doi.org/10.1093/law/9780198849155.003.0005>
45. Tjandra J. The Fragmentation of Property Rights in the Law of Outer Space // *Air & Space Law*. 2021. Vol. 46. № 3. P. 373-394. <https://doi.org/10.54648/aila2021021>, <https://elibrary.ru/ldipn>
46. Mendelson H.H. Fragmentation of the law of the sea // *Marine Policy*. 1988. Vol. 12. № 3. P. 192-200. [https://doi.org/10.1016/0308-597X\(88\)90057-7](https://doi.org/10.1016/0308-597X(88)90057-7)

References

1. Dorskaya A.A. (2025). Crisis phenomena in the legal sphere as an interdisciplinary concept. *Rossiyskoe pravosudie = Russian Justice*, no. 5, pp. 5-15. (In Russ.) <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2025.5.5-15>, <https://elibrary.ru/nelkif>
2. Dorskaya A.A. (2024). Crisis of the international legal system of the 1920s and the Constitution of the USSR of 1924. In: *Federal Aspects of the Development of Constitutionalism (on the 100th Anniversary of the Constitution of the USSR of 1924)*. St. Petersburg, Asterion, pp. 86-94. (In Russ.) <https://elibrary.ru/irvqnv>
3. Dorskaya A.A. (2024). Crises of the international legal system: on the issue of periodization of the history of international law. *Mezhdunarodnyy nauchnyy vestnik = International Scientific Bulletin*, no. 11, pp. 113-118. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gyfmvx>
4. Dorskaya A.A., Kosovskaya V.A., Alekseeva N.I. (comp.) (2021). *Crisis Phenomena in Law: Theory, History, Ways to Overcome*. St. Petersburg, Asterion Publ., 580 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.53115/9785001881216>, <https://elibrary.ru/tpassc>
5. Dorskaya A.A., Sidorov A.V., Petrova N.D. (eds.) (2024). *Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Krizisy mezhdunarodno-pravovoi sistemy i puti ikh preodoleniya: istoriya i sovremennost'» = Collection of Scientific Articles of the International Scientific and Practical Conference: "Crises of the International Legal System and Ways to Overcome Them: History and Modernity"*. St. Petersburg, Asterion Publ., 280 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/endrpw>
6. Smorgunova V.Yu., Dorskaya A.A. eds. (2021). *Effectiveness of International Legal Regulation and Overcoming Crisis Phenomena in International Law*. St. Petersburg, Asterion Publ., 274 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.53115/9785001881148>, <https://elibrary.ru/cgaqis>
7. Tolstykh V.L. (2024). Chapter 10. Problematic (critical) analysis of international law. In: *International Legal Problems of the Modern International Economic Order*. Moscow, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, pp. 139-154. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/ahkros>
8. Tolstykh V.L. (2022). Crisis of international law: diagnosis. *Zakon = The Law*, no. 12, pp. 122-133. (In Russ.) <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-12-122-133>, <https://elibrary.ru/bhtwet>
9. Yavchunovskaya R.A. (2017). Crisis of international law in the realities of the modern world order. *Evraziyskiy Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnosheniy = Eurasian Union: Issues of International Relations*, no. 4 (22), pp. 24-30. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ykijnq>
10. Carty J.A., Tolstykh V. (2024). Reflection on the Philosophical-Historical Roots of the Crisis in Western International Law Thinking. *HSE University Journal of International Law*, vol. 2, no. 3, pp. 4-13. <https://doi.org/10.17323/jil.2024.23983>, <https://elibrary.ru/cbvtzu>
11. Matchanova Z.Sh. (2021). International humanitarian law in the late 20th – early 21st centuries in the light of the study of crises in international law. *Chernye dyry v Rossiyskom zakonodatel'stve = Black Holes in the Russian Legislation*, no. 2, pp. 36-38. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wntcbn>

12. Matchanova Z.Sh. (2020). Prospects for the development of international labor law in the context of the study of international law crises in the 21st century. *Chernye дыry v Rossiyskom zakonodatel'stve = Black Holes in the Russian Legislation*, no. 3, pp. 20-22. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qhosqq>
13. Alferova E.V. (2016). Crisis of international law: reasons and ways of exit (review). In: *Modern International Law: Domestic and Foreign Studies: Collection of Scientific Works*. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, pp. 14-29. (In Russ.) <https://elibrary.ru/znzvmnd>
14. Ignat'eva M.V. (2021). Causes of the crisis in international law: diversity of views. In: *Effectiveness of international Legal Regulation and Overcoming Crisis Phenomena in International Law*. St. Petersburg, Asterion Publ., pp. 96-100. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dyjhug>
15. Abdullin A.I. (2014). Current challenges of fragmentation of international law. *Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo v epokhu globalizatsii: Liber amicorum v chest' 60-letiya professora V.M. Shumilova = International Economic Law in the Era of Globalization: Liber Amicorum in Honor of the 60th Anniversary of Professor V.M. Shumilov*. Moscow, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 2014, vol. 54, pp. 18-22. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xdouut>
16. Abdullin A.I. (2015). Fragmentation of international law: challenges and perspectives. *Materialy XII ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora I.P. Blishchenko «Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava»: v 2 ch. = Proceedings of the XII Annual International Scientific and Practical Conference in Memory of Professor I.P. Blishchenko "Current Issues of Modern International Law": in 2 parts*. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2015, part 1, pp. 20-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wcvinn>
17. Kolodkin R.A. (2005). Fragmentation of international law. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, no. 2, pp. 38-61. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2005-2-38-61>, <https://elibrary.ru/qbqlow>
18. Reshetneva T.V., Orlov A.S. (2021). Some issues of fragmentation of international law: causes, consequences, ways of overcoming. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Bulletin of the V.N. Tatischev Volga University*, vol. 1, no. 2 (98), pp. 243-252. (In Russ.) https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_1_2_243, <https://elibrary.ru/ewootq>
19. Zaloilo M.V. (2020). Fragmentation as a modern trend of legal space development. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 1, pp. 27-49. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.27.49>, <https://elibrary.ru/ghqbqn>
20. Davletgildev R.Sh. (2013). To the question of approaches to the fragmentation of international law. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal = Russian Juridical Journal*, no. 3 (90), pp. 20-25. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qbzhu3>
21. Tyurina N.E. (2013). Fragmentation of international law in the context of the "WTO law". *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal = Russian Juridical Journal*, no. 3 (90), pp. 52-58. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/qbzhu3>
22. Koskeniemi M., Leino P. (2002). Fragmentation of International Law? Postmodern Anxieties. *Leiden Journal of International Law*, vol. 15, no. 3, pp. 553-579. <https://doi.org/10.1017/S0922156502000262>, <https://elibrary.ru/hlaxpd>
23. Jennings R.Y. (1997) The Role of the International Court of Justice. *British Yearbook of International Law*, vol. 68, no. 1, pp. 1-63. <https://doi.org/10.1093/bybil/68.1.1>
24. Dupuy P.-M., Viñuales J.E. (2014). The Challenge of "Proliferation": An Anatomy of the Debate. In: Romano C., Alte K.R., and Shany Y. (eds). *The Oxford Handbook of International Adjudication*. Oxford, pp. 135-157. <https://doi.org/10.1093/law/9780199660681.003.0007>
25. Shestakova K.D., Vissenberg A.S. (2020). Evolution of discourse on fragmentation of international law. *Mezhdunarodnoe pravo = International Law*, no. 1, pp. 29-49. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2644-5514.2020.1.29871>, <https://elibrary.ru/sarkbc>
26. Simma B. (1985). Self-contained regimes. *Netherlands Yearbook of International Law*, vol. 16, pp. 111-136. <https://doi.org/10.1017/S0167676800003482>
27. Simma B., Pulkowski D. (2006). Of Planets and the Universe: Self-Contained Regimes in International Law. *European Journal of International Law*, vol. 17, no. 3, pp. 483-529. <https://doi.org/10.1093/ejil/chl015>, <https://elibrary.ru/inwcqd>
28. Vinogradov A.A. (2010). "Forum Shopping" and European Union Law. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, no. 4 (80), pp. 141-154. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/twbmob>

29. Vede Yu.V. (2020). Forum shopping: concept, motives and ways to counteract. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, praktikuyushchikh yuristov, aspirantov i magistrantov «Aktual'nye problemy razvitiya tsivilisticheskogo protsessa» = Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference of Faculty, Practicing Lawyers, Graduate Students, and Master's Students "Current Issues in the Development of Civil Procedure"*. Rostov-on-Don, Sole Proprietor Sergey V. Bespamyatnov Publ., 2020, pp. 264-268. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/etimid>
30. Garner B.A. ed. (2015). *Black's Law Dictionary. Abridged*. Eagan (MN), Thomson Reuters West, 1385 p.
31. Mitchell R.M. (2025). The Narrative Fragmentation of International Legal History. *Journal of the History of International Law*, vol. 27 (1), pp. 57-98. <https://doi.org/10.1163/15718050-bja10121>
32. Deak F. (1962). Observations on international law in underdeveloped areas. *Proceedings of the American Society of International Law at its Annual Meeting*, vol. 56, pp. 54-63. <https://doi.org/10.1017/S027250370002855X>
33. Galushko D.V. (2024). Impact of international law fragmentation on the development of integration processes. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Studies*, vol. 11, no. 3, pp. 95-102. (In Russ.) <https://doi.org/10.17816/RJLS634737>, <https://elibrary.ru/ckeihl>
34. Hefter A.V. (1880). *European International Law*. St. Petersburg, V. Bezobrazova i K^o Printing House, 619 p. (In Russ.)
35. Alvarez A., Rowe L.S. (1909). "American International Law". *Proceedings of the American Society of International Law at its Annual Meeting*, no. 3, pp. 206-220.
36. Korovin E.A. (1954). Some basic questions of the modern theory of international law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, no. 6, pp. 34-44. (In Russ.)
37. Andenas M., Bjorge E. (2015). *A Farewell to Fragmentation: Reassertion and Convergence in International Law*. Cambridge, CUP, 603 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139979498>
38. Djajić S.V. (2019). Mehanizmi defragmentacije međunarodnog prava: sistemsko tumačenje, evolutivno tumačenje i sudski aktivizam evropskog suda za ljudska prava. *Zbornik radova Pravnog fakulteta Novi Sad*, vol. 53, no. 2, pp. 363-375. (In Serb.) <https://doi.org/10.5937/zrpfns53-23515>
39. Salvatore F.N. (2016). Disconnecting Humanitarian Law from EU Subsidiary Protection: A Hypothesis of Defragmentation of International Law. *Leiden Journal of International Law*, vol. 29, no. 2, pp. 463-483. <https://doi.org/10.1017/S0922156516000108>
40. Van Aaken A. (2009). Defragmentation of Public International Law through Interpretation: a Methodological Proposal. *Indiana Journal of Global Legal Studies*, vol. 16, no. 2, pp. 483-512. <https://doi.org/10.2979/gls.2009.16.2.483>
41. Abrusci E. (2023). *Judicial Convergence and Fragmentation in International Human Rights Law: the Regional Systems and the United Nations Human Rights Committee*. Cambridge, CUP, 273 p.
42. Fidler M. (2025). Fragmentation of International Cybercrime Law. *Utah Law Review*, no. 3, pp. 737-804.
43. Seffinga V., Eldholm M. (2019). The Fragmentation of International Space Law. *International Institute of Space Law*, vol. 62 (3), pp. 213-225. <http://doi.org/10.5553/IISL/2019062003001>
44. Young M.A. (2021). Fragmentation. *The Oxford Handbook of International Environmental Law*. 2nd ed. Oxford, OUP, pp. 85-101. <https://doi.org/10.1093/law/9780198849155.003.0005>
45. Tjandra J. (2021). The Fragmentation of Property Rights in the Law of Outer Space. *Air & Space Law*, vol. 46, no. 3, pp. 373-394. <https://doi.org/10.54648/aila2021021>, <https://elibrary.ru/ldipn>
46. Mendelson H.H. (1988). Fragmentation of the law of the sea. *Marine Policy*, vol. 12, no. 3, pp. 192-200. [https://doi.org/10.1016/0308-597X\(88\)90057-7](https://doi.org/10.1016/0308-597X(88)90057-7)

Поступила в редакцию / Received 10.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-366-377>

Шифр научной специальности 5.1.1

Историческая память о Второй мировой войне и публичная дипломатия Германии

Кузина Оксана Евгеньевна,

преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5, <https://orcid.org/0000-0002-9032-0109>, okuzina@mail.szfrgup.ru

Аннотация

Дан комплексный анализ роли исторической памяти о Второй мировой войне в публичной дипломатии Германии. Актуальность темы заключается в уникальности опыта Германии по обращению к политике памяти для реабилитации на международной арене посредством принятия ответственности за нацистские преступления. Целью исследования является выявление особенностей и механизмов, посредством которых историческая память о Второй мировой войне интегрирована в стратегию публичной дипломатии Германии, формирующей позитивный образ государства за рубежом путем защиты демократических ценностей. На основе юридических документов и современных научных публикации анализируются эволюция подходов к исторической памяти в Германии от послевоенного времени до наших дней и их связи с этапами развития ее публичной дипломатии. Сделан вывод, что историческая память о Второй мировой войне, основанная на культуре памяти и политике вины, способствовала формированию многогранного и в целом позитивного образа государства, ассоциирующегося сегодня с надежностью, качеством, культурным богатством и осознанной ответственностью за историю, в частности, благодаря деятельности посреднических институтов публичной дипломатии Германии. Проведенное исследование позволяет понять взаимосвязь исторической памяти и немецкой публичной дипломатии при построении образа государства за рубежом и выявить проблемные аспекты такого взаимодействия.

Ключевые слова

историческая память, публичная дипломатия, мягкая сила, Вторая мировая война, Германия, политика вины, культурная память, жертвенный нарратив

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

О.Е. Кузина – идея исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, анализ правоприменительной практики, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Кузина О.Е. Историческая память о Второй мировой войне и публичная дипломатия Германии // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 366-377. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-366-377>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-366-377>

OECD 5.05; ASJC 3308

Historical Memory of World War II and Germany's Public Diplomacy

Oksana E. Kuzina,

Lecturer at the Department of General Education Disciplines, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, 5 Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9032-0109>, okuzina@mail.szfrgup.ru

Abstract

A comprehensive analysis of the role of historical memory of World War II in Germany's public diplomacy is provided. The relevance of the topic lies in Germany's unique experience of turning to memory politics for international rehabilitation through taking responsibility for Nazi crimes. The aim of the study is to identify the features and mechanisms through which historical memory of World War II is integrated into Germany's public diplomacy strategy, which aims to create a positive image of the state abroad by defending democratic values. Based on legal documents and contemporary scientific publications, the evolution of approaches to historical memory in Germany from the post-war period to the present day is analyzed, as well as their connections to the stages of its public diplomacy development. It is concluded that historical memory of World War II, based on a culture of remembrance and a politics of guilt, contributed to the formation of a multifaceted and generally positive image of the state, which today is associated with reliability, quality, cultural richness, and a conscious responsibility for history, particularly through the activities of Germany's public diplomacy intermediary institutions. The study conducted allows us to understand the relationship between historical memory and German public diplomacy in building the image of the state abroad and to identify problematic aspects of this interaction.

Keywords

historical memory, public diplomacy, soft power, World War II, Germany, politics of guilt, cultural memory, sacrificial narrative

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

O.E. Kuzina – research idea, normative documents selection and analysis, scientific literature analysis, analysis of law enforcement practice, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Kuzina, O.E. (2025). Historical Memory of World War II and Germany's Public Diplomacy. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 366-377. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-366-377>

Введение. Постановка проблемы

В современных реалиях историческая память становится одним из ключевых факторов современной международной полити-

ки. Как справедливо отмечает О.Ю. Малинова, «политика работает не с прошлым (ибо это то, чего больше нет), а с социальными представлениями о прошлом» [1, с. 8]. В ус-

ловиях, когда события прошлого, особенно Второй мировой войны, становятся ареной острых политических и информационных столкновений, опыт Германии в формировании и трансляции своей исторической памяти через инструменты публичной дипломатии приобретает исключительное значение. Информационная война, связанная с интерпретацией Второй мировой войны, не ослабевает, а, наоборот, обостряется и приобретает новый размах [2, с. 20-26]. Такие явления, как «национализация жертв и героев и советизация (русификация) палачей» [3, с. 142], активно продвигаемая рядом стран, формируют деструктивное общественное мнение и используют историю как инструмент для достижения политических целей. В совокупности это обуславливает важность исследования того, как государство, чье прошлое является центральным для данной истории – Германия, выстраивает свою нарративную стратегию исторической памяти.

Особую значимость исследованию придает тот факт, что для России память о Великой Отечественной войне остается важнейшим кодом культурной памяти [4, с. 117-118], а ее деформация оказывает непосредственное влияние на восприятие морального авторитета государства [5, с. 138]. При этом согласно части 3 статьи 67 Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»¹.

Проблема исследования заключается в комплексном анализе взаимодействия между трагическим историческим наследием Германии, процессами формирования ее национальной идентичности и стратегиями немецкой публичной дипломатии. Институты публичной дипломатии Германии вынуждены балансировать между исторической ответственностью и современным привлекательным образом на международной арене, а

также реагировать на зарубежное общественное мнение, предотвращая деформацию исторической памяти. Целью исследования является выявление особенностей и механизмов, посредством которых историческая память о Второй мировой войне интегрирована в стратегию публичной дипломатии Германии, формирующей позитивный образ государства на основе защиты ценностей демократических прав и свобод человека. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) проанализировать основы и ключевые нарративы исторической памяти Германии в послевоенный период;
- 2) исследовать инструменты и институты публичной дипломатии Германии, через которые осуществляется работа с исторической памятью;
- 3) оценить влияние исторической памяти на публичную дипломатию современной Германии;
- 4) определить проблемные аспекты в формировании позитивного образа государства за рубежом, обусловленные исторической памятью Германии.

Исследование принятия сложного исторического наследия и применения в этой связи инструментов публичной дипломатии Германии в условиях политических вызовов и информационных войн позволяет определить ее роль в предотвращении повторения ошибок прошлого и защите демократических правовых ценностей.

Методы

Для комплексного исследования темы был применен междисциплинарный подход, сочетающий методы из истории, политологии и права. На основе принципа историзма удалось проследить эволюцию подходов к исторической памяти в Германии от послевоенного времени до наших дней и их связи с этапами развития ее публичной дипломатии. Благодаря анализу нормативно-правовых актов (концепции внешней культурно-образовательной политики Германии), речей политиков и научной литературы, в частности, опубликованной на английском и немецком языке, были выявлены цели и особенности публичной дипломатии Германии, ее основные институты. Институциональный анализ позволил исследовать роль и

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 10.04.2025).

взаимодействие ключевых акторов немецкой публичной дипломатии при работе с исторической памятью о Второй мировой войне.

Результаты исследования/обсуждение

Историческая память – это система устойчивых коллективных представлений, символов и ценностных интерпретаций прошлого, формируемых обществом и передаваемых из поколения в поколение. Историческая память служит основой для конструирования коллективной идентичности, легитимации социального порядка и осмысления настоящего через исторический опыт. Представления о прошлом могут трансформироваться как из-за внутренних причин (например, из-за социально-политических изменений или формирования новых ментальных установок в обществе), так и из-за внешних. При этом в условиях глобализации последние способны не только установить диалог через границы и сформировать общие этические ориентиры по урокам истории, но и сталкивать универсальные ценности и национальные мифы, травмы и идентичности.

При взаимодействии исторической памяти и внешней политики прошлое может быть как ресурсом, так и ограничителем в международных отношениях. К.А. Пахалюк, исследуя мягкую силу и политику памяти России, выделил следующие цели обращения к прошлому государств в своей внешней политике: легитимация международных интеграционных проектов, экономические императивы, обоснование территориальных претензий или существующих границ, поддержка или дезавуирование существующих международных институтов, развитие гуманитарного сотрудничества, эстетическая функция [5, с. 136]. Однако для Германии обращение к политике памяти носит иную цель – реабилитация на международной арене посредством преодоления мрачного прошлого и избавления от образа агрессора. В отличие от большинства государств, использующих «славные» страницы истории для достижения внешнеполитических целей, прошлое Федеративной Республики Германия – это бремя, требующее критической рефлексии, покаяния и практических шагов.

Разделение Германии и ограничение в военных ресурсах по итогам Второй мировой войны способствовали поиску новых инструментов для восстановления государственного положения на международной арене. Объединенная экономически процветающая ФРГ стремилась занять лидирующие позиции в Европе, но не могла вызвать сомнения других государств относительно доминирования и гегемонии. Более того, в современных условиях только экономических ресурсов стало недостаточно для признания государства влиятельным игроком в международных отношениях. В связи с этим внешнеполитическая деятельность Германии стала опираться на концепцию «мягкая сила» [6, р. 6-7].

Выделению мягкой силы в качестве отдельного типа власти способствовали социально-экономические тенденции в современной информационной эпохе, прежде всего, речь идет о преимущественно демократическом развитии государств. В соответствии с неolibеральной парадигмой считается, что демократические государства менее склонны к использованию насилия. Кроме того, при помощи множественных каналов коммуникаций они воплощают близкие к преобладающим глобальным нормам ценности (либерализм, плюрализм, автономия), а также активно формируют международную повестку дня. В совокупности это способствует восхищению и подражанию со стороны других государств, что обеспечивает актуальность и важность использования мягкого внешнеполитического влияния для решения государственных задач [7, с. 62-64; 8, с. 34].

Согласно автору концепции – Дж. Наю, «мягкая сила» – это способность получить то, что вы хотите получить, через привлечение, а не через подавление или некие «проплаты» [7, с. 18]. Такое привлечение основывается на культуре, политических идеалах и внешней политике государства. В результате, при помощи определенных ресурсов привлекательная власть убеждает, уговаривает и, в конце концов, влияет на граждан других государств, что позволяет достичь взаимопонимания и сотрудничества в межгосударственных отношениях, сокращая использование затратных методов жесткой силы [7, с. 31-32]. При этом в качестве госу-

дарственной политики, теоретической основой которой является концепция мягкой силы, Дж. Най рассматривает публичную дипломатию [8, с. 34; 9, с. 178-192].

Ни мягкая сила, ни публичная дипломатия не закреплены в официальных документах ФРГ. Даже политические деятели Германии аккуратно используют данные понятия. Основанием такого осторожного использования терминов является ряд исследований, рассматривающих их в качестве инструмента манипулирования, что недопустимо для внешнеполитической деятельности современной Германии по историческим причинам. Тем не менее, 14 ноября 2004 г. Федеральный министр иностранных дел Й. Фишер при вручении медали Льва Бэка профессору Ф. Стерну в Нью-Йорке указал на получение второго шанса ФРГ в использовании огромного потенциала мягкой силы после ее ошибок в XX веке².

Многолетний опыт Германии позволяет определить ее публичную дипломатию как «широкую деятельность правительственных и посреднических общественных организаций по взаимодействию с зарубежной общественностью для установления взаимопонимания между народами и продвижения привлекательного образа Германии как современного демократического, инновационного и культурного государства европейской цивилизации с высоким уровнем жизни и гражданской активностью» [10, с. 98]. Ее основные инструменты направлены на распространение немецкого языка и культуры, развитие научных и экономических связей, улучшение международной привлекательности образовательных учреждений, а также на преодоление стереотипного образа. Говоря об ассоциативных образах Германии, как правило, прежде всего указываются высокое качество немецкой продукции, наследие культуры (сказки братьев Гримм, замок Нойшванштейн, праздник Октоберфест и др.), а также деспотия и террор деятелей

нацизма, что вызывает особую обеспокоенность среди политического и академического сообщества ФРГ [11]. При этом процесс формирования исторической памяти немцев о Второй мировой войне происходит на протяжении всей истории существования Германии. Рассмотрим основные этапы ее становления в Германской Демократической Республике (Восточная Германия), Федеративной Республике Германии (Западная Германия) и современной Германии, а также деятельность основных институтов публичной дипломатии того времени по преодолению нацистского прошлого.

В послевоенный период историческая память о Второй мировой войне в западно-германском обществе формировалась поэтапно. В период денацификации (1945–1949 гг.) немцы воспринимали себя жертвами стран-победителей. Принудительные меры Контрольного совета по ознакомлению с преступлениями Третьего рейха и правосудие победителей вызывали сопротивление в обществе. Период ренацификационных процессов (1940–1950 гг.) характеризуется тенденцией к вытеснению болезненного прошлого, сосредоточением на экономическом восстановлении (в частности, привлечение бывших нацистов в государственные структуры) и антикоммунистической консолидации (в частности, в 1956 г. была введена воинская повинность). Следует отметить также создание Союза изгнанных, пропагандирующего реваншистские идеи. Под влиянием нового поколения и интеллектуальной элиты начался переходный этап критического переосмысления истории (1960–1970 гг.). Студенческие протесты и деятельность внепарламентской оппозиции (в частности, Фракции Красной Армии) выступали против милитаризации общества, Франкфуртский процесс над охранниками Освенцима привлек внимание к масштабу Холокоста, были созданы мемориалы в местах бывших концлагерей (например, в Дахау, в Берген-Безель), создана система институтов, защищающих историческую память, наконец, восточная политика канцлера В. Брандта заложила основы современной культуры памяти и публичной дипломатии Германии, основанной на признании вины. Последний этап политики вины (1985–1990 гг.) начался

² Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Joschka Fischer, zur Verleihung der Leo-Baeck-Medaille an Professor Fritz Stern am 14. November 2004 in New York: Bulletin 101-3. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-des-bundesministers-des-auswaertigen-joschka-fischer--792306> (accessed: 10.04.2025).

с речи Президента Рихарда фон Вайцзеккера 8 мая 1985 г., назвавшего день капитуляции днем освобождения от нацистской тирании и возложившего ответственность за преступления Второй мировой войны на нацистский режим. В указанный период происходили выплаты жертвам Третьего рейха, либерализация миграционной политики, поддержка стран Восточной Европы. Таким образом, государство взяло на себя активную роль в правовом противодействии ревизионизму, отрицанию Холокоста и попыткам возрождения милитаристских настроений при активной поддержке гражданского общества [4, с. 116; 12, с. 90-100; 13, с. 37-42].

Основной проблемой для внешней политики Западной Германии являлась ассоциация с мрачным нацистским прошлым. При этом в данный период времени появляется понимание, что международные отношения Германии – это три столпа: классическая дипломатия, внешнеэкономическая политика и внешняя культурная политика. Для преодоления стереотипов и предрассудков была выбрана сдержанная культурная политика, включающая деятельность посреднических неправительственных организаций (Институт Гете, Германская служба академических обменов – DAAD, Фонд имени Александра фон Гумбольдта, Институт внешних культурных связей – Institut für Auslandsbeziehungen, ifa), финансирование которых происходило преимущественно за счет средств Федерального министерства иностранных дел ФРГ, а также взаимоперес с целевыми аудиториями (культура сдержанности). Так, изначально ФРГ взаимодействовала с европейскими государствами и государствами-членами Организации Североатлантического договора (НАТО) посредством информационных средств (радио и телевидение). В период разрядки стали активно применяться программы в области культуры и образования в развивающихся странах. В период деятельности канцлера Г. Коля (1982–1998 гг.) упор публичной дипломатии Западной Германии, а затем и объединенной Германии был сделан на внешнеэкономические инициативы в странах Центральной и Восточной Европы, Содружества Независимых Государств. Примечательно, что изначально деятельность

посреднических организаций публичной дипломатии ФРГ была направлена на демонстрацию элитарной культуры («страна поэтов и мыслителей»: И. Гете, Ф. Шиллер, Г. Гейне, И. Кант, Г. Гегель и др.), так как предполагалось, что таким образом произойдет убеждение международного сообщества в том, что Германия, несмотря на свое прошлое, является цивилизованным государством, которого не стоит опасаться. В период восточной политики В. Брандта западногерманская публичная дипломатия была дополнена также стратегией внедрения культурного обмена для построения взаимопонимания и уменьшения вероятности военной конфронтации [6; 14, р. 21-23; 15, р. 311]. Таким образом, инструменты публичной дипломатии ФРГ использовались для достижения ключевых внешнеполитических целей послевоенного периода: политической реабилитации государства и обеспечения международной безопасности.

Осмысление нацистского прошлого в Восточной Германии отличалось от аналогичного процесса в Западной Германии. Под руководством Социалистической единой партии Германии произошла подмена понятий, в результате которой нацизм имел капиталистическую природу, что подразумевало вину эксплуатирующего правящего класса Западной Германии и невиновность восточных немцев. Таким образом, ГДР строилась на идеях антифашизма и освобождения и причисляла себя к победителям, при этом прошлое не было подвергнуто критическому осмыслению в сознании восточных немцев. М. Уль назвал такое поверхностное преодоление нацистского прошлого «антифашизмом по приказу» и привел статистические данные, согласно которым в конце 1980-х гг. в ГДР было зафиксировано более 800 неонацистов [13, с. 37].

Для публичной дипломатии Восточной Германии характерна централизация. Такая внешнеполитическая деятельность ГДР была обусловлена, прежде всего, влиянием Союза Советских Социалистических Республик, а также отсутствием признания ее суверенитета многими государствами, не входившими в Организацию Варшавского договора. Однако, обретя признание большинства государств к первой половине

1970-х гг., ГДР продолжила проводить публичную дипломатию, направленную на тесное сотрудничество с СССР и бывшими государствами Восточного блока посредством организации образовательных и научных обменов. Что касается западных государств, то они не представляли интереса для инициирования программ публичной дипломатии Восточной Германии из-за другого политического строя. Тем не менее, в отношении них провозглашалась идея мирного сосуществования, а также твердо защищался позитивный образ государства [14, р. 23; 16, с. 653-654]. При этом вся деятельность институтов публичной дипломатии ГДР, связанная с исторической памятью о Второй мировой войне, сводилась к созданию общих мест памяти – братские воинские захоронения, мемориалы, памятники жертвам нацизма (в частности, Трептов-парк в Берлине, мемориальный комплекс Бухенвальд, Советское гарнизонное кладбище в Дрездене и др.).

Историческая память объединенной Германии о Второй мировой войне продолжила модель Западной Германии. Основными стали нарративы о коллективной ответственности, вине за Холокост и другие преступления нацизма, а также культура памяти о жертвах Третьего рейха. Концепция преодоления прошлого была дополнена также осмыслением диктатуры Социалистической единой партии Германии в ГДР наряду с периодом национал-социализма. Императив «Никогда снова!» как обязательство предотвратить подобные преступления, защищая права человека и демократию, обуславливает постоянное критическое переосмысление прошлого, его причин и последствий. При этом продолжают уголовные преследования нацистских преступников и компенсации жертвам (деятельность Фонда Память, ответственность и будущее), оказывается финансовая поддержка мемориалов, а концлагеря и места массовых расстрелов стали образовательно-просветительскими центрами поминовения [13, с. 38-39].

Однако в XXI веке начала происходить переориентация памяти, стал формироваться также «жертвенный нарратив», охватывающий страдания немецкого населения от бомбардировок, изгнания с восточных террито-

рий и насилия со стороны войск союзников [17; 18, с. 117-119]. Более того, М.В. Новикова указывает, что в 2000-е гг. доминирующей темой в культуре Германии стало травматическое прошлое немецкого общества во Второй мировой войне [19].

Что касается публичной дипломатии, то от централизованного подхода ГДР объединенная Германия отказалась. Помимо недостатков жесткого контроля и узкого представительства институтов публичной дипломатии возможной причиной также можно назвать ассоциацию публичной дипломатии социалистического блока с пропагандой, так как при создании термина «публичная дипломатия» Э. Галлион ориентировался на потребность противопоставления деятельности Информационного агентства США советской пропаганде [20]. Как видим, снова по историческим причинам для Германии было недопустимо ощущение навязывания и пропаганды у других государств. Соответственно, современная ФРГ стала преемницей модели публичной дипломатии Западной Германии.

Согласно концепциям внешней культурно-образовательной политики Германии («Внешняя культурная политика – концепция 2000» и «Внешняя культурно-образовательная политика в эпоху глобализации: Приобретать партнеров, передавать ценности, представлять интересы» (2011 г.)), одной из целей современной внешней культурно-образовательной политики является формирование многостороннего объективного образа Германии [21, р. 23]. В данной связи значимым аспектом является направленность на выстраивание общей исторической памяти с государствами, ставшими основными жертвами нацистской агрессии во Второй мировой войне. Институт имени Гете, способствуя популяризации немецкого языка, культуры и образования, организует международную платформу для диалога и транслирует ключевые нарративы исторической памяти Германии. В частности, Институт имени Гете содействовал переводу книги израильского психолога и исследователя коллективной памяти о нацизме и последствий Холокоста Д. Бар-Она «Унаследованное молчание: беседы с детьми Третьего рейха» [22], согласно которой именно разговоры

(“telling stories”) ведут к новым пониманиям в истории, сохраняя прошлое, избегая его забвения, вытеснения или мифологизации. Германская служба академических обменов предоставляет стипендии для исследователей исторической памяти, в частности, была инициирована стипендия для зарубежных исследователей истории, культуры и языка немецких меньшинств в странах Центральной Восточной Европы и Содружества Независимых Государств. Общественно-политические фонды ФРГ в соответствии со своей политической ориентацией включают историческую тематику в свои международные проекты, семинары и публикации, демонстрируя, как Германия извлекает уроки из истории для построения демократического общества.

Таким образом, следует выделить ключевые особенности влияния исторической памяти на публичную дипломатию Германии.

Во-первых, мрачное прошлое обусловило необходимость переосмысления роли Германии в мире, что повлияло на ее внешнеполитические инструменты. Отныне немецкая внешняя политика стала сдержанной, был принят сознательный отказ от демонстрации жесткой силы, гегемонистских амбиций и односторонних действий в пользу многосторонности (в частности, европейской интеграции) и диалога культур. Такая спокойная и терпеливая модель поведения как ответ на историческую травму способствовала восстановлению и укреплению международного доверия.

Во-вторых, историческая рефлексия о травматическом опыте XX века обуславливает исключение во внешней политике ФРГ выполнения цивилизационной миссии по провозглашению универсальных ценностей. Напротив, Германия связывает свою национальную идентичность с памятью о собственных преступлениях и доказывает, что готова нести ответственность за них, являясь ярким приверженцем демократических ценностей и мира [23]. Такой отказ от эстетизации героического прошлого проявляется и в деятельности институтов публичной дипломатии Германии, направленной как на сохранение памяти о жертвах с целью предотвращения повторения трагедии, так и на за-

щиту демократических ценностей [24, с. 75-76].

В-третьих, по историческим причинам публичная дипломатия Германии основана на диалоге культур. Диалог культур подразумевает равноправный и двусторонний обмен в культурной и образовательной политике со страной пребывания. Многочисленные точки соприкосновения посредством неправительственных культурных и образовательных проектов за рубежом, а также подобные представительства государств-партнеров на территории Германии формируют взаимопонимание и доверие, что является фундаментом для развития устойчивых и мирных межгосударственных отношений в долгосрочной перспективе.

Тем не менее, историческая память Германии вызывает ряд сложностей при формировании позитивного образа государства за рубежом. Несмотря на указание основателя концепции «мягкая сила» Дж. Ная на значение покаяния Германии для утверждения позитивного международного имиджа [7, с. 125], а также идеи экспертов о преодолении негативных ассоциаций и формировании нового «технократического» образа государства [25, S. 169-172] или о необходимости сочетания жестких и мягких силовых подходов во внешней политике ФРГ [26, р. 7], следует отметить, что исследования зарубежных публикаций СМИ на тему чемпионата мира по футболу 2006 г. в Германии выявили, что такие локации, как Бавария и Нюрнберг вызывали у зарубежной общественности ассоциативный ряд, связанный с Третьим рейхом [27, с. 79-81], что в очередной раз доказывает: преодоление мрачного исторического прошлого является сложным и долгим процессом.

Кроме того, Германия, как «нация в постоянном становлении» [28, р. 70], решает проблему национальной идентичности. При этом историческая память, являясь живым процессом, затрудняет это решение. В результате, такая неоднозначность самоидентификации также осложняет разработку привлекательного внешнего имиджа государства и ставит под угрозу сформировавшийся послевоенный миропорядок. Попытки пересмотра исторической памяти о Второй мировой войне, а также тенденция установле-

ния «жертвенного нарратива» негативно влияют на отношения с государствами, являющимися основными объектами нацистской политики уничтожения и порабощения.

Заключение

Формирование современного позитивного образа Германии за рубежом стало результатом длительной неоднородной многопоколенческой работы, требовавшей честного и болезненного восприятия самого темного периода своей истории на всех уровнях – от политических решений и финансовых вложений до практических шагов и глубокого осознания. Первоначальное внешнее принуждение сменило активное критическое усвоение трагического прошлого и его институционализацию. Государство сыграло ключевую роль в работе над историческими ошибками и финансировании, однако, значимыми агентами стали негосударственные акторы – культура, наука, спорт, бизнес и гражданское общество, в частности, посреднические институты публичной дипломатии Германии. В совокупности, их деятельность,

подкрепленная стабильностью и успехами политической и экономической систем, способствовала формированию многогранного и в целом позитивного образа современной Германии, ассоциирующейся сегодня с надежностью, качеством, культурным богатством и осознанной ответственностью за историю. Через конфликты и сопротивление была сформирована культура памяти и политика вины, которые стали неотъемлемой частью немецкой государственности.

Необходимо дальнейшее исследование развития исторической памяти немцев и ее влияния на зарубежное позиционирование современной Германии в целях анализа устойчивости и уязвимостей сформированной идентичности перед новыми вызовами геополитических реалий, роста правого популизма, исторического ревизионизма и скептицизма молодого поколения («усталость от вины»). Особую важность это представляет для Российской Федерации, победа в Великой Отечественной войне для которой стала ключевым кодом культурной памяти.

Список источников

1. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4 (87). С. 6-22. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22>, <https://elibrary.ru/xtxfpf>
2. Вилков А.А. Информационные сражения на полях исторической памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20. № 2. С. 19-26. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2020-2-19-26>, <https://elibrary.ru/sfnzkt>
3. Мухаджеев С.Х.Х. Народная дипломатия в пространстве памяти о Второй мировой войне // Путь к Великой Победе: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Майкоп, 2020. С. 140-143. <https://elibrary.ru/nafbco>
4. Поршинева О.С. Феномен исторической памяти о войне // Уральский вестник международных исследований. 2005. № 4. С. 112-119.
5. Пахалюк К.А. «Мягкая сила» и политика памяти в контексте внешней политики современной России: точки пересечения // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2018. № 34. С. 134-141. <https://elibrary.ru/vmkeyd>
6. Pamment J. Time, Space & German Soft Power: Toward a Spatio-Temporal Turn in Diplomatic Studies? // Perspectives. 2013. Vol. 21. № 2. P. 5-25.
7. Най Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / пер. с англ. В.И. Супруна. Новосибирск; Москва: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. 221 с. <https://elibrary.ru/uljjzf>
8. Кузина О.Е. Влияние неолиберального подхода к понятию «сила» на неореалистическую и конструктивистскую теории международных отношений // Вестник факультета социальных цифровых технологий: XXIII Международный Балтийский коммуникационный форум. Санкт-Петербург, 2021. С. 32-37. <https://elibrary.ru/uvkgxw>
9. Най Дж.С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век / пер. с англ. В.Н. Верченко. Москва: АСТ, 2014. 444 с.
10. Кузина О.Е. Дискурс публичной дипломатии Германии (2014–2019 гг.) // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 5. С. 96-98. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.17>, <https://elibrary.ru/zjadvn>

11. Zöllner O. Germany's public diplomacy: Translating domestic discourses of modernity and culture, past and present // Routledge Handbook of Public Diplomacy / Nancy Snow & Nicholas J. Cull. London; New York: Routledge, 2020. URL: <http://dx.doi.org/10.4324/9780429465543.ch25>
12. Колесов Д.И., Маслова И.И., Сухова О.А., Шимаская О.К. Историческая память о Второй мировой войне в Германии: этапы формирования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 1 (45). С. 89-104. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2018-1-9>, <https://elibrary.ru/xwoxzb>
13. Уль М. 8 мая в немецкой культуре памяти // Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Великий Новгород, 2020. С. 30-46.
14. Auer A., Srugies A. Public Diplomacy in Germany. Los Angeles: CPD Perspectives on Public Diplomacy Series, Figueroa Press, 2013. 55 p.
15. Hülsse R. The Catwalk Power: Germany's new foreign image policy // Journal of International Relations and Development. 2009. Vol. 12. P. 293-316. <https://doi.org/10.1057/jird.2009.32>
16. Wood S. Das Deutschlandbild: National Image, Reputation and Interests in Post-War Germany // Contemporary European History. 2018. Vol. 27. № 4. P. 651-673. <https://doi.org/10.1017/S0960777318000188>
17. Новикова М.В. Проблема исторической памяти в Германии в годы канцлерства Герхарда Шредера // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 127-137. <https://doi.org/10.31857/S013038640010329-9>, <https://elibrary.ru/qcydzi>
18. Доценко П.А. Преодоление прошлого и «политика вины» в Германии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 4 (34). С. 113-121. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran42023113121>, <https://elibrary.ru/iersoy>
19. Новикова М.В. Проблема национальной травмы в коллективной памяти немцев объединенной Германии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 2. С. 117-126. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-2-117-126>, <https://elibrary.ru/trhkog>
20. Cull N.J. Public Diplomacy before Gullion: The Evolution of a Phrase // Routledge Handbook of Public Diplomacy. New York: Routledge, 2009. P. 19-23. <https://doi.org/10.4324/9780203891520-10>
21. Anheier H.K., Knudsen E.L., List R.A. Soft Power and the New Geopolitics: Germany in Comparative Perspective. The External Cultural Policy Monitor. Stuttgart: Institut für Auslandsbeziehungen, 2023. 85 p. <https://doi.org/10.17901/974>
22. Bar-On D. Legacy of silence: Encounters with children of the Third Reich. London: Harvard University Press, 1989. 338 p.
23. Bettine M., Özdemir M. Germany between Leitkultur and soft power: the first world cup in the Middle East and migratory conflicts // Sociology International Journal. 2024. № 8 (1). P. 1-6. <https://doi.org/10.15406/sij.2024.08.00369>, <https://elibrary.ru/gpiqhl>
24. Пименова Е.В. Страна, которая отказалась от своего прошлого. Древность, средневековье и новое время в современном политическом дискурсе ФРГ // Свободная мысль. 2020. № 1 (1679). С. 63-78. <https://elibrary.ru/ezvgtg>
25. Karten B.I. Staatliche Imagearbeit: Die Public Diplomacy des Auswärtigen Amtes. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2008. 273 S. https://doi.org/10.1007/978-3-531-90954-7_7
26. Anheier H.K., Abels C.M., Yang Y., Knudsen E. Deutschlands Soft Power 2030: Szenarien für eine Welt im Umbruch – Zusammenfassung. The External Cultural Policy Monitor. Stuttgart: Institut für Auslandsbeziehungen, 2022. 10 p. <https://doi.org/10.17901/ecp.2022.078>
27. Бадалова Е.В., Дмитриева С.И. Публичная дипломатия ФРГ // Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений: сб. ст. Вып. 6. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2015. С. 76-87. <https://elibrary.ru/vhcwxt>
28. Ash T.G. Germany's Choice // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73. № 4. P. 65-81. <https://elibrary.ru/bvlbel>

References

1. Malinova O.Yu. (2017). Commemoration of historical events as an instrument of symbolic politics: opportunities for comparative analysis. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki) = The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, no. 4 (87), pp. 6-22. (In Russ.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22>, <https://elibrary.ru/xtxfpf>

2. Vilkov A.A. (2020). Information battles on the ground of historical memory of the World War II and the Great Patriotic War. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, vol. 20, no. 2, pp. 19-26. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2020-2-19-26>, <https://elibrary.ru/sfnzkt>
3. Muskhadzhiyev S.Kh.Kh. (2020). People's diplomacy in the space of memory of the Second World War. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine «Put' k Velikoi Pobede: istoriya i sovremennost'» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War "The Path to Great Victory: History and Modernity"*. Maikop, pp. 140-143. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nafbc0>
4. Porshneva O.S. (2005). The phenomenon of historical memory of the war. *Ural'skii vestnik mezhdunarodnykh issledovaniy = Ural Survey of International Affairs*, no. 4, pp. 112-119. (In Russ.)
5. Pakhalyuk K.A. (2018). "Soft Power" and memory politics in the context of modern Russia's foreign policy: points of intersection. *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniy = Diary of the Altai School of Political Studies*, no. 34, pp. 134-141. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vmkeyd>
6. Pamment J. (2013). Time, Space & German Soft Power: Toward a Spatio-Temporal Turn in Diplomatic Studies? *Perspectives*, vol. 21, no. 2, pp. 5-25.
7. Nye J.S. (2006). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Novosibirsk, Moscow, "Trends" Foundation for Socio-Prognostic Research, 221 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uljjzf>
8. Kuzina O.E. (2021). The influence of the neoliberal approach to the concept of "power" on the neorealist and constructivist theories of international relations. *Vestnik fakul'teta sotsial'nykh tsifrovyykh tekhnologii: XXIII Mezhdunarodnyi Baltiiskii kommunikatsionnyi forum = Journal of the Faculty of Social Digital Technologies: XXIII International Baltic Communication Forum*. St. Petersburg, pp. 32-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uvkgxw>
9. Nye J.S. (2014). *The Future of Power*. Moscow, AST Publ., 444 p.
10. Kuzina O.E. (2020). The German public diplomacy discourse (2014–2019). *Manuskript = Manuscript*, vol. 13, no. 5, pp. 96-98. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/manuskript.2020.5.17>, <https://elibrary.ru/zjadvn>
11. Zöllner O. (2020). Germany's public diplomacy: Translating domestic discourses of modernity and culture, past and present. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. London, New York, Routledge. <http://dx.doi.org/10.4324/9780429465543.ch25>
12. Kolesov D.I., Maslova I.I., Sukhova O.A., Shimaskaya O.K. (2018). Historical memory of the Second World War in Germany: stages of formation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki = University Proceedings. Volga Region. Humanities*, no. 1 (45), pp. 89-104. (In Russ.) <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2018-1-9>, <https://elibrary.ru/xwoxzb>
13. Uhl M. (2020). May 8th in German Memory Culture. *We Will Not Forget, But Will We Forgive? The Image of War in Culture and Historical Memory: Report of the Valdai International Discussion Club*. Veliky Novgorod, pp. 30-46.
14. Auer A., Srugies A. (2013). *Public Diplomacy in Germany*. Los Angeles, CPD Perspectives on Public Diplomacy Series, Figueroa Press, 55 p.
15. Hülse R. (2009). The Catwalk Power: Germany's new foreign image policy. *Journal of International Relations and Development*, vol. 12, pp. 293-316. <https://doi.org/10.1057/jird.2009.32>
16. Wood S. (2018). Das Deutschlandbild: National Image, Reputation and Interests in Post-War Germany. *Contemporary European History*, vol. 27, no. 4, pp. 651-673. <https://doi.org/10.1017/S0960777318000188>
17. Novikova M.V. (2020). The problem of historical memory in Germany during the chancellorship of Gerhard Schröder. *Novaya i noveishaya istoriya = Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 127-137. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013038640010329-9>, <https://elibrary.ru/qcydzi>
18. Dotsenko P.A. (2023). Overcoming the past and the "politics of guilt" in Germany. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN = Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, no. 4 (34), pp. 113-121. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/vestnikieran42023113121>, <https://elibrary.ru/iersoy>
19. Novikova M.V. (2021). The problem of national trauma in the collective memory of Germans in the united Germany. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*, no. 2, pp. 117-126. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-2-117-126>, <https://elibrary.ru/trhkog>
20. Cull N.J. (2009). Public Diplomacy before Gullion: The Evolution of a Phrase. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. New York, Routledge, pp. 19-23. <https://doi.org/10.4324/9780203891520-10>

21. Anheier H.K., Knudsen E.L., List R.A. (2023). *Soft Power and the New Geopolitics: Germany in Comparative Perspective. The External Cultural Policy Monitor*. Stuttgart, Institut für Auslandsbeziehungen Publ., 85 p. <https://doi.org/10.17901/974>
22. Bar-On D. (1989). *Legacy of silence: Encounters with children of the Third Reich*. London, Harvard University Press, 338 p.
23. Bettine M., Özdemir M. (2024). Germany between Leitkultur and soft power: the first world cup in the Middle East and migratory conflicts. *Sociology International Journal*, no. 8 (1), pp. 1-6. <https://doi.org/10.15406/sij.2024.08.00369>, <https://elibrary.ru/gpiqhl>
24. Pimenova E.V. (2020). The country that renounced its past. Antiquity, the Middle Ages, and Modern Times in Contemporary Political Discourse in the Federal Republic of Germany. *Svobodnaya mysl' = Free Thought*, no. 1 (1679), pp. 63-78. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ezvgtg>
25. Karten B.I. (2008). *Staatliche Imagearbeit: Die Public Diplomacy des Auswärtigen Amtes*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 273 S. (In Ger.) https://doi.org/10.1007/978-3-531-90954-7_7
26. Anheier H.K., Abels C.M., Yang Y., Knudsen E. (2022). *Deutschlands Soft Power 2030: Szenarien für eine Welt im Umbruch – Zusammenfassung. The External Cultural Policy Monitor*. Stuttgart, Institut für Auslandsbeziehungen, 10 p. <https://doi.org/10.17901/ecp.2022.078>
27. Badalova E.V., Dmitrieva S.I. (2015). Public Diplomacy of the Federal Republic of Germany. *Germaniya na perekrestkakh istorii. Problemy vnutrennei i vneshnei politiki v kontekste transformatsii mezhdunarodnykh otnoshenii = Germany at the Crossroads of History. Problems of Domestic and Foreign Policy in the Context of Transformations in International Relations*. Voronezh, Voronezh State University Publ., issue 6, pp. 76-87. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vhewxt>
28. Ash T.G. (1994). Germany's Choice. *Foreign Affairs*, vol. 73, no. 4, pp. 65-81. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bvlbel>

Поступила в редакцию / Received 16.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-378-387>

Шифр научной специальности 5.1.1

Эффективность финансирования правовой науки в раннесоветский период

Белова Ирина Александровна,

преподаватель кафедры общетеоретических дисциплин, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5, <https://doi.org/0000-0002-9122-6640>, belov2@tut.by

Аннотация

Проанализирована трансформация академической науки и высшего образования в период политических и социально-экономических перемен, вызванных революциями 1917 года. Исследуется комплекс проблем, с которыми столкнулось академическое сообщество в указанный период. Особое внимание уделено роли государства в реорганизации научной и образовательной сфер, а именно в создании специализированных комиссий и разработке планов по развитию науки и образования в новых политических реалиях. Отмечены радикальные преобразования системы юридического образования в период становления советской власти, а именно: принятие новых нормативно-правовых актов, регламентирующих прием в высшие учебные заведения, упразднение ученых степеней и званий, а также ликвидация юридических факультетов в университетах. Особое внимание уделено идеологическим аспектам образовательной политики, а также классовому подходу при отборе студентов в вузы и формированию новой советской интеллигенции. Целью исследования является анализ финансового обеспечения науки и высшего образования, а также выявление основных этапов, тенденций и особенностей развития системы юридического образования в раннесоветский период. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить основные направления реорганизации науки и правового образования в период 1917–1930-х гг.; выявить и проанализировать нормативные правовые акты, регламентирующие научные исследования и прием в высшие учебные заведения; оценить последствия преобразований науки и правового образования; проанализировать идеологические аспекты образовательной политики: влияние классового подхода, формирование новой советской интеллигенции, роль марксистско-ленинской идеологии. Использованы методы анализа, историко-сравнительный, логический, исторический. Сделан вывод о том, что политическая и экономическая нестабильность в стране в период после Февральской революции крайне негативно сказывались на развитии науки и ее финансировании, даже при условии того, что Временное правительство довольно позитивно встретило новую власть, а научное сообщество получило автономию, приступив к реорганизации системы образования в области финансирования и модернизации образования, что не сказать об отношении научного сообщества к Октябрьской революции. Разногласия с новой властью поставили Академию перед выбором: финансовая изоляция или подчинение научной деятельности политическим целям. Академия наук выразила готовность к сотрудничеству с новой властью, в результате чего начался процесс реорганизации науки с целью ее переориентации на практические нужды и подчинение централизованному управлению. Академия стала госучреждением, ориентированным на практические задачи. Создавались новые институты и готовились кадры, отвечающие потребностям государства. Несмотря на идеологический контроль, репрессии, а так-

же приоритетное финансирование отдельных направлений, произошел значительный рост в фундаментальных и прикладных научных исследованиях.

Ключевые слова

финансирование науки, правовая наука, наука в раннесоветский период, управление наукой, исследование науки, эффективность

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

И.А. Белова – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, анализ правоприменительной практики, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Белова И.А. Эффективность финансирования правовой науки в раннесоветский период // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 378-387. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-378-387>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-378-387>

OECD 5.05; ASJC 3308

The effectiveness of funding legal science in the early Soviet period

Irina A. Belova,

Lecturer, General Theoretical Disciplines Department, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, 5 Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation, belov2@tut.by

Abstract

The transformation of academic science and higher education during the political and socio-economic changes caused by the revolutions of 1917 is analyzed. The wide range of problems faced by the academic community during the specified period is being researched. Special attention is given to the role of the state in the reorganization of the scientific and educational spheres, specifically in the creation of specialized commissions and plans for the development of science and education in the new political realities. Radical transformations in the legal education system during the establishment of Soviet power are noted, specifically: the adoption of new normative legal acts regulating admission to higher educational institutions, the abolition of academic degrees and titles, and the liquidation of law faculties in universities. Special attention is given to the ideological aspects of educational policy, as well as the class-based approach to selecting students for universities and the emergence of a new Soviet intelligentsia. The aim of the study is to analyze the financial support for science and higher education, as well as to identify the main stages, trends, and features of the development of the legal education system in the early Soviet period. To achieve the stated goal, it is necessary to solve the following tasks: to define the main directions of the reorganization of science and legal education in 1917–1930; to identify and analyze the normative legal acts regulating scientific research and admission to higher educational institutions; to assess the consequences of the transformations in science and legal education; to analyze the ideological aspects of educational policy: the influence of the class approach, the emergence of a new Soviet intelligentsia, and the role of Marxist-Leninist ideology. Analysis methods, historical-comparative, logical, and historical, were used. It is concluded that political and economic instability in the country in the period after the February Revolution had a highly negative impact on the development of science and its funding, although the Provisional Government welcomed the new authorities quite positively, and the scientific community gained autonomy, initiating the reorganization of the education system in terms of funding and modernization, which cannot be said about the scientific community's attitude toward the October Revolution. Disagreements with the new authorities pre-

sented the Academy with a choice: financial isolation or subordination of scientific activity to political goals. The Academy of Sciences expressed its willingness to cooperate with the new government, which initiated the process of science reorganization aimed at reorienting it toward practical needs and subordinating it to centralized control. The Academy became a state institution focused on practical tasks. New institutions were being created and personnel were being trained to meet the needs of the state. Despite ideological control, repressions, and priority funding for certain areas, there was significant growth in fundamental and applied scientific research.

Keywords

science funding, legal science, science in the early Soviet period, science management, science studies, efficiency

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

I.A. Belova – concept development, normative documents selection and analysis, scientific literature analysis, analysis of law enforcement practice, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Belova, I.A. (2025). The effectiveness of funding legal science in the early Soviet period. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 378-387. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-378-387>

Введение

Трансформация науки и высшего образования в эпоху перемен, захвативших Россию в первой половине XX века, вызывает большой интерес в научном сообществе [1; 2]. Это время принесло кардинальные изменения в политической, экономической, научной и образовательной сферах и заложило основы для дальнейшего развития советской науки и образования, определив их направление на многие десятилетия вперед [3]. Период 1917–1930 гг. рассматривается историками как уникальный эксперимент, представляющий собой масштабное и целенаправленное создание нового общества, нового типа человека. Концепции К. Маркса и Ф. Энгельса, адаптированные В.И. Лениным, легли в основу построения социалистического строя, а также нашли свое воплощение в программных материалах и научных исследованиях советских политиков, где науке и образованию отводилась приоритетная роль.

Исследования советского периода часто подчеркивали либо научные прорывы, ставшие возможными благодаря освобождению ученых от «реакционного царского режима», либо наоборот, акцентировали негатив-

ное влияние советской власти на ученых и их работу. Однако и сегодня, спустя десятилетия, вопросы о влиянии этих событий на российскую науку остаются актуальными. Стали ли они временем возрождения или, напротив, предвестниками упадка? Был ли компромисс между наукой и государством «успешной кампанией», и как он отразился на финансировании научных исследований? Принесло ли это сотрудничество плоды?

Нами проведен поэтапный анализ преобразований, произошедших в области науки и высшего образования в указанный период, с разделением исследования на два блока: первый будет посвящен Академии наук, а второй – высшим учебным заведениям.

Анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности. 1917 год в российской истории был отмечен двумя революциями – Февральской и Октябрьской, навсегда изменив политический и социальный ландшафт государства. Эти события поставили перед российским научным сообществом ряд значительных вызовов.

Академическое сообщество отреагировало на новую власть обращением Временному

правительству о готовности предоставить все свои знания для служения государству.

Однако Февральская революция 1917 г. стала переломным моментом для Российской академии наук, потребовавшим адаптации к новым политическим условиям и реорганизации академической структуры. Несмотря на позитивные тенденции, такие как: обретение автономии и разработку амбициозных планов по развитию науки и образования – общая нестабильность в стране оказывала негативное воздействие на научную деятельность. Анализ реакции академического сообщества на политические преобразования позволяет понять механизмы адаптации и трансформации науки в условиях радикальных социальных изменений.

Н.А. Бердяев отмечал: «Безысходна драма русской революции потому, что она продолжает дело человеческого самоутверждения, человеческого властолюбия и устроения земли во имя свое; она разрушает старый империализм и хочет поставить на его место новый, революционный, демократический империализм, хотя значение государства не понимает» [4, с. 47-48]. Горячо приветствуя Февральскую революцию, научное сообщество вскоре столкнулось с хаосом и упадком.

Одним из важнейших преобразований этого периода стало получение Академией наук автономии, а также переименование Императорской Академии наук в Российскую (далее – Академия наук, Академия). Более того, были внесены поправки в устав, в частности, в порядок избрания президента. Общее собрание Академии 15 мая 1917 г. избрало А.П. Карпинского президентом Российской академии наук, определив срок его полномочий в пять лет. А.П. Карпинский стал первым президентом, избранным самими учеными, и первым, чье избрание было обусловлено его значительными научными достижениями. Российские ученые активно включились в процесс реорганизации научной и образовательной сфер.

Заметный вклад российских научных деятелей в преобразование научно-образовательной области выразился в формировании специализированных комиссий: Комиссии по научным организациям и предприятиям и Комиссии по преобразованию выс-

ших учебных заведений. Центральными темами этих комиссий стали вопросы финансового обеспечения научной деятельности в новых политических реалиях, а также подготовка стратегии по увеличению числа научных организаций и модернизации действующей системы высшего образования. В 1917 г., после того как С.Ф. Ольденбург занял пост министра Временного правительства, а В.И. Вернадский возглавил Отдел высшей школы и организации научных учреждений, началась работа над планом по открытию высших учебных заведений в различных регионах России. Однако всеобщая политическая и экономическая неустойчивость негативно сказалась на работе Академии и ее членов (уменьшение финансирования, нехватка продуктов и т. п. затормаживали развитие науки).

Октябрьскую революцию академическое сообщество встретило резким неприятием. В Академии неоднократно проводились заседания, на которых обсуждались последствия революционных событий. Результатом этих обсуждений стало формирование специализированной комиссии. Этот проект, получивший одобрение Собрания комиссии и Совета научных организаций и высших учебных заведений Петрограда под эгидой академика А.П. Карпинского, демонстрировал поддержку Учредительному собранию, что свидетельствовало об умеренном отношении академического сообщества к установлению власти большевиков. Первоначальная реакция значительной части научного сообщества характеризовалась выраженным нежеланием сотрудничать с новой властью. Данная позиция была обусловлена идеологическими разногласиями и «поставила» Академию перед дилеммой: отказ от сотрудничества с большевиками был чреват финансовой изоляцией, в то время как принятие условий новой власти могло повлечь за собой подчинение научной деятельности «служению властному корпусу». Безусловно, критическим фактором для пересмотра стратегии относительно взаимодействия с властью стали объективные трудности в обеспечении финансирования. Национализация банковской системы и угроза продовольственного кризиса существенно ограни-

чили возможности академии в получении ресурсов из традиционных источников.

В 1918 г. при Наркомпросе формируется специальная секция, целью которой является подготовка предложений по вовлечению науки в процесс государственного развития. Ученым было поручено всесторонне изучить народно-хозяйственный труд. Академия наук «составила» письмо, выражающее готовность научного сообщества оказать поддержку в реализации государственных задач. В апреле 1918 г. ВЦИК утверждает итоги обсуждений и приходит к выводу о важности не только финансовой поддержки Академии, но и ее реорганизации в государственное учреждение [5].

Впоследствии, 24 апреля 1918 г., в ходе выступления М.Н. Покровского на собрании Государственной комиссии по просвещению (далее – ГКП), впервые были озвучены концепции о насущности коренных перемен в организации Академии наук. Научный отдел Наркомпроса взял на себя инициативу по разработке проекта реформы. Государство переориентировало науку на практический подход, выделяя значительные средства на развитие военно-промышленного комплекса, сельского хозяйства и идеологической работы.

Для достижения эффективного результата необходимо было провести кардинальную реорганизацию науки. В отечественной науке сложился устойчивый подход сводить эффективность к соотношению произведенных затрат и достигнутых результатов, и степени соответствия их изначально поставленным целям. Таким образом, оптимизация эффективности предполагает, прежде всего, четкую формулировку цели и последующую минимизацию затрат на ее достижение, при условии сохранения или улучшения итогового результата.

Для существенной реорганизации науки в результате создавались специализированные образовательные, исследовательские и научные учреждения, которые были «призваны» подготовить специалистов новой формации, а также «организовать» научные исследования, которые бы соответствовали интересам «новой» власти. В декабре 1917 г. в рамках Народного комиссариата просвещения (далее – Наркомпроса) был создан

Научный отдел. Он «возглавлял», координировал и финансировал все научные учреждения и организации страны (Академия наук, все высшие учебные заведения, лаборатории, обсерватории, библиотеки, научные общества). Итак, все организации, занимающиеся научными исследованиями в стране, были объединены в единую сеть и получили централизованное управление.

Первоначальная концепция реорганизации академической системы предполагала ликвидацию Академии наук как «пережитка ложноклассической эпохи» и создание сети научно-исследовательских институтов, объединенных по отраслевому принципу и подчиненных централизованному управлению. Основанная 1 октября 1918 г. на основании декрета ВЦИК РСФСР (от 25 июня 1918 г.), Социалистическая академия общественных наук (далее – САОН) представляла собой экспериментальную структуру, задачами которой была разработка теоретических и практических аспектов социализма, а также подготовка научных кадров. Учреждение САОН явилось значимым этапом в формировании советской системы высшего образования и юридического образования, в частности. Согласно Положению академии, принятому 25 июня 1918 г., САОН – «свободное сообщество лиц, имеющих целью изучение и преподавание как социальных знаний с точки зрения научного социализма и коммунизма, так и наук, которые соприкасаются с указанными знаниями»¹. В новом учреждении была внедрена организационная модель, разделенная на два главных направления: научно-исследовательское, сосредоточенное на проведении научных работ, и образовательно-просветительское, отвечающее за осуществление образовательных программ.

Общее руководство Академией осуществлялось коллегиальным органом – Советом Академии, в состав которого входили представители различных категорий сотрудников, а также члены Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (далее – ВЦИК). Для оперативного решения те-

¹ Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925): сборник документов / под ред. К.В. Островитянова и др. Ленинград: Наука, 1968.

кущих задач из состава Совета избирался Президиум сроком один год. При Президиуме функционировал секретариат, ответственный за документационное обеспечение деятельности Академии. Специализированные функции были делегированы отдельным комитетам, в частности, хозяйственному комитету и комитету по делам слушателей.

В указанный период спектр научно-исследовательских задач, стоявших перед Академией, отличался ограниченным характером. Ключевые направления исследований включали в себя создание работ, посвященных событиям Первой мировой войны, изучение архивных материалов, относящихся к семье Романовых, и публикации научных и общеобразовательных переводов работ К. Маркса, Ф. Энгельса и других выдающихся деятелей социалистической мысли на русский язык. Важно подчеркнуть, что реализация поставленных задач в полном объеме не была осуществлена. Сотрудниками Академии были организованы и проведены заседания, посвященные обсуждению теоретических аспектов социализма, а также ряду смежных вопросов.

Введение новой экономической политики (далее – нэп) в 1921 г., в частности, во многом затронуло и научную сферу. Среди основных аспектов влияния нэпа на науку важно указать увеличение финансирования научных исследований и улучшение положения ученых. В октябре 1921 г. около восьми тысяч ученых и научных работников начали получать «академические» пайки. В этом же году была основана Центральная комиссия по улучшению быта ученых. «Настали времена, когда никто из академиков, кажется, не умирает ни от голода, ни от непосильного быта, ни от полного упадка духа» [6, с. 198]. Государство осознало важность науки для восстановления экономики и начала выделять средства на научные проекты, что способствовало развитию различных областей знаний; развитие высшего образования – расширение сети высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов. Увеличилось количество студентов и аспирантов, что способствовало подготовке новых кадров для науки и техники; интернационализация науки – новые возможности для международного сотруд-

ничества в области науки. Советские ученые начали активно участвовать в международных конференциях и обменах, что способствовало интеграции советской науки в мировой контекст.

Б.Г. Юдин отмечал, что «выдвигалось много новых, поистине революционных идей и концепций; легко пересекались дисциплинарные границы; в науке появлялись в изобилии новые имена, направления и школы. Продолжался и начавшийся ранее процесс бурного развития инфраструктуры науки, по крайней мере, некоторых из ее важнейших составляющих. Сравнительно интенсивными, особенно на фоне последующего, были международные научные контакты, что позволяло ученым быть в курсе новейших достижений и тенденций мировой науки, а в ряде областей даже занимать лидирующие позиции» [7, с. 92].

Результаты исследования

В контексте радикальных преобразований, инициированных советской властью, одним из приоритетных направлений государственной политики стало упразднение существовавшей ранее системы образования, рассматриваемой как инструмент поддержания «господства буржуазии».

Главной задачей этих мероприятий являлось создание совершенно иной образовательной модели, отвечающей идеологическим принципам «пролетарского государства». Например, в России до 1917 г. высшее образование включало классические государственные университеты и специализированные институты (например, Училище правоведения, Царскосельский лицей, Демидовский юридический лицей и др.). В то же время юридические кадры готовились исключительно в очной форме.

Первым шагом в кардинальной перестройке системы высшего образования в РСФСР стало принятие нескольких законодательных актов, среди которых выделяют: Декрет Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) «О порядке приема в вузы РСФСР» и Постановление СНК «О первоочередном зачислении в высшие учебные заведения представителей рабочего класса и малоимущих крестьян» от 2 августа 1918 г.

Декрет СНК заложил фундаментальные принципы новой системы высшего образо-

вания, а именно: всеобщую доступность, гендерное равенство и безвозмездное обучение. Согласно декрету, плата за обучение не взималась, а ранее внесенные средства (за первый семестр 1918/1919 учебного года) подлежали возврату. За нарушение положений данного декрета предусматривалось наказание в виде передачи виновных лиц на рассмотрение революционного трибунала. Также при поступлении от абитуриентов не требовалось предоставлять какие-либо документы, подтверждающие уровень их образования (аттестаты, дипломы, свидетельства и т. д.). Постановление СНК узаконило ключевой идеологический принцип классового подхода, в соответствии с которым преимущество при поступлении в высшие учебные заведения отдавалось лицам, происходящим из рабочих и крестьянских слоев населения. Эта категория абитуриентов также получала гарантии стипендиального обеспечения (статья 689)². Эти законодательные акты преследовали цель коренным образом изменить социальную структуру студенческого контингента в высшей школе. Однако опыт применения данных правил обнаружил ряд противоречий. В частности, студенты, поступившие в вузы без прохождения вступительных испытаний, зачастую показывали неудовлетворительный уровень знаний, что усложняло процесс успешного усвоения ими учебной программы [8].

Принятие Декрета СНК от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых высших учебных заведений Российской Республики» также оказало негативное влияние на функционирование системы высшего образования. Этот документ упразднил ученые степени доктора и магистра, а также звание адъюнкта, что повлекло за собой аннулирование всех прав и привилегий, связанных с этими степенями и званием. Более того, была ликвидирована существовавшая ранее дифференциация среди профессорско-преподавательского состава, включавшая в себя заслуженных, ординарных, экстраординарных профессоров, адъюнкт-профессоров, доцентов и приват-доцентов. Вместо этого было введено единое звание профессора для

лиц, занимающихся преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях не менее трех лет. Преподаватели, имевшие непрерывный стаж работы в одном вузе не менее десяти лет или общий педагогический стаж в вузах не менее пятнадцати лет на 1 октября 1918 г., подлежали увольнению с 1 января 1919 г. и могли претендовать на должности только по результатам конкурсного отбора.

В 1919 г., согласно решению Наркомпроса РСФСР, большая часть юридических факультетов университетов и других высших учебных заведений была закрыта и заменена факультетами общественных наук (ФОН), которые включали в себя различные отделения. Такая же участь постигла юридические факультеты Казанского, Петроградского и Московского университетов, которые были преобразованы в ФОНы или их отделения.

На юридических отделениях университетов был исключен ряд дисциплин: каноническое право, сокращено изучение римского права. Были введены новые дисциплины: советское государственное управление и законодательство о труде, уголовное и административное право РСФСР, государственный контроль. На заре советского права Наркомат юстиции под руководством П.И. Стучки настаивал на том, что новое право должно создаваться народными судами путем революционного правотворчества. Это же коснулось и судов. Согласно Декрету о суде № 1, судам предписывалось руководствоваться не «старыми законами свергнутых правительств, а революционной совестью и революционным правосознанием»³. Революционное правосознание было основой законности, которая в то время приравнивалась к революционной целесообразности. Утверждалось, что «Целесообразность должна господствовать над формой права, и судебные работники должны проверять соответствие законов жизни, следовательно, не применять законов, которые не помогают, а тормозят советское строительство»⁴.

³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 4. Ст. 50.

⁴ Сольц А. О революционной законности // Известия ВЦИК. 1924. 24 нояб.

² Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 57.

В 1921 г. с целью подготовки высококвалифицированных кадров был создан Институт Красной профессуры (далее – ИКП). Основной задачей института было формирование нового типа интеллигенции, способного поддерживать и развивать социалистические идеи в образовательной системе. Он стал важным элементом системы образования и науки в стране, особенно в контексте нэпа, а также стремления советов к укреплению своей идеологической базы. Учебный процесс включал как теоретические, так и практические занятия. Открытие правового отделения в 1924 г. ознаменовало начало формализации юридического образования, однако, его ориентация на прикладные аспекты привела к упадку теоретической составляющей правовой науки и снижению качества подготовки специалистов. Данные, полученные в 1923 г., демонстрируют недостаточный уровень квалификации кадров в органах прокуратуры, где доля сотрудников с высшим юридическим образованием не превышала 31 % [9, с. 49].

Трансформация юридических институтов из научно-исследовательских центров в образовательные учреждения с ограниченным научно-педагогическим потенциалом (в ряде случаев полное отсутствие преподавателей с учеными степенями) привела к их упразднению в 1930-х гг. В качестве компенсаторных мер, направленных на повышение правовой грамотности населения, в 1926 г. при Наркомате юстиции было сформировано агитационно-пропагандистское бюро, а в 1927 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О популяризации советского законодательства».

Значительные перемены произошли и в специализации юридических учебных заведений. В первую очередь внимание уделялось подготовке кадров для судебной, прокурорской и следственной деятельности, что было обусловлено необходимостью укрепления политического режима и подавления диссидентских проявлений. Социальный состав студентов юридических вузов подвергался строгой регламентации с целью обеспечения идеологической лояльности. Устанавливались квоты для различных социальных групп (рабочие, крестьяне, служащие), а также для членов и кандидатов в члены

ВКП(б), женщин и представителей нерусских национальностей⁵. К 1928 г. коммунисты и комсомольцы составляли более 60 % студенческого контингента юридических факультетов. К 1930-м гг. наблюдается переосмысление роли юриспруденции и юридического образования в контексте развития советского государства. Активизация банковской системы, финансового сектора, судебных и нотариальных органов, а также установление международных дипломатических связей обусловили потребность в квалифицированных юридических кадрах, что стимулировало развитие специализированных учебных заведений.

Заключение

Таким образом, в эпоху радикальных социально-политических трансформаций, последовавших за Октябрьской революцией 1917 г., наука в лице Академии наук претерпела значительный ряд преобразований. Первоначальное неприятие новой власти сменилось прагматичным подходом, обусловленным необходимостью обеспечения финансирования и сохранения научного потенциала страны. Трансформация Академии наук в государственное учреждение стала ключевым этапом, ознаменовавшим переход от относительной автономии к подчинению интересам советского государства. Реорганизация научной сферы, инициированная советской властью, была направлена на переориентацию научных исследований для решения прикладных задач. Создание специализированных образовательных и исследовательских учреждений, нацеленных на подготовку кадров новой формации, отражало стремление к формированию научно-технической базы, соответствующей идеологическим и практическим потребностям советского государства.

Однако этот период также был отмечен определенными противоречиями и ограничениями. Идеологический контроль над научными исследованиями, приоритетное финансирование отдельных направлений в ущерб другим, а также политические репрессии в отношении ученых, не поддерживавших коммунистическую идеологию, ока-

⁵ ЦГА РК (Центральный Государственный архив Республики Казахстан). Ф. 1380. Оп. 2. Д. 398. Л. 156.

зали негативное влияние на развитие ряда научных дисциплин. Тем не менее, несмотря на негативные аспекты, трансформация науки и высшего образования в первые десятилетия советской власти способствовала развитию как фундаментальных, так и прикладных исследований, подготовке высококвалифицированных специалистов и созданию мощного научно-технического потенциала. Таким образом, анализ преобразований в научной и образовательной сферах России в период 1917–1930 гг. позволяет сделать вывод о сложном и неоднозначном характере данного процесса [10].

Советская система юридического образования также претерпела существенные изменения. Отказ от преемственности с дореволюционной традицией, выразившийся в упразднении ученых степеней и званий, ликвидации юридических факультетов и введении принципа классовой принадлежности, привел к снижению качества подготовки будущих специалистов. Вместе с тем следует отметить стремление советской власти к обеспечению всеобщей доступности образования и формированию новой, идеологически выдержанной интеллигенции.

Список источников

1. Бастракова М.С. Становление советской системы организации науки (1917–1922) / под ред. С.Р. Микулинского. Москва: Наука, 1973. 294 с. <https://elibrary.ru/rvprgn>
2. Кольцов А.В. Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Ленинград: Наука, 1969. 280 с. <https://elibrary.ru/vpdrjt>
3. Летопись Российской академии наук: в 4 т. Т. 4 (1901–1934) / гл. ред. Ю.С. Осипов; отв. ред. Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 1052 с. <https://elibrary.ru/qsvbtj>
4. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции: собрание сочинений. Москва: Изд-во Канон+: РООИ «Реабилитация», 2009. 396 с.
5. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): сборник документов / сост.: М.С. Бастракова, Л.В. Жигалова, В.Н. Макеева и др. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. 419 с.
6. Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. 1991. № 1. С. 163–235.
7. Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. Вып. 3. С. 83–106. <https://elibrary.ru/rrgbmh>
8. Колчинский Э.И. Академия наук и русские революции 1917 года // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 2. С. 166–176. <https://doi.org/10.7868/S0869587317020062>, <https://elibrary.ru/yivyfh>
9. Кожевников В.М. Учреждение Советской прокуратуры, ее организация и деятельность в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1925) // Ученые записки Московского университета. 1949. Вып. 145: труды юридического факультета. Кн. 4. С. 3–50.
10. Рейснер М.А. Централизация, разделение функций и Советы // Власть Советов. 1922. № 10. С. 14–24.

References

1. Bastrakova M.S. (1973). *The Development of the Soviet System of Science Organization (1917–1922)*. Moscow, Nauka Publ., 294 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rvprgn>
2. Kol'tsov A.V. (1969). *Lenin and the Establishment of the Academy of Sciences as the Center Of Soviet Science*. Leningrad, Nauka Publ., 280 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vpdrjt>
3. Osipov Yu.S. ed. (2007). *Chronicles of Russian Academy of Sciences: in 4 vols. Vol. 4 (1901–1934)*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1052 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qsvbtj>
4. Berdyaev N.A. (2009). *The Spiritual Crisis of the Intelligentsia: Collected Works*. Moscow, Kanon+: ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 396 p. (In Russ.)
5. Bastrakova M.S., Zhigalova L.V., Makeeva V.N. et al. comp. (1968). *The Organization of Science in the Early Years of Soviet Power (1917–1925): Collection of Documents*. Leningrad, Leningrad Branch of Nauka Publ., 419 p. (In Russ.)
6. Perchenok F.F. (1991). The Academy of Sciences at the “Great Turning Point”. *Zven'ya. Istoricheskii al'manakh = Links. Historical Almanac*, no. 1, pp. 163–235. (In Russ.)
7. Yudin B.G. (1993). History of Soviet Science as a Process of Secondary Institutionalization. *Filosofskie issledovaniya = Philosophical Studies*, no. 3, pp. 83–106. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rrgbmh>

8. Kolchinskiy E.I. (2017). The Academy of Sciences and the Russian Revolutions of 1917. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, vol. 87. no. 2, pp. 166-176. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/S0869587317020062>, <https://elibrary.ru/yivyfh>
9. Kozhevnikov V.M. (1949). Establishment of the Soviet Prosecutor's Office, its organization and activities during the transition to peaceful work on the restoration of the national economy (1921–1925). *Uchenye zapiski Moskovskogo universiteta. Vyp. 145: trudy yuridicheskogo fakul'teta = Scientific Notes of Moscow University. Issue 145: Proceedings of the Faculty of Law*, bk. 4, pp. 3-50. (In Russ.)
10. Reisner M.A. (1922). Centralization, division of functions, and the Soviets. *Vlast' Sovetov = Power of the Soviets*, no. 10, pp. 14-24. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 10.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.12.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-388-395>

Шифр научной специальности 5.1.1

Взаимоотношение права и религии в концепции Жака Маритена

Комарова Яна Бахрузовна,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России», 600020, Российская Федерация, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, <https://doi.org/0009-0009-4514-0860>, ya_komarova@rambler.ru

Аннотация

Предпринята попытка углубленного исследования политико-правовых воззрений ведущего французского неотомиста XX века Жака Маритена на проблему взаимоотношения права и религии. На основе анализа критики ученого в адрес популярных правовых школ и течений, в основе которых лежит антропоцентрический гуманизм, реализм и отрицание трансцендентной составляющей государственно-правовых явлений, а также основных его трудов, сделан вывод об особенностях учения Жака Маритена, которые базируются на идеях «классического томизма» с учетом новаций, продиктованных объективными требованиями современных ученому социальных трансформаций, характеризующих Новое время. Целью исследования стало становление взглядов автора на идеальную, по мнению Маритена, интерпретацию естественно-правовой концепции, которая является основой правопонимания французского неотомиста. Детальный анализ идей мыслителя на права человека, освещение им роли религии в формировании последних, а также участие Жака Маритена в разработке Всеобщей декларации прав человека 1948 года указывают на значимость его трудов и возможности их переосмысления в условиях современности.

Ключевые слова

Жак Маритен, политико-правовое учение, естественное право, права человека, право, религия, неотомизм

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

Я.Б. Комарова – анализ научной литературы и материалов периодической печати, проведение исследования, формулировка выводов и результатов исследования, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Комарова Я.Б. Взаимоотношение права и религии в концепции Жака Маритена // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 388-395. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-388-395>

Relationship between law and religion in the concept of Jacques Maritain

Yana B. Komarova,

Senior Lecturer of State and Law Disciplines Department, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 67e Bolshaya Nizhegorodskaya St., Vladimir, 600020, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0009-4514-0860>, ya_komarova@rambler.ru

Abstract

An attempt is being made to conduct an in-depth study of the political and legal views of Jacques Maritain, a leading 20th-century French neothomist, on the problem of the relationship between law and religion. Based on an analysis of the scholar's criticism of popular legal schools and trends rooted in anthropocentric humanism, realism, and the denial of the transcendent component of state and legal phenomena, as well as his main works, a conclusion is drawn about the specific features of Jacques Maritain's teaching, which is based on the ideas of "classical thomism" while taking into account the innovations dictated by the objective requirements of modern social transformations that characterize the modern era. The aim of the study was to examine the author's views on what Maritain considered the ideal interpretation of the natural law concept, which is the foundation of the French neothomist's understanding of law. A detailed analysis of the thinker's ideas on human rights, his highlighting of the role of religion in their formation, and Jacques Maritain's participation in the drafting of the Universal Declaration of Human Rights in 1948 all point to the significance of his works and the possibility of reinterpreting them in the modern context.

Keywords

Jacques Maritain, political and legal doctrine, natural law, human rights, law, religion, neotomism

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

Ya.B. Komarova – analysis of scientific literature and periodical press materials, conducting research, formulation of conclusions and results of the study, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Komarova, Ya.B. (2025). Relationship between law and religion in the concept of Jacques Maritain. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 388-395. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-388-395>

Введение

Жак Маритен – один из самых известных представителей учения Фомы Аквинского в XX веке. Большую часть своих исследований он посвятил вопросам бытия и человеческой природы, однако значимый вклад ученый также внес в государственно-правовую проблематику современности. Одним из важных направлений его исследования стал вопрос о проблеме взаимоотношения права и религии в современном мыслителю обществе. Многие положения его государственно-правового учения легли

в основу концепции современной демократии.

Методологической основой настоящего исследования послужил анализ воззрений французского мыслителя по заявленной проблематике, которые нашли свое отражение в ряде научных трудов Жака Маритена, а также синтез и обобщение основных его умозаключений, необходимые для получения целостных представлений о существующей и «идеальной», по мнению теоретика-неотомиста, картине политико-правового мироустройства.

Обсуждение. Результаты исследования

Целесообразным представляется начать свое исследование с исторического контекста описываемой нами эпохи. Необходимо отметить, что она характеризовалась поиском новых политико-правовых идеалов. Однако поиск этот, по мнению французского неотомиста, не увенчался успехом. И связано это, по мнению Маритена, прежде всего с подменой основных государственно-правовых понятий и категорий, искажением их подлинного смысла. Так, всевозрастающая сила и мощь государственной власти сочеталась с эгоцентризмом человеческой природы, поглощая и личность, и политическое общество, но самое важное, по мнению Маритена, упущение состояло в разрыве религиозного и мирского начал. Все явления общественной жизни, а также особенности человеческой сущности объяснялись с позиции науки и рационализма, отрицая трансцендентную природу правовых явлений. Маритен подчеркивает, что «автономия мирского устройства, как и автономия философии, – завоевание Нового времени. Но чтобы автономия эта не обернулась бедствием, она не только не должна быть разрывом с духовным строем – она должна быть органически едина с этим строем, внутренне оживотворяющим ее» [1, с. 87]. Как упоминалось выше, одной из основных опасностей Нового времени и беспокоивших теоретика неотомизма являлось поглощение государством политического общества и личности, вместе с тем он отмечал, что это вполне закономерный результат политических программ, существующих в Новое время. В связи с этим Маритен утверждал, что мир испытывает потребность в пересмотре многих политико-правовых явлений в ином ракурсе.

Как и у большинства представителей философско-правовой науки XX века, в основе правопонимания Жака Маритена лежала концепция естественного права. Однако французский теоретик подчеркивал свое особое восприятие естественно-правовой сущности, отличное от многих его современников [2].

Исследуя хронологически процесс развития естественно-правового учения, он указывал на то, что последнее восходит не

только к Гроцию, который, по мнению мыслителя, положил начало его искажению вследствие того, что одним из первых ограничил естественное право и богословие, а до него «к Суаресу, к Франсиско де Витория» [3, с. 82]. Одним из выдающихся представителей естественно-правовой концепции Маритен называл Фому Аквинского, который, как замечал мыслитель, «один постиг суть дела в целостном и последовательном учении» [3, с. 81]. Однако, анализируя причины неверного понимания естественно-правовой доктрины, французский неотомист указывал на то, что «учение... было сформулировано посредством недостаточно четких терминов, так что его наиболее глубокие черты вскоре перестали замечать и принимать во внимание» [3, с. 82], что, по мнению Маритена, также привело к искажению основных идей естественного права и обусловило невозможность их верной интерпретации в контексте правопонимания Нового времени. Необходимо акцентировать внимание на том, что особенностью современного Жаку Маритену мировосприятия являлось безоговорочное признание естественных прав человека. Причиной этому послужили социальные метаморфозы, свойственные Новому времени и обусловившие необходимость более тщательного подхода к механизму реализации и охраны прав человека [2]. В этом смысле мыслитель «шел в ногу со временем». Однако, по справедливому замечанию ученого, интерпретация естественно-правовой доктрины в ракурсе многочисленных правовых взглядов характеризовалась тем, что представители различных направлений политико-правовой мысли выдвигали на передний план разные аспекты данного учения, что негативно сказывалось на их сущностной характеристике и приводило к полисемии взглядов на указанный феномен. Так, по мнению ученого, многие основополагающие моменты оставались без должного внимания, а их место занимали ошибочные суждения, искажающие суть естественно-правового учения. Как верно замечает К.А. Шишков, «Маритен рассматривает Новое время как эпоху, основной чертой которой является распад гармонии, свойственной традиционному обществу и культуре средневековья» [4, с. 42]. Отметим,

что Маритен не поддерживал идею безоговорочного возврата к Средневековой мудрости. Он адекватно оценивал необходимость в адаптации взглядов Фомы Аквинского к новым условиям жизни.

В первую очередь активной критике Жака Маритена подверглись взгляды ученых, обожествляющих человека, наделяющих его силой и величием подобным Богу: «...человеческая Воля и человеческая Свобода... должны были реально заменить Бога в качестве высшего источника и первопричины естественного права» [3, с. 81], замечал он, анализируя популярные для Нового времени подходы к определению человеческой природы. Таким образом, источником естественного права, по мнению многих мыслителей, вместо Бога становится человек. Исходя из этого тезиса, в основе концепции Прав человеческой личности, как справедливо отмечает Маритен, лежит требование, согласно которому «...человек не подчинялся какому-либо закону, кроме закона его собственной воли и свободы» [3, с. 81]. Такое восприятие естественного права расходилось бы не только с идеями Фомы Аквинского, но и с социальной реальностью. Французский ученый указывает на то, что в этом смысле желание человека и есть собственно абсолютное естественное право, никем и ничем не ограниченное в силу того, что исходит от первоисточника, то есть самого человека. Вместе с тем в реальной жизни люди постоянно сталкиваются с ограничениями. Маритен акцентировал на этом внимание, отмечая, что, «когда люди, освоившие все это, повсюду сталкивались с ограничениями, они приходили к убеждению в банкротстве прав человеческой личности» [3, с. 82], это способно подорвать веру человека во всемогущество своей Воли, так как диссонирует с популярными положениями Нового времени об антропоцентрической природе человека, что может вылиться либо во внутренний скептицизм, внутреннюю борьбу с самим собой при внешнем согласии с основными политико-правовыми установками, либо в открытую борьбу с очевидными расхождениями в рамках популярного естественно-правового течения. В целом, не столь важно, какой будет борьба человека: внутренней или внешней, и

тот и другой путь приведут к кризису личности и общественного устройства.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем, что в период расцвета антропоцентризма одним из основных положений, в значительной степени искажающих смысл и содержание естественно-правовой доктрины, Маритен называл отрицание трансцендентной, божественной природы естественных прав и обожествление человека, как их первопричины, первоисточника [5]. «Начиная с XVII столетия, Человек один, как сам Бог, стал сверхдостаточным гарантом этого тройственного самосущего абсолюта: Природы, Разума, Естественного права» [3, с. 81], отмечает такую тенденцию Жак Маритен. Вместе с тем отметим, что ученый пытался найти их истинный смысл и с этой целью обращался к мудрости Средневековья, так как, по его мнению, только рассмотрение естественно-правовой доктрины с позиции томизма способно сформировать верное восприятие ее природы и помочь наиболее эффективной реализации естественно-правовых идей.

В связи с необходимостью углубленного анализа подходов Жака Маритена к исследованию естественно-правовой проблематики целесообразно обратить внимание на то, что он призывал не связывать естественно-правовую доктрину и сами естественные права, поскольку справедливо полагал, что их истинный смысл можно постичь только с позиции учения Фомы Аквинского, единственно верного их интерпретатора, а искажение, отраженное в популярных научных концепциях Нового времени, не способно изменить сути самого естественного права как вечного, незыблемого явления. Желая раскрыть истинный смысл и содержание естественного права, Жак Маритен рассматривал его как сложное явление, в основе которого французский мыслитель выделял два основных элемента: онтологический и гносеологический.

При анализе онтологического элемента Маритен отталкивался от тезиса о единстве человеческой природы. Люди разделяют общие идеи и ценности, независимо от культурных и социальных различий, формируя общую основу для понимания естественного права и общего блага, между которыми на-

блюдается тесная взаимосвязь [6]. Мыслитель подчеркивал разумность человека и его способность не только осознавать свои поступки, но определять цель и выбирать средства для ее достижения [3, с. 82]. При этом тесная связь человека с природой подчиняет его целям, имманентно присущим сущности человека и определенным его природой. Эти цели одинаковы для всех. И, следовательно, по мнению неотомиста, человеку «следует привести самого себя в соответствие с теми целями, которых с необходимостью требует его природа» [3, с. 83]. В этой связи Маритен говорит о неписанном, или естественном законе. Здесь заложен один из самых важных сущностных аспектов естественного права. По мнению ученого, естественный закон есть «нормальное состояние функционирования, основанное на сущности человека», это «идеальная форма развития» [3, с. 85] личности. Именно онтологический элемент, по мнению Жака Маритена, и служит основой для естественного права, которое представляет собой не что иное, как внутренний порядок бытия человека, характеризует внутреннюю структуру его жизни и определяет нормальное функционирование человеческой природы.

Второй элемент естественного права – гносеологический. Акцентируя внимание на том, что естественное право не является писаным правом, неотомист подчеркивал, что человек должен его познать, и в соответствии с этими возрастающими знаниями развивается и моральное сознание личности. Д.Н. Козырев подчеркивает, что «французский философ связывает проникновение в глубины естественного закона с моральным прогрессом человечества. Он отмечает заслугу мыслителей XVIII столетия: на основании морального и социального опыта...» [7, с. 172]. Одним из важных, и в некотором смысле определяющим элементом в познании естественного права, по мнению Жака Маритена, является «склонность». В.В. Брындина, анализируя взгляды Маритена на гносеологический аспект естественного права, указывает, что, по мнению французского теоретика, «... – это лишь динамические схемы, которые постигаются через ощущение сущностных склонностей бытия человека» [6]. Маритен характеризовал склонность,

как «неясное, несистематическое, жизненное познание посредством сопричастности природе или конгениальности» [3, с. 89]. Чтобы раскрыть предписания естественного права через склонность, человеку необходимо прислушаться к своей «внутренней мелодии». Способ познания того, в какой степени внутренняя природа и склонности человека соответствуют принципам естественного права, позволяет оперировать такими морально-нравственными категориями, как «правильно» – «неправильно», «добро» – «зло», «справедливо» – «несправедливо», то есть соответствующие предписаниям естественного права и справедливости или нет.

Маритен также подчеркивал роль практического разума в постижении принципов естественного права. Практический разум неотомист рассматривал не только как абстрактное мышление, но и вынесение моральных суждений, основанных на понимании человеческой природы и окружающего мира.

Однако подчеркнем, что, согласно воззрениям Жака Маритена, право существует независимо от степени познания его человеком, ведь ученый справедливо констатирует, что «право и знание о праве – две разные вещи» [2, с. 183]. Более того, он утверждает, что, хотя принципы естественного права и понимаются с помощью разума, объективно они основаны на природе человека и существуют вне прямой зависимости от его восприятия. Но люди обладают исключительными фундаментальными чувствами, которые помогают им распознать эти принципы. Наряду с этим Маритен определяет, что силу закона естественному праву придает именно то, «что оно познано и выражено в постулатах практического разума» [3, с. 87]. По мнению Маритена, для наиболее полной и эффективной реализации естественно-правовых идей человеку необходимо гармонизировать природное и разумное начало, так как именно природа человека определяет цели и средства их достижения, которые постигаются его разумом. При этом философ отмечает, что естественное право существует всегда, в отличие от знания о нем. Знание о естественном праве зарождается и развивается вместе с морально-нравственным развитием человека, превращая естественное право в естественный закон [8]. Более

того, знание о естественном праве позволяет человеку лишь глубже проникнуть в свою природу и гармонизировать божественное и мирское начало. Еще один важный аспект в понимании естественного права Жаком Маритеном, это его единство. Маритен не отрицает многообразия современного мира. Но он подчеркивает единство естественно-правовых установок, подтверждая это тезисом о том, что знание о естественном праве формировалось у разных народов по-разному и зависело от различных факторов, так как были результатом не логически выверенных моральных предписаний, а моральных предписаний, познанных через склонность [9, с. 68]. Вместе с тем Маритен констатирует, что «...можно обнаружить огромное разнообразие и относительность в правилах, обычаях и нормах, в которых разум всех народов земли выразил свое знание важнейших аспектов естественного права» [3, с. 90]. Отметим, что, несмотря на различную степень и пути познания основных естественно-правовых положений, довольно грубую интерпретацию его сущности, человечество в целом приходит к его познанию, что лишь подчеркивает трансцендентную основу и всеобъемлющий характер естественного права. Представляется также, исходя из данного тезиса, что человек открывает для себя естественный закон и постигает его, исходя из потребности общественного развития, постепенно, ровно настолько, насколько это необходимо для его нормальной жизнедеятельности.

Отметим, что Маритен подвергал тщательному анализу процесс развития естественного права и знаний о нем. Детально исследуя отдельные права человека, он указывал на то, что в онтологическом аспекте в самом праве присутствует неизменность. В гносеологическом ракурсе, в сознании людей, они, по мнению неотомиста, имеют «развитие и относительность» [3, с. 99]. Безусловно, с развитием общественной жизни, в условиях усложняющейся социальной реальности, вновь появляющихся и прекращающих свое существование общественных отношений, люди приходят к осознанию необходимости возникновения и функционирования новых правовых норм, идея которых, исходя из тезиса мыслителя о постоян-

стве и всеобъемлющем характере естественного права, уже заложена в нем. Но осознаются они и принимают форму закона по мере необходимости на определенном этапе общественного развития.

В связи с этим Маритен поднимал проблему «старых» и «новых» прав [6, с. 88]. Он справедливо указывал на то, что процесс их появления неизбежен. Отношения между ними строятся на основе антагонизма, ожесточенной борьбы друг с другом. Однако, анализируя умозаключения ученого, можно отметить, что чем более прогрессивным становится общество, тем более осознанно и лояльно оно подходит к изменениям, происходящим в правовой реальности, тем более терпимо реагирует на возникновение «новых» законов, понимая объективную необходимость их внедрения в политико-правовую среду для отражения интересов окружающей социальной действительности.

Вместе с тем, возвращаясь к вечной основе естественного права, подчеркивая важность божественной сущности как источника естественного права, отметим, что современный неотомисту мир сильно исказил представления о естественном праве, отвергнув духовную составляющую, сделав значительным разрыв между человеком и Богом. Вера и божественный элемент является базовым, основополагающим в естественно-правовой теории, по мнению Жака Маритена. Подтверждая данный тезис, К.С. Гришин и Е.А. Фролова справедливо отмечают, что в концепции Жака Маритена «полное познание естественного права оказывается возможным только при полном познании Бога» [10, с. 191].

Еще одним важным вопросом в рамках правового учения Маритена является классификация им естественных прав. Неотомист обособляет абсолютно неотчуждаемые права и в основном неотчуждаемые, справедливо указывая на разницу между ними. Вначале необходимо особо подчеркнуть, что мыслитель акцентирует внимание на неотчуждаемости прав человека, аргументируя это тем, что они напрямую связаны с человеческой природой, которую «ни один человек не может утратить» [3, с. 97]. Вместе с тем он разграничивает абсолютно неотчуждаемые права, определяя, что общее благо

«пострадало бы, если бы политическое общество могло в какой-либо степени ограничить естественно присущее людям обладание этими правами». К ним Маритен вполне предсказуемо относит, например, «право на существование» или «право на счастье» [3, с. 97]; и в основном неотчуждаемые права, указывая, что «общее благо пострадало бы, если бы политическое общество не могло в некоторой степени ограничивать естественно присущее людям обладание этими правами» [3, с. 97]. В эту категорию прав, по мнению ученого, входит, например, «право на объединение», или «право на свободу слова» [3, с. 97]. Заметим, однако, что возможность ограничивать права Жак Маритен отдает исключительно политическому обществу, а не государству. Что в целом гармонизирует с государственно-политической доктриной идеальной, по его мнению, модели мироустройства, где политическому обществу отводится весьма важная организационно-управленческая роль по достижению общего блага личностей.

В ракурсе проблемы ограничения прав человека необходимо осветить важный момент, на котором французский мыслитель заостряет свое внимание. Ученый отграничивал понятия «обладание» правом и его «реализация». Он признавал возможность ограничения реализации даже абсолютно неотчуждаемых прав исходя из чувства справедливости, указывая на то, что исторический контекст ставит порой человека в такие условия, что он, продолжая обладать правами, в определенные периоды истории отказывается от их реализации во имя поддержания справедливости [3, с. 99]. Таким образом, акцентируя внимание на том, что

обладание правами не всегда проявляется в безоговорочной их реализации, Маритен ставит последнюю в зависимость от критерия «справедливость».

Заключение

Анализируя различные аспекты, либо непосредственно влияющие на понимание природы и сущности права Жаком Маритеном, либо опосредованно формирующими у неотомиста представление о нем, можно констатировать, что закономерным представляется то, что в основе правопонимания Жака Маритена лежит естественно-правовая концепция, пользующаяся особым признанием в контексте Нового времени. Вместе с тем необходимо выделить ряд особенностей, в значительной мере отличающих взгляды Маритена от популярных подходов к естественному праву. Так, в основе правовых взглядов неотомиста лежали учения Фомы Аквинского, однако успешно адаптированные под современные философу социальные требования Нового времени. Следующим значимым вкладом ученого в разработку названной концепции является выделение в ней онтологического и гносеологического компонентов, что говорит о тщательном подходе им к рассматриваемой проблеме и о желании раскрыть божественное и мирское в естественно-правовой доктрине, а участие Жака Маритена в разработке Всеобщей декларации прав человека 1948 года демонстрирует значимость его трудов и признание их научным сообществом. Особый интерес к правовым воззрениям французского теоретика обусловлен возможностью их переосмысления в контексте современной социальной действительности.

Список источников

1. *Маритен Ж.* От Бергсона к Фоме Аквинскому: очерки метафизики и этики. Москва, 2006. 215 с.
2. *Фоминская М.Д.* Идея достоинства личности и прав человека в христианской правовой мысли: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. 480 с. <https://elibrary.ru/qjmqrs>
3. *Маритен Ж.* Человек и государство. Москва: Идея-Пресс, 2000. 195 с.
4. *Шишков К.А.* Проблема взаимосвязи философско-исторических и политико-философских концепций современного европейского неотомизма: дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 1999. 168 с.
5. *Багдасаров Д.Р.* Взаимодействие религии, культуры и истории в неотомистской концепции Жака Маритена: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 1999. 25 с.
6. *Брындина В.В.* Права человека в неотомистской концепции Жака Маритена // Правопорядок: история, теория, практика. 2013. № 1 (1). С. 86-88. <https://elibrary.ru/sahrnj>

7. Козырев Д.Н. Католический гуманизм Ж. Маритена и теория естественного права // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург: Всерос. гос. ун-т юстиции, 2023. С. 168-175. <https://elibrary.ru/uzinkw>
8. Фоминская М.Д. Философско-правовая концепция интегративного гуманизма Жака Маритена: основные методологические принципы // Философия права. 2012. № 5 (54). С. 7-11. <https://elibrary.ru/qysgcx>
9. Маритен Ж. Избранное: Величие и нищета метафизики. Москва: РОССПЭН, 2004. 605 с.
10. Гришин К.С., Фролова Е.А. Взаимодействие светского и религиозного подхода к изучению права в естественно-правовой концепции Жака Маритена // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 4. С. 189-193. <https://elibrary.ru/bzcafc>

References

1. Maritain Zh. (2006). *From Bergson to Thomas Aquinas: Essays on Metaphysics and Ethics*. Moscow, 215 p. (In Russ.)
2. Fominskaya M.D. (2021). *Ideya dostoinstva lichnosti i prav cheloveka v khristianskoi pravovoi mysli. Dr. Sci. (Law) diss.* Nizhny Novgorod, 480 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qjmqrs>
3. Maritain Zh. (2000). *Man and the State*. Moscow, Idea-Press Publ., 195 p. (In Russ.)
4. Shishkov K.A. (1999). *Problema vzaimosvyazi filosofsko-istoricheskikh i politiko-filosofskikh kontseptsii sovremennogo evropeiskogo neotomizma. Cand. Sci. (Philosophy) diss.* Tver, 168 p. (In Russ.)
5. Bagdasarov D.R. (1999). *Vzaimodeistvie religii, kul'tury i istorii v neotomistskoi kontseptsii Zhaka Maritena. Cand. Sci. (Philosophy) diss. abstr.* Moscow, 25 p. (In Russ.)
6. Bryndina V.V. (2013). Human rights in the neothomist concept of Jacques Maritain. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal Order: History, Theory, Practice*, no. 1 (1), pp. 86-88. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sahrnj>
7. Kozыrev D.N. (2023). J. Maritain's catholic humanism and the theory of natural law. *Materialy 9 mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye voprosy razvitiya gosudarstvennosti i publichno-gova prava» = Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference "Current Issues of the Development of Statehood and Public Law"*. St. Petersburg, All-Russian State University of Justice, pp. 168-175. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uzinkw>
8. Fominskaya M.D. (2012). Philosophical and legal concept of integrative humanity of Jacques Maritain: basic methodological principles. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, no. 5 (54), pp. 7-11. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qysgcx>
9. Maritain Zh. (2004). *Favorites: The Greatness and Poverty of Metaphysics*. Moscow, ROSSPEN Publ., 605 p. (In Russ.)
10. Grishin K.S., Frolova E.A. (2022). Interaction of the secular and religious approaches to the study of law in the natural legal concept of Jacques Maritain. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and Modernity*, no. 4, pp. 189-193. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bzcafc>

Поступила в редакцию / Received 08.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.13; 349(476)

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-396-409>

Шифр научной специальности 5.1.2

Космическая отрасль в национальном законодательстве Республики Беларусь

Андрияшко Марина Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент, главный советник отдела внутривнутриполитического анализа управления внутренней политики, Белорусский институт стратегических исследований, Республика Беларусь, 220004, г. Минск, проспект Победителей, 7, <https://orcid.org/0000-0003-2527-2224>, Scopus ID: 57222323133, Researcher ID: AAY-7168-2020, andryashkomv@mail.ru

Аннотация

Формирование международного космического законодательства берет свое начало со второй половины XX века в связи с принятием основополагающих актов Организации Объединенных Наций в сфере исследования и использования космического пространства (1966, 1967, 1971, 1974, 1979, 1986, 1992, 2007 гг.). Конкуренция в деятельности по изучению и освоению космоса привела к развитию технологий и формированию спроса на присутствие в космосе. Это, в свою очередь, породило запрос на формирование отраслей национального законодательства стран, участвующих в космической гонке. Проанализировано современное законодательство Республики Беларусь в области космической деятельности и перспективы его развития. Методологическую основу исследования составил ряд принципов научного познания: объективность, всесторонность и системность. Комплексный анализ трендов и выявление тенденций осуществлялось посредством применения формально-юридического и сравнительно-правового методов, установлению причинно-следственных связей способствовали методы структурного анализа и синтеза. Определены характерные особенности содержания актов национального белорусского законодательства в космической отрасли в зависимости от их вида и места в иерархической системе.

Ключевые слова

космическая отрасль, космические технологии, законодательство Республики Беларусь, дистанционное зондирование Земли

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

М.В. Андрияшко – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор статьи является членом редакционной коллегии журнала «Актуальные проблемы государства и права», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования

Андрияшко М.В. Космическая отрасль в национальном законодательстве Республики Беларусь // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 396-409. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-396-409>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-396-409>

OECD 5.05; ASJC 3308

The space industry in the national legislation of the Republic of Belarus

Maryna V. Andryashka,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Chief Adviser of the Department of Internal Policy Analysis of the Department of Internal Policy, Belarusian Institute for Strategic Research, 7 Pobeditelei Ave., Minsk, 220004, Republic of Belarus, <https://orcid.org/0000-0003-2527-2224>, Scopus ID: 57222323133, Researcher ID: AAY-7168-2020, andryashkomv@mail.ru

Abstract

The establishment of international space legislation dates back to the second half of the 20th century in connection with the adoption of the fundamental acts of the United Nations in the field of space exploration and use (1966, 1967, 1971, 1974, 1979, 1986, 1992, 2007). Competition in space exploration and exploration has led to the development of technology and the formation of demand for a presence in space. This, in turn, gave rise to a request for the formation of branches of national legislation of the countries participating in the space race. The current legislation of the Republic of Belarus in the field of space activities and its development prospects have been analyzed. The methodological basis of the research was made up of a number of principles of scientific knowledge: objectivity, comprehensiveness and consistency. A comprehensive analysis of trends and identification of tendencies were carried out using formal legal and comparative legal methods; structural analysis and synthesis methods contributed to establishing cause-and-effect relationships. The characteristic features of the content of acts of national Belarusian legislation in the space industry have been identified depending on their type and place in the hierarchical system.

Keywords

space industry, space technologies, legislation of the Republic of Belarus, Earth remote sensing

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

M.V. Andryashka – research concept development, collection and processing of normative documents, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of interests

The author of the article is a member of the Editorial Board of the journal “Current Issues of the State and Law”, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The author declares no other conflicts of interest.

For citation

Andryashka, M.V. (2025) The space industry in the national legislation of the Republic of Belarus. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 396-409. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-396-409>

Введение

В соответствии с резолюцией 68/75 Генеральной Ассамблеи Организации Объеди-

ненных Наций от 11 декабря 2013 г. Республика Беларусь была принята в члены Комитета ООН по исследованию и использова-

нию космического пространства в мирных целях, и по состоянию на 2025 г. наша страна входит в число 102 государств, включенных в состав этого Комитета¹.

Характер мировой космической деятельности с каждым годом усложняется, а число ее участников возрастает (более 102 государств в настоящее время так или иначе осуществляют космическую деятельность), как возрастает и влияние космической отрасли на социально-экономическое развитие стран и целых регионов. Ожидается, что объем рынка космических технологий к 2034 г. составит свыше \$ 1012 млрд, а среднегодовые темпы роста рынка с 2025 по 2034 г. достигнут 7,86 % (*Precedence Research*)². Поэтому регулирование этой сферы отношений должно поспевать за переменами, но также эффективно содействовать развитию космической отрасли, способствовать раскрытию человеческого потенциала и достижению целей устойчивого развития (в значении, изложенном в пункте 8 статьи 6)³.

Однако вопросы комплексного правового регулирования космической отрасли в Беларуси, равно как вопросы преподавания космического права находятся вне фокуса внимания национального регулятора. При этом Республика Беларусь с 2006 г. аккумулирует экспертизу в сфере страхования космических рисков, что связано с фактом крушения первого белорусского космического аппарата. Риски утраты или повреждения этого спутника были застрахованы белорусской компанией, перестрахованы в белорусской, российских и немецких страховых и перестраховочных компаниях. Кроме того, было осуществлено вторичное перестрахование на рынках России и Беларуси. В конеч-

ном итоге страховые выплаты (\$ 16,01 млн) покрыли расходы по запуску данного спутника [1, с. 291], а в целом процедуры стали возможны благодаря национальной регуляторике.

В исследовательской среде сложилось экспертное мнение [2, с. 171; 3] относительно неадекватности действующей в рамках международного публичного права доктрины космического права, зародившейся в 60-е гг. XX века, складывающимся отношениям в сфере космической деятельности.

Решением этой проблемы стал глобально распространяющийся тренд на формирование специального национального космического законодательства.

Исследованию состояния национального белорусского законодательства в космической отрасли посвящена настоящая статья.

Методы исследования

Исследование проводилось с целью изучения нормативного правового регулирования обеспечения космической отрасли в пределах юрисдикции Республики Беларусь, а также определения перспектив формирования национального белорусского законодательства в этой сфере.

В рамках настоящего исследования под космической отраслью понималась деятельность, осуществляемая Республикой Беларусь, субъектами хозяйствования, зарегистрированными на территории Республики Беларусь, научными и производственными организациями Республики Беларусь, учреждениями образования Республики Беларусь, конечным продуктом которой являются технологии, инновации, исследования, образование и подготовка кадров, а также администрирование в сферах изучения и освоения космоса, околоземной орбиты, небесных тел.

Формирование дизайна настоящего исследования складывалось с учетом критерия юридической силы нормативных правовых актов Республики Беларусь в космической отрасли согласно иерархии законодательства, предусмотренной «законом о законах» (часть 2 статьи 2)⁴.

¹ Международное сотрудничество в использовании космического пространства в мирных целях: Резолюция 68/75, принятая Генеральной Ассамблеей, 11 дек. 2013 г. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/68/75> (дата обращения: 01.03.2025).

² Space Technology Market Size, Share, and Trends 2025 to 2034. URL: <https://www.precedenceresearch.com/space-technology-market> (accessed: 18.05.2025).

³ О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.06.2024 г., № 15-З // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 03.05.2025. 2/3101.

⁴ О нормативных правовых актах: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.06.2024 г., № 15-З // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 03.07.2024. 2/3101.

Результаты исследования получены на основе эмпирических методов (сравнения, описания, интерпретации); теоретических методов (формальной и диалектической логики); частнонаучных методов (толкования правовых норм).

Результаты исследования и их обсуждение

Уровень компьютеризации, телекоммуникации и применения наноматериалов позволяет экспертам отнести космическую отрасль Республики Беларусь к пятому и шестому технологическим укладам [4, с. 18]. Более 20 белорусских научных и производственных организаций задействованы в космической отрасли, на спутниковую индустрию работают более 80 предприятий Беларуси и России.

В целом отсчет вклада уроженцев Беларуси в мировое космическое наследие можно вести, начиная с развития эры пилотируемой космонавтики. Ведь славная история белорусов, внесших вклад в развитие космических технологий и создавших предпосылки для исследования и успешного освоения космического пространства, богата именами и достижениями. Например, выходец из Беларуси *Борис Владимирович Кит* – ученый с мировым именем, автор первого в истории учебника о ракетной технике и космическом топливе “*Rocket Propellant Handbook*” (1960)⁵, а также автор разработки жидкого водорода в качестве ракетного топлива для американских космических кораблей “*Apollo*” и “*Space Shuttle*”.

Уроженец г. Слуцка *Семен Ариевич Косберг* – главный конструктор ракетного кислородно-керосинового двигателя, входившего в состав третьей ступени ракеты-носителя «Восток-1», на борту которого Юрий Алексеевич Гагарин совершил первый полет человека в космос. Под руководством С.А. Косберга созданы ракетные жидкостные реактивные двигатели, с помощью которых также выведены на орбиту косми-

ческие корабли для исследования Луны, Венеры и Марса⁶.

Этот список могут продолжить космонавты – уроженцы Беларуси: дважды Герой Советского Союза *Петр Ильич Климук* (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1973 г.⁷ и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1975 г.⁸); дважды Герой Советского Союза *Владимир Васильевич Коваленок* (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1978 г.⁹, Указ Президиума Верховного Совета СССР 26 мая 1981 г.¹⁰); Герой России, уроженец Беларуси *Олег Викторович Новицкий* (Указ Президента Российской Федерации от 28 мая 2014 г. № 374¹¹); Герой Беларуси, первая женщина-космонавт Беларуси *Марина Витальевна Василевская* (Указ Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2024 г. № 142¹²).

⁶ *Абламейко С.В.* Семен Ариевич Косберг // Космонавтика Беларуси. Минск, 2014. С. 9-11; *Мыцько А.* Славуцья землякі на карце свету [Сямен Арыевіч Косберг] // Беларуская думка. 2016. № 2. С. 34-39.

⁷ О присвоении звания Героя Советского Союза летчику-космонавту тов. Климук П.И.: Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 28 дек. 1973 г. // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1974. № 1. Ст. 20.

⁸ О награждении Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР тов. Климук П.И. орденом Ленина и второй медалью «Золотая звезда»: Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 27 июля 1975 г. // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1975. № 31. Ст. 477.

⁹ О присвоении звания Героя Советского Союза летчику-космонавту СССР тов. Коваленку В.В.: Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 2 нояб. 1978 г. № 8344-IX // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1978. № 45. Ст. 746.

¹⁰ О награждении Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР тов. Коваленка В.В. орденом Ленина и второй медалью «Золотая звезда»: Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 26 мая 1981 г. // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1981. № 22. Ст. 761.

¹¹ О награждении государственными наградами Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 мая 2014 г. № 374. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201405290001> (дата обращения: 01.03.2025).

¹² Аб прысваенні М.В. Васілеўскай звання «Герой Беларусі»: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 апр. 2024 г., № 142 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 11.04.2024. 1/21321.

⁵ *Boris Kit, Douglas S. Evered.* Rocket Propellant Handbook. New York: Macmillan, 1960. 354 p.; *Савік Л.С.* Космас Беларусі: Жыццёпіс Барыса Уладзіміравіча Кіта, асветніка, вучонага, патрыота. Мінск, 1998.

Согласно данным Управления ООН по вопросам космического пространства по состоянию на апрель 2025 г. на орбите Земли находятся 4 зарегистрированных космических объекта, запущенных Республикой Беларусь:

BSUSat-2 – научно-образовательный спутник Белорусского государственного университета, являющийся летной частью распределенной наземно-орбитальной учебно-научной лаборатории для обеспечения развития обучения и науки в аэрокосмической области (2023, космодром «Восточный», Российская Федерация);

BSUSat-1 – университетский наноспутник Белорусского государственного университета для научных исследований и радиолобительской связи (2018, космодром «Цзюцюань», Китайская Народная Республика);

BELINTERSAT-1 – коммерческий геостационарный спутник связи (2016, космодром «Сичан», Китайская Народная Республика);

ВКА – космический аппарат дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) (2012, космодром «Байконур», Республика Казахстан).

При этом комплексная архитектура правового регулирования космической отрасли включает разные уровни законодательства: международное, интеграционное и национальное. При таком разнообразии рамок ключ к эффективному регулированию кроется в достижении консенсусов и баланса с неперенными ориентирами на национальные интересы и национальную безопасность Республики Беларусь.

В то же время, как следует, например, из анализа фондов Национальной библиотеки Республики Беларусь, лишь фрагментарное количество материалов относится именно к сфере правового регулирования деятельности в космической отрасли. Нами выявлено совсем немного таких публикаций. Так, в Минске изданы 8 (4 научные статьи в журналах, рекомендованных ВАК Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, в 2019 [5, с. 35], 2022 [6, с. 55] и 2024 гг. [7, с. 20; 8, с. 20]; 4 – тезисы докладов, опубликованные в материалах конференций в 2010 [9, с. 156];

10, с. 86], 2021 [11, с. 130], 2024 гг. [12, с. 446]) и 1 в Витебске (тезисы доклада 2019 г.) [13, с. 82]. Вместе с этим показательно, что авторами материалов, изданных в Беларуси, являются аффилированные как с российскими, так и белорусскими учреждениями исследователи, а уровень их «погруженности» ранжируется от студенчества до представителей академической науки, что, по нашему мнению, является добрым знаком в деле обеспечения преемственности поколений, транзита идей, опыта и навыков в этой высокотехнологичной сфере.

Как в Республике Беларусь, так и за ее пределами белорусские ученые в целом освещают самые разнообразные аспекты космических исследований, продолжая делать вклад в развитие глобальной космической отрасли. Так, поднимаются вопросы экономики космоса [1, с. 276; 14, с. 241; 15, с. 113; 16, с. 262], философии космоса [17, с. 84], достижений аэрокосмического образования в Беларуси [18, с. 22], научно-популярного взгляда на путь Беларуси в космос [19, с. 143], белорусских космических систем и технологий [20, с. 78], авторитета белорусской космической науки [21, с. 33], инструментов финансирования космических исследований и технологий [22, с. 432], интеграционного вектора в освоении космоса [23, с. 406].

Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко 29 мая 2025 г. провел совещание с руководством Совета Министров, в ходе которого отдельным треком упоминались перспективы развития и управления регулированием космической деятельности в Республике Беларусь и на интеграционном векторе¹³.

Конституция Республики Беларусь. Решения республиканских референдумов. В результате *республиканского референдума* 27 февраля 2022 г.¹⁴ часть 2 статьи 51 *Конституции Республики Беларусь* была допол-

¹³ Совещание с руководством Совета Министров // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь, 29.05.2025. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/maj/88902/> (дата обращения: 30.05.2025).

¹⁴ Решение республиканского референдума 27 февраля 2022 г. // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 04.03.2022. 1/20213.

нена и в новой редакции предусматривает содействие государства развитию научных и технических исследований, внедрению инноваций на благо общих интересов. Как и прежде, в Республике Беларусь признается приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивается соответствие им законодательства, а также предусматривается добровольность входа в межгосударственные образования и выхода из них в соответствии с нормами международного права (части 1–2 статьи 8)¹⁵, что позволяет Республике Беларусь в рамках участия в межгосударственных интеграционных образованиях осуществлять деятельность в сфере развития космических технологий.

Решения Всебелорусского народного собрания. В настоящее время решения Всебелорусского народного собрания (ВНС) обособлены в иерархии законодательства Республики Беларусь. Решения ВНС, утверждающие основные направления внутренней и внешней политики, военную доктрину, концепцию национальной безопасности, программу социально-экономического развития, введение чрезвычайного или военного положения, включены в состав законодательства Республики Беларусь (часть 2 пункта 2 статьи 3)¹⁶. Однако место таких актов в иерархии нормативных правовых актов законодательством прямо не определено.

С учетом конституционного статуса ВНС как высшего представительного органа народовластия Республики Беларусь, определяющего стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающего незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие (статья 89)¹⁷, предполага-

ем, что юридическая сила законов уступает по этому критерию решениям ВНС.

Утвержденные ВНС доктринальные и концептуальные документы по вопросам обеспечения безопасности прямо называют одной из основных тенденций современного мира создание предпосылок для военной экспансии в околоземном *космическом пространстве*¹⁸. Отмечается тренд на использование *космического пространства* в борьбе за ресурсы и его позиционирование как сферы приложения усилий по перемещению интеллектуальных продуктов, услуг и финансов¹⁹.

Законы Республики Беларусь. В отличие от Российской Федерации²⁰, Республики Казахстан²¹, в Республике Беларусь нет специального закона, определяющего основы правового регулирования космической деятельности. Однако фрагментарное упоминание различных аспектов, относящихся к сфере космоса, содержится в различных кодифицированных и обычных законах.

Так, одной из сфер реализации внешней политики Республики Беларусь является международное сотрудничество в области *космической деятельности* (пункт 26) по вопросам участия в международных программах исследования и использования *космического пространства*, и развитию научно-технического потенциала белорусских организаций, работающих в области *космической деятельности* (пункт 29)²².

№ 2875-XII // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 04.03.2022. 1/20213.

¹⁸ Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Решение Всебелорусского народного собрания, 25 апр. 2024 г., № 5 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 26.04.2024. 1/21360.

¹⁹ Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь: Решение Всебелорусского народного собрания, 25 апр. 2024 г. № 6 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 26.04.2024. 1/21361.

²⁰ О космической деятельности: Федеральный закон от 20 августа 1993 г., № 5663-1. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9033683> (дата обращения: 18.05.2025).

²¹ О космической деятельности: Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 г., № 528-IV. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z1200000528/22.07.2024> (дата обращения: 18.05.2025).

²² Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики: Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2005 г., № 60-3; в ред. Закона Респ.

¹⁵ Конституция Республики Беларусь 1994 года: Основной Закон Респ. Беларусь, 15 марта 1994 г. № 2875-XII; в ред., принятой на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 04.03.2022. 1/20213.

¹⁶ О нормативных правовых актах: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.06.2024 г., № 15-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 03.07.2024. 2/3101.

¹⁷ Конституция Республики Беларусь 1994 года: Основной Закон Респ. Беларусь, 15 марта 1994 г.

Гражданское законодательство приравнивает *космические объекты* к недвижимым вещам (часть 2 статьи 130)²³.

Воздушное законодательство предусматривает равные права пользователей на использование воздушного пространства Республики Беларусь. Если возникает необходимость использования воздушного пространства одновременно несколькими пользователями, установлена приоритетность. В таких случаях *запуск, посадка, поиск и эвакуация космических аппаратов и их экипажей* являются третьим приоритетом после отражения воздушного нападения (1) и оказания помощи при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера (2)²⁴.

В отношении возбуждения производств по искам о правах на *космические объекты* предусмотрена исключительная подсудность: иски предъявляются по месту государственной регистрации космических объектов (пункт 2 статьи 49)²⁵.

Страной происхождения товаров считается Республика Беларусь, если товары полностью получены в Республике Беларусь (статья 21). При этом товарами, полностью полученными в Республике Беларусь, считаются, помимо прочего, продукция высоких технологий, полученная на *космических объектах*, находящихся в *космическом пространстве*, если Республика Беларусь является государством регистрации соответствующего *космического объекта* (статья 22)²⁶.

Беларусь от 04.06.2015 г., № 275-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 10.06.2015. 2/2273.

²³ Гражданский кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г., № 62-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 21.02.2025. 2/3148.

²⁴ Воздушный кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 16 мая 2006 г., № 117-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2024 г., № 346-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 10.01.2024. 2/3066.

²⁵ Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 11 марта 2024 г., № 359-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 26.03.2024. 2/3079.

²⁶ О таможенном регулировании в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2014 г., № 129-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024 г., № 366-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 26.04.2024. 2/3086.

К страхованию *космических рисков*, помимо общих лицензионных требований в сфере добровольного страхования гражданской ответственности, предъявляется требование об осуществлении деятельности на рынке страховых услуг Республики Беларусь не менее трех лет (пункты 1, 5)²⁷.

Использование съемочной аппаратуры *космического базирования* в целях ДЗЗ отнесена к геодезическим и картографическим работам специального назначения (статья 13)²⁸, а земельное законодательство определяет использование данных ДЗЗ в целях землеустройства (статьи 94, 95 и 99)²⁹. Ответственность за нарушение законодательства о геодезической и картографической деятельности предусмотрена отсылочной нормой и устанавливается законодательными актами (статья 32)³⁰. В частности, нарушение порядка производства топографо-геодезических и картографических работ, сбора, учета, хранения, размножения или использования таких материалов и данных, равно как непередача их копий в государственный картографо-геодезический фонд, влечет наступление административной ответственности (наложение штрафа) (статья 16.14)³¹. За преступления в сфере космической деятельности уголовная ответственность прямо не определена в Республике Беларусь. Вместе с этим данные ДЗЗ представляют собой компьютерную информацию, а несанкционированный доступ к компьютерной информации (статья 349), уничтожение, блокирование или модификация такой ин-

²⁷ О лицензировании: Закон Респ. Беларусь, 14 окт. 2022 г., № 213-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.11.2024 г., № 39-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 04.12.2024. 2/3125.

²⁸ О геодезической и картографической деятельности: Закон Респ. Беларусь, 14 июля 2008 г., № 396-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.12.2021 г., № 132-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 16.12.2021. 2/2852.

²⁹ Кодекс Республики Беларусь о земле: 23 июля 2008 г., № 425-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.10.2012 г., № 432-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 03.11.2012. 2/1984.

³⁰ Там же.

³¹ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 91-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г., № 61-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 20.02.2025. 2/3147.

формации (статья 350) образуют самостоятельные составы, равно как и другие преступления против компьютерной безопасности (статьи 352, 354–355)³².

Декреты и указы Главы государства составляют отдельную и важнейшую группу нормативных правовых актов в космической отрасли. Так, с 2004 г. функции по проведению единой государственной политики, координации и государственному регулированию исследования и использования *космического пространства* в мирных целях возложены на Национальную академию наук Беларуси (НАН Беларуси). Администрирование эксплуатации *Белорусской космической системы дистанционного зондирования Земли* (БКСДЗЗ) и *белорусского космического аппарата*, а также взаимодействия с партнерами по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях возложено на Республиканское унитарное предприятие «Геоинформационные системы» НАН Беларуси³³ (национальный оператор).

Для администрирования систематизации законодательства, обмена правовой информацией с 1999 г. внедрен Единый правовой классификатор Республики Беларусь³⁴, предусматривающий рубрику *международное космическое право* (16.03.23.00) как направление международного экономического сотрудничества (16.03.20) раздела международного сотрудничества (16.03) блока законодательства в области международных отношений и внешней политики Республики Беларусь (16).

³² Уголовный кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г., № 61-З // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 20.02.2025. 2/3147.

³³ О реализации государственной политики Республики Беларусь в области исследования и использования космического пространства в мирных целях: Указ Президента Респ. Беларусь, 22 дек. 2004 г., № 609; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 08.09.2011 г., № 403 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2011. № 103. 1/12824.

³⁴ Об утверждении Единого правового классификатора Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 4 янв. 1999 г., № 1; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь 31.03.2025 г., № 130 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 02.04.2025. 1/21892.

На период 2024–2028 гг. предусмотрена реализация совместного белорусско-российского проекта по развитию БКСДЗЗ и определены участники проекта от Республики Беларусь, а также условия их деятельности³⁵.

Разработка, отдельные этапы разработки *космических технологий* предусмотрены как возможные виды деятельности резидентов Парка высоких технологий Республики Беларусь³⁶. Предусмотрены особые правила для лицензирования деятельности, связанной со специфическими объектами. Так, ракетные и *космические системы* отнесены к военной продукции, в отношении которой выполняются работы и услуги, составляющие лицензируемый вид деятельности (подпункт 1.1 пункта 1)³⁷.

В 2020 г. в связи с пандемией коронавируса предпринимался ряд мер, направленных на минимизацию влияния на экономику Республики Беларусь, включающий определение видов экономической деятельности, наиболее подверженных неблагоприятному воздействию эпидемиологической ситуации, к числу которых были отнесены *деятельность космического транспорта*³⁸.

Приоритетные направления научной, научно-технической и инновационной деятельности на пятилетнюю перспективу, в том числе по вопросам *аэрокосмических и*

³⁵ Президент подписал Указ о реализации совместного с Россией космического проекта // Пресс-служба Президента Республики Беларусь, 2025. URL: <https://president.gov.by/ru/events/prezident-podpisal-ukaz-o-realizacii-sovmestnogo-s-rossiei-kosmicheskogo-proekta> (дата обращения: 10.05.2025).

³⁶ О Парке высоких технологий: Декрет Президента Респ. Беларусь, 22 сент. 2005 г., № 12; в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 18.03.2021 г., № 1 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 20.03.2021. 1/19578.

³⁷ О порядке лицензирования видов деятельности, связанных со специфическими товарами (работами, услугами): Указ Президента Респ. Беларусь, 16 февр. 2012 г., № 71; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 18.06.2021 г., № 222 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 19.06.2021. 1/19732.

³⁸ О поддержке экономики: Указ Президента Респ. Беларусь, 24 апр. 2020 г., № 143; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 13.06.2023 г., № 171 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 14.06.2023. 1/20889.

геоинформационных технологий, также утверждаются актами Главы государства³⁹.

Государственные программы инновационного развития страны предусматривают концентрацию усилий на разработке *космических средств ДЗЗ*; материалов и комплектующих для *космических аппаратов и авиакосмических технологий* (2016–2020 гг.)⁴⁰; разработке композиционных и multifunctionальных материалов для *аэрокосмической промышленности*; производстве матриц для систем обработки информации *космических летательных аппаратов*; *космическом зондировании* для оптимизации сроков и методов обработки и уборки урожая (2021–2025 гг.)⁴¹.

Постановления Правительства Республики Беларусь. Совет Министров Республики Беларусь непосредственным образом вовлечен в сферу космической деятельности. Так, Национальная программа исследования и использования космического пространства в мирных целях на 2008–2012 гг. (пункт 7)⁴² одним из направлений космической деятельности называет *подготовку нормативных правовых актов по вопросам государственного регулирования и экономического обеспечения космической деятельности в Республике Беларусь*.

Подпрограммой «Исследование и использование космического пространства в

мирных целях» планировалось решение задачи по *созданию и развитию нормативно-правового обеспечения космической деятельности*⁴³.

Актами Правительства предусматривается бюджетирование ряда подпрограмм в сфере космической деятельности: по созданию системы профессионального *аэрокосмического образования*; применению *космической информации* в лесном хозяйстве; оценке актуального состояния сельскохозяйственных земель с применением систем *космической информации*; обеспечению безопасности информационных *космических технологий*⁴⁴.

Концепцией развития инженерного образования в Республике Беларусь на период до 2035 года предусмотрены перспективные инженерные специальности, в том числе «*Космическая робототехника*» на базе Белорусского государственного университета и Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники⁴⁵.

При этом наименования специальностей общего высшего образования, обеспечивающего получение степени «Бакалавр», в настоящее время укрупнились. Так, специальности «Радиофизика» (код 1-31 04 02 по ОКРБ 011-2009) и «Аэрокосмические радиоэлектронные и информационные системы и технологии» (код 1-31 04 04 по ОКРБ 011-2009) с присвоением соответственно квалификаций «Радиофизик» и «Специалист по аэрокосмическим радиоэлектронным и информационным системам и технологиям».

³⁹ О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 7 мая 2020 г., № 156 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 08.05.2020. 1/18986.

⁴⁰ О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 31 янв. 2017 г., № 31; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 07.07.2020 г., № 254 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 09.07.2020. 1/19112.

⁴¹ О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 15 сент. 2021 г., № 348; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 25.10.2022 г., № 381 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 03.11.2022. 1/20586.

⁴² О Национальной программе исследования и использования космического пространства в мирных целях на 2008–2012 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 окт. 2008 г., № 1517; в ред. постановления Респ. Беларусь от 13.04.2012 г., № 346 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2012. № 46. 5/35575.

⁴³ О Государственной программе «Наукоемкие технологии и техника» на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 апр. 2021 г., № 245; в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 31.07.2024 г., № 558 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 06.08.2024. 5/53755.

⁴⁴ О направлениях использования средств республиканского бюджета, предусмотренных в 2009 году на научную, научно-техническую и инновационную деятельность, и перечне государственных заказчиков по данным направлениям: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 января 2009 г., № 112; в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 24.12.2009 г., № 1693 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2010. № 1. 5/30962.

⁴⁵ Об утверждении Концепции развития инженерного образования в Республике Беларусь на период до 2035 года: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 мая 2025 г., № 264 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 17.05.2025. 5/54845.

Радиофизик» объединены в специальность «Радиофизика и информационные технологии» (код 6-05-0533-05 по ОКРБ 011-2022) с присвоением квалификации «Радиофизик. Инженер-программист»⁴⁶, то есть *фокус с собственно аэрокосмических аспектов смещен*. Полагаем, имиджу и популяризации космонавтики и космических исследований в большей степени способствовали наименования специальностей и квалификаций в предшествующей редакции. Вместе с тем указатель специальностей и степеней углубленного высшего образования, обеспечивающего получение степени «Магистр», дополнен специальностью магистратуры «Аэрокосмические технологии» (7-06-0533-09).

На 2021–2025 гг. планировались тематические разработки в области технического (в том числе в сфере *космонавтики*) науковедения⁴⁷.

Нормативные правовые акты министерств, иных республиканских органов государственного управления. Прикладной характер носят акты республиканских органов государственного управления, имеющие полномочия в сфере использования. Например, определяется порядок предоставления заинтересованным лицам доступа к ортоизображению, а также иным материалам и данным, содержащимся в географическом информационном ресурсе данных ДЗЗ⁴⁸. К видам экономической деятельности отнесены *производство* космических летательных аппаратов, ракет-носителей, искусственных спутников, планетарных

зондов, орбитальных станций, космических кораблей многократного использования; запуск спутников и космических кораблей; космические перевозки пассажиров и грузов⁴⁹.

Заключение

Придерживаясь теории об интересах как особо значимой детерминанте образования права [24, с. 365; 25, с. 203] и фундаментальной движущей силе правотворчества, полагаем, *устойчивое социально-экономическое развитие и обеспечение национальной безопасности* Республики Беларусь являются достаточно аргументированными интересами для развития *национального белорусского космического законодательства*.

Проведенный анализ показал, что в Конституции Республики Беларусь, равно как в решениях республиканских референдумов напрямую не закреплены нормы о космической деятельности. В Конституции Российской Федерации (пункт «и» статьи 71)⁵⁰, например, закрепляется положение о *нахождении в ведении Российской Федерации деятельности в космосе*, что обусловлено исторически сложившимися предпосылками развития наукоемкой космической промышленности и инфраструктуры для разработки и производства космических аппаратов, ракет-носителей, достижениями пилотируемой космонавтики и исследования космоса.

В доктринальных и концептуальных документах Республики Беларусь, не отрицая вклада космических технологий в общечеловеческий прогресс и развитие конкуренции, признается уязвимость околоземного космического пространства как среды для реализации военной экспансии.

Отсутствие в Республике Беларусь специального закона по вопросам космической

⁴⁶ Об утверждении, введении в действие и отмене общегосударственного классификатора Республики Беларусь: постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 24 марта 2022 г., № 54; в ред. постановления М-ва образования Респ. Беларусь от 26.11.2024 г., № 167 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь, 04.12.2024. № 8/42472.

⁴⁷ О Государственной программе «Научно-инновационная деятельность Национальной академии наук Беларуси» на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 апр. 2021 г., № 238; в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 18.12.2024, № 960 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь, 20.12.2024. 5/54341.

⁴⁸ О географическом информационном ресурсе данных дистанционного зондирования Земли: постановление Государственного комитета по имуществу Респ. Беларусь, 6 дек. 2022 г., № 40 // ЭТАЛОН-онлайн. Минск, 2025.

⁴⁹ Об утверждении, введении в действие общегосударственного классификатора Республики Беларусь: постановление Государственного комитета по стандартизации Респ. Беларусь, 5 дек. 2011 г., № 85; в ред. постановления Нац. статистич. комитета Респ. Беларусь от 29.10.2021 г., № 99 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь, 29.11.2021. 7/4905.

⁵⁰ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.05.2025).

деятельности, технологий и стратегических приоритетов компенсируется фрагментарным упоминанием различных аспектов в отраслевом законодательстве (гражданском, воздушном, земельном, страховом, лицензионном, гражданском процессуальном и др.). При этом пенальное законодательство [26, с. 110] не выделяет нарушения в сфере космической деятельности в качестве объекта правонарушений (кроме косвенных контекстов: нарушение законодательства о геодезической и картографической деятельности, осуществляемой с применением данных ДЗЗ). В то время как, например, космическое законодательство Германии предусматривает административную и уголовную ответственность за нарушение порядка распространения данных ДЗЗ высокого разрешения⁵¹.

Акты Президента Республики Беларусь весьма разнообразны: от учреждающих до содержащих меры оперативного реагирования; от определяющих приоритеты в космической индустрии до разрешающих отдельные виды деятельности в этой сфере.

⁵¹ Act to give Protection against the Security Risk to the Federal Republic of Germany by the Dissemination of High-Grade Earth Remote Sensing Data, 2007. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/satdsig/BJNR259000007.html> (accessed: 13.05.2025).

Исключительно *постановления Правительства Республики Беларусь* затрагивают вопросы организации нормативного правового обеспечения и юридического сопровождения космической деятельности, подготовки кадров для космической индустрии. В то же время вопросы подготовки космических юристов не поднимаются. Полагаем, первым шагом на пути создания специального национального законодательства должны стать вопросы подготовки специалистов в сфере космического права, а следовательно, нужны учебные программы и изменения учебных планов.

Нормотворчество *министерств и республиканских органов государственного управления* носит исключительно прикладной характер.

В качестве финального тезиса отметим, что проведенный анализ позволяет увидеть перспективы развития национального белорусского космического законодательства, а также наметить пути продолжения исследования в части правового обеспечения участия Республики Беларусь в космической деятельности в рамках интеграционных образований, а также международных организаций.

Список источников

1. Чурсин А.А., Мелешко Ю.В., Анфимова М.Л.И. Состояние и основные направления развития космической отрасли Республики Беларусь: попытка методологического обобщения // Экономическая наука сегодня. 2017. Вып. 5. С. 276-295. <https://elibrary.ru/wyrtfj>
2. Табанбаева А.С. Формирование национального законодательства о космической деятельности в зарубежных странах // Право и государство. 2017. № 3–4 (76–77). С. 169-185. <https://elibrary.ru/urmupa>
3. Шинкарецкая Г.Г. Аналогии в международном праве и проблемы развития космического права // Международное право. 2021. № 2. С. 25-36 <https://doi.org/10.25136/2644-5514.2021.2.35927>, <https://elibrary.ru/lagayn>
4. Витязь П.А., Золотой С.А., Буча И.Н., Котов Д.С. Космические исследования в Республике Беларусь: оценка достигнутого и перспективы // Восьмой Белорусский космический конгресс: материалы конгресса: в 2 т. Минск, 2022. Т. 1. С. 14-18.
5. Богдан Д.В. О применимости норм международного гуманитарного права к космическому пространству // Юстиция Беларуси. 2019. № 12. С. 35-38. <https://elibrary.ru/ijxogh>
6. Адамов И.Н. Прогрессивное развитие международного космического права в свете целей устойчивого развития // Журнал международного права и международных отношений. 2022. № 1/2. С. 55-60. <https://doi.org/10.33581/2072-0513-2022-1-2-55-60>, <https://www.elibrary.ru/pymegd>
7. Богдан Д.В. О правовом становлении регулирования белорусской космонавтики // Юстиция Беларуси. 2024. № 4. С. 20-24. <https://elibrary.ru/pchqqt>
8. Богдан Д.В. Правовое регулирование прикладных видов космической деятельности: опыт Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. 2024. № 10. С. 20-23. <https://elibrary.ru/dbokka>

9. *Пуховский В.И.* Международно-правовая ответственность за деятельность в космосе // Управление в социальных и экономических системах: XIX Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2010. С. 156-157.
10. *Жданок А.С.* Международно-правовое регулирование коммерциализации космической деятельности // Теория и практика совершенствования законодательства и правоприменения: традиции и новации: материалы Междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов. Минск, 2010. С. 86-87.
11. *Адамов И.Н.* Обеспечение долгосрочной устойчивости космической деятельности // Беларусь в современном мире: материалы XX Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию образования Белорусского государственного университета. Минск, 2021. С. 130-135. <https://elibrary.ru/abcczo>
12. *Бахаев А.А.* Политико-правовое обоснование реализации геокосмической программы uSpace в рамках международного объединения БРИКС // Безракетная индустриализация ближнего космоса: проблемы, идеи, проекты: сборник материалов VI Междунар. науч.-техн. конф. Минск, 2024. С. 446-453. <https://elibrary.ru/bliqzf>
13. *Морозов Е.В., Рубо О.П.* Понятие, развитие и правовые основы международного космического права как отрасли международного публичного права // Актуальные проблемы правового регулирования международных отношений: сб. науч. ст. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2019. С. 82-87. <https://elibrary.ru/nhzhbw>
14. *Солодовников С.Ю., Анфимова М.Л.И., Мелешко Ю.В.* Проблемы и перспективы перехода Республики Беларусь к новому технологическому укладу: сквозь призму экономики космоса // Бизнес в законе. 2015. № 5. С. 241-246. <https://elibrary.ru/uogsuv>
15. *Тур А.Н., Мелешко Ю.В.* Космическая экономика как отрасль хозяйствования // Экономическая наука сегодня. 2016. Вып. 4. С. 113-123. <https://elibrary.ru/ufqhuh>
16. *Солодовников С.Ю., Васюченко Л.П., Кузьмицкая Т.В., Мелешко Ю.В., Сергеевич Т.В., Солодовникова Т.В.* Развитие экономики космической деятельности Республики Беларусь на основе интегрированных горизонтальных структур // Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке. Минск: БНТУ, 2018. Гл. 6. С. 262-303.
17. *Колесников А.В.* Космический и молекулярный человек в процессе цифровой трансформации социальных систем Беларуси и России // Воздушно-космическая сфера. 2021. № 2 (107). С. 84-97. <https://doi.org/10.30981/2587-7992-2020-107-2-84-97>, <https://elibrary.ru/wqjjnd>
18. *Саечников В.А.* Аэрокосмическое образование в Беларуси // Наука и инновации. 2013. № 5. С. 22-24. <https://elibrary.ru/tkqdgz>
19. *Витязь П.А., Килин С.Я., Золотой С.А.* [и др.] Космос: право и менеджмент // Беларусь. Путь в космос / гл. ред. П.А. Витязь. Минск, 2018. С. 143-168.
20. *Золотой С.А.* Нормативное обеспечение создания и развития космической системы дистанционного зондирования Земли // Вестник НПО им. С.А. Лавочкина. 2017. № 3 (37). С. 78-82. <https://elibrary.ru/zdiygx>
21. *Абламейко С.В.* Вклад БГУ в исследование космоса // Наука и инновации. 2016. № 4. С. 33-36. <https://elibrary.ru/wadcdj>
22. *Солодовников С.Ю., Мелешко Ю.В., Анфимова М.Л.* Некоторые особенности использования институтов государственно-частного партнерства в космической отрасли // Современные проблемы развития экономики и управления в регионе: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2016. С. 432-439. <https://elibrary.ru/wedjmi>
23. *Витязь П.А.* Состояние и перспективы развития сотрудничества Беларуси и России в области космических технологий // Технологическая независимость и конкурентоспособность Союзного государства, стран СНГ, ЕАЭС и ШОС: сб. ст. VI Междунар. науч.-техн. конф.: в 3 т. Минск: Бел. гос. техн. ун-т, 2023. С. 406-414. <https://elibrary.ru/nsmuxs>
24. *Волков И.А.* Выявление общественно значимых интересов для разработки проекта нормативного правового акта в эпоху цифровизации: воздействие на динамику правоотношений // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. С. 363-369. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-363-369>, <https://elibrary.ru/ezsed>
25. *Милосердов Н.А.* Публичные интересы в праве: Понятие и содержание // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 10 (131). С. 202-211. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.131.10.202-211>, <https://elibrary.ru/tnfxjv>
26. *Хомич В.М.* Систематика пенальных типов ответственности в белорусском праве // Совершенствование правового регулирования и механизмов функционирования системы противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Минск: Изд. центр БГУ, 2013. С. 110-115.

References

1. Chursin A.A., Meleshko Yu.V., Anfimova M.L.I. (2017). The state and main directions of development of the space industry of the Republic of Belarus: an attempt at a methodological generalization. *Ekonomicheskaya nauka segodnya = Economic Science Today*, no. 5, pp. 276-295. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wyrtfj>
2. Tabanbaeva A.S. (2017). Formation of national legislation on space activities in foreign countries. *Pravo i gosudarstvo = Law and State*, no. 3-4 (76-77), pp. 169-185. (In Russ.) <https://elibrary.ru/urmupa>
3. Shinkaretskaya G.G. (2021). Analogies in international law and problems of the development of space law. *Mezhdunarodnoe pravo = International Law*, no. 2, pp. 25-36 (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2644-5514.2021.2.35927>, <https://elibrary.ru/lagayn>
4. Vityaz P.A., Zolotoi S.A., Bucha I.N., Kotov D.S. (2022). Space research in the Republic of Belarus: assessment of achievements and prospects. *Vos'moi Belorusskii kosmicheskii kongress: v 2 t. = Eighth Belarusian Space Congress: in 2 vols.* Minsk, vol. 1, pp. 14-18. (In Russ.)
5. Bogdan D.V. (2019). Applicability of international humanitarian law to outer space. *Yustitsiya Belarusi = Justice of Belarus*, no. 12, pp. 35-38. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ijxogh>
6. Adamov I.N. (2022). International legal instruments on the use of outer space in the global agenda for sustainable development. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii = Journal of International Law and International Relations*, no. 1/2, pp. 55-60. (In Russ.) <https://doi.org/10.33581/2072-0513-2022-1-2-55-60>, <https://www.elibrary.ru/pymegd>
7. Bogdan D.V. (2024). On the legal formation of regulation of Belarusian cosmonautics. *Yustitsiya Belarusi = Justice of Belarus*, no. 4, pp. 20-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pchqtt>
8. Bogdan D.V. (2024). Legal regulation of applied types of space activities: the experience of the Republic of Belarus. *Yustitsiya Belarusi = Justice of Belarus*, no. 10, pp. 20-23. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dbokka>
9. Pukhovskii V.I. (2010). International legal responsibility for activities in outer space. *XIX Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Upravlenie v sotsial'nykh i ekonomicheskikh sistemakh» = 19th International Scientific and Practical Conference "Management in Social and Economic Systems"*. Minsk, pp. 156-157. (In Russ.)
10. Zhdanok A.S. (2010). International legal regulation of the commercialization of space activities. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov «Teoriya i praktika sovershenstvovaniya zakonodatel'stva i pravoprimereniya: traditsii i novatsii» = Proceedings of the International Scientific Conference of Students, Master's Degree Students, and Postgraduate Students "Theory and Practice of Improving Legislation and Law Enforcement: Traditions and Innovations"*. Minsk, pp. 86-87. (In Russ.)
11. Adamov I.N. (2021). Ensuring long-time sustainability of the outer space activities. *Materialy XX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta «Belarus' v sovremennom mire» = Proceedings of the XX International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Belarusian State University "Belarus in the Modern World"*. Minsk, pp. 130-135. (In Russ.) <https://elibrary.ru/abcczo>
12. Bakhaev A.A. (2024). Political and legal justification for the implementation of the USPACE geocosmic program within the framework of the BRICS international association. *Bezraketnaya industrializatsiya blizhnego kosmosa: problemy, idei, proekty: sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii = Proceedings of the 6th International Scientific and Technical Conference: Rocketless Industrialization of Near Space: Problems, Ideas, Projects*. Minsk, pp. 446-453. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bliqzf>
13. Morozov E.V., Rubo O.P. (2019). The Concept, Development, and Legal Foundations of International Space Law as a Branch of Public International Law. *Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya mezhdunarodnykh otnoshenii = Current Issues in the Legal Regulation of International Relations*. Vitebsk, P.M. Masharov Vitebsk State University, pp. 82-87. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nhzhbw>
14. Solodovnikov S.Yu., Anfimova M.L.I., Meleshko Yu.V. (2015). Problems and prospects of transition of the republic of belarus to a new wave of innovation: through the space economy prism. *Biznes v zakone = Business in Law*, no. 5, pp. 241-246. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uogsuv>
15. Tur A.N., Meleshko Yu.V. (2016). Space economy as a sector of the economy. *Ekonomicheskaya nauka segodnya = Economic Science Today*, no. 4, pp. 113-123. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ufqhuh>
16. Solodovnikov S.Yu., Vasyuchenok L.P., Kuzmitskaya T.V. et al. (2018). Development of the space activities economy of the Republic of Belarus based on integrated horizontal structures. *Gorizontalnaya kul'tura sotsial'nykh vzaimodeistvii – potentsial razvitiya ekonomiki i obshchestva v XXI veke = Horizontal Culture*

- of Social Interactions – Potential for the Development of Economy and Society in the 21st Century. Minsk, Belarusian National Technical University Publ., ch. 6, pp. 262-303. (In Russ.)
17. Kolesnikov A.V. (2021). Space and molecular human in the process of social systems digital transformation in Belarus and Russia. *Vozdushno-kosmicheskaya sfera = Aerospace Sphere Journal*, no. 2 (107), pp. 84-97. (In Russ.) <https://doi.org/10.30981/2587-7992-2020-107-2-84-97>, <https://elibrary.ru/wqjjnd>
 18. Saechnikov v.a. (2013). Airspace education in Belarus. *Nauka i innovatsii = Science and Innovation*, no. 5, pp. 22-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tkqdgz>
 19. Vityaz P.A., Kilin S.Ya., Zolotoi S.A. et al. (2018). Space: law and management. Belarus'. *Put' v kosmos = Belarus. The Path to Space*. Minsk, pp. 143-168. (In Russ.)
 20. Zolotoy S.A. (2017). Normative support of design and development of Earth remote sensing space system. *Vestnik NPO im. S.A. Lavochkina = Bulletin of the S.A. Lavochkin Scientific and Production Association*, no. 3 (37), pp. 78-82. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zdiygg>
 21. Ablameiko S.V. (2016). The BSU participation in the space exploration. *Nauka i innovatsii = Science and Innovation*, no. 4, pp. 33-36. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wadcdj>
 22. Solodovnikov S.Yu., Meleshko Yu.V., Anfimova M.L. (2016). Some features of using public-private partnership institutions in the space industry. *Materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovremennye problemy razvitiya ekonomiki i upravleniya v regione» = Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference “Modern Problems of Economic and Management Development in the Region”*. Perm, pp. 432-439. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wedjnj>
 23. Vityaz P.A. (2023). The state and prospects of development of cooperation between Belarus and Russia in the field of space technologies. *Sbornik statei VI Mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii «Tekhnologicheskaya nezavisimost' i konkurentosposobnost' Soyuznogo gosudarstva, stran SNG, EAES i ShOS»: v 3 t. = Collection of Articles of the VI International Scientific and Technical Conference “Technological Independence and Competitiveness of the Union State, CIS Countries, EAEU, and SCO”*: in 3 vols. Minsk, Belarusian State Technological University Publ., pp. 406-414. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nsmuxs>
 24. Volkov I.A. (2023). Identification of social significant interests for draft regulatory legal act development in the digitalization era: impact on legal relations' dynamics. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 3, pp. 363-369. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-363-369>, <https://elibrary.ru/eezsed>
 25. Miloserdov N.A. (2021). Public interests in law: concept and content. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, vol. 16, no. 10 (131), pp. 202-211. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.131.10.202-211>, <https://elibrary.ru/tnfxjv>
 26. Khomich V.M. (2013). Systematics of penal types of liability in Belarusian law. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya i mekhanizmov funkcionirovaniya sistemy protivodeistviya prestupnosti» = Improving Legal Regulation and the Functioning Mechanisms of the Crime Counteraction System “Proceedings of the International Scientific and Practical Conference”*. Minsk, BSU Publishing Center, pp. 110-115. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 01.06.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 336.789

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-410-419>

Шифр научной специальности 5.1.3

Проблемы применения и толкования положений о лотерейных обязательствах в частном праве

Баукин Вячеслав Геннадьевич,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5, <https://orcid.org/0000-0002-0918-4075>, baukinvg@mail.ru

Сварчевский Константин Геннадьевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5, <https://orcid.org/0000-0003-0376-9096>, svarchewsky@yandex.ru

Аннотация

Совершенствование гражданского законодательства, разработка и применение специальных договорных правил невозможны без осмысления социально-экономической природы регулируемых отношений. Оценка особенностей и анализ идеальной модели проведения лотерей позволяет выявить проблемы доктринального понимания субъектного состава, формы и содержания лотерейного обязательства, а также установить специфику толкования и правоприменения. Общая цель исследования реализуется путем решения ряда последовательных задач. Исходной является определение места лотереи в системе азартных игр, ее оценка с позиций нравственности, экономической полезности и социальной оправданности. Выявление и устранение терминологической неопределенности позволит ясно различать внеправовые и правовые отношения. Признание договорного характера лотереи ставит задачу выяснения характера, существенных условий договора; участие в лотереях физических лиц требует оценить применимость законодательства о защите прав потребителей. Прикладной задачей следует считать выявление пробелов правовой регламентации исполнения лотерейного обязательства. Для решения поставленных задач наряду с применением общей правовой методологии использован инструментарий сравнительного правоведения. Оценка выявленных формальных недостатков специального законодательства дана с учетом требований к юридической терминологии, структуре нормативных правовых актов, законодательному стилю. В результате исследования получил подтверждение тезис о недостатках в понимании лотерейного обязательства и необходимости корректировки гражданского законодательства. В сущностной части должны быть решены наиболее актуальные задачи, в частности, установление существенных условий; применимость законодательства о защите прав потребителей; оптимизация правил, определяющих исполнение лотерейного договора.

Ключевые слова

гражданское право, толкование норм частного права, применение норм частного права, лотерея, лотерейное обязательство, характер договора, условия лотерейного договора, законодательство о защите прав потребителей

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

В.Г. Баукин – постановка проблемы исследования, поиск и анализ научной литературы, сбор и обработка нормативных документов, проведение исследования, написание черновика рукописи, формулировка выводов и результатов исследования. К.Г. Сварчевский – идея исследования, поиск и анализ научной литературы, разработка методологии, сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных стран и Российской Федерации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Баукин В.Г., Сварчевский К.Г. Проблемы применения и толкования положений о лотерейных обязательствах в частном праве // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 410-419. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-410-419>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-410-419>

OECD 5.05; ASJC 3308

Problems of application and interpretation of provisions on lottery obligations in private law

Vyacheslav G. Baukin,

Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Associate Professor of the Civil Law Department, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, 5 Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0918-4075>, baukinvg@mail.ru

Konstantin G. Svarchevsky,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, 5 Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0376-9096>, svarchewsky@yandex.ru

Abstract

Improving civil legislation, developing and applying special contractual rules is impossible without understanding the socio-economic nature of the regulated relationships. Assessing the characteristics and analyzing the ideal model for conducting lotteries allows us to identify problems in the doctrinal understanding of the subject composition, form, and content of the lottery obligation, as well as to establish the specifics of interpretation and enforcement. The overall goal of the research is achieved by solving a series of consecutive tasks. The starting point is the definition of the lottery's place in the gambling system, its evaluation from the perspectives of morality, economic utility, and social justification. Identifying and eliminating terminological uncertainty will allow for a clear distinction between non-legal and legal relations. Recognizing the contractual nature of the lottery sets the task of clarifying the nature and essential terms of the contract; participation in lotteries by individuals requires assessing the applicability of consumer protection legislation. The applied task should be to identify gaps in the legal regulation of lottery obligations. To solve the tasks set, along with the application of general legal methodology, the tools of comparative law were used. The assessment of the identified formal shortcomings in special legislation is given taking into account the requirements for legal terminology, the structure of normative legal acts, and legislative style. The study confirmed the thesis about shortcomings in understanding lottery obligations and the need to amend civil law. The essential part should address the most pressing issues, including the establishment of essential terms; the applicability of consumer protection legislation; and the optimization of the rules governing the execution of the lottery contract.

Keywords

civil law, interpretation of private law, application of private law, lottery, lottery obligations, nature of the contract, terms of the lottery contract, consumer protection legislation

Funding

This research received no external funding.

Authors' contribution

V.G. Baukin – research problem statement, scientific literature selection and analysis, normative documents selection and analysis, conducting research, writing – original draft preparation, formulation of conclusions and results of the study. K.G. Svarchevsky – research idea, scientific literature selection and analysis, methodology development, comparative legal analysis of the legislation of foreign countries and the Russian Federation.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Baukin, V.G., & Svarchevsky, K.G. (2025). Problems of application and interpretation of provisions on lottery obligations in private law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 410-419. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-410-419>

Введение

Оптимизация гражданского законодательства обеспечивает надлежащее решение вопросов правоприменения. Система правовых норм, применяемых для регулирования имущественного оборота, должна развиваться, формируя совокупности (подсистемы) специальных средств, создавая идеальные юридические модели обязательств. Предварительная оценка лотерейного обязательства не дает основания полагать, что такая модель существует.

Специальная глава Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) содержит всего две статьи, и только одна непосредственно относится к лотереям. Достаточно определенно установлена договорная природа обязательства, а также ответственность оператора лотереи при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанности выплаты выигрыша. Пробелов, неточностей и иных уязвимостей больше. Терминологическая неопределенность не позволяет однозначно установить соотношение лотерей и других основанных на риске игр, отсутствует классическая формулировка предмета договора и его существенных условий, не регламентируется порядок формирования призового фонда и алгоритмы (процедуры) определения выигрышей. Все это влечет возникновение ряда вопросов, важных как с точки зрения понимания и применения права, так и с позиции его совершенствования – в частности, определение субъ-

ектного состава, характера договора, применимости к указанным отношениям законодательства о защите прав потребителей.

Специальное законодательство незначительно увеличивает степень правовой определенности. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»² не применяется к организации и проведению лотерей. Единственное суждение, значимое в контексте настоящего исследования, – это признание нетождественности публично-правовых режимов лотерей и азартных игр. В Федеральном законе от 11 ноября 2003 г. № 138-ФЗ «О лотереях»³ (далее – Закон «О лотереях») сферой применения названо государственное регулирование лотерейной деятельности. Лотерея понимается как участие в розыгрыше призового фонда, нормы договорного регулирования даются попутно, исключительно в интересах построения системы публично-правового режима лотерейной деятельности. Такой подход, абсолютно оправданный для нормативного правового акта публичного права, практически не оставляет возможности развития и оптимизации норм гражданского законодательства.

Результаты исследования

Гражданское законодательство России определяет принципиальные основы право-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 7.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 46 (ч. 1). Ст. 4434.

вого регулирования отношений при проведении игр, пари и лотерей. Указанным отношениям посвящена специальная глава ГК РФ. Структурно глава состоит из двух статей, что не является простой традицией, а имеет сущностное значение. Явно выделяются две группы отношений: находящиеся за пределами правового поля и допустимые, подлежащие правовому регулированию. Общий исходный запрет на судебную защиту требований, связанных с организацией игр и пари и участием в них, устанавливает статья 1062 ГК РФ, тогда как статья 1063 ГК РФ определяет особенности проведения лотерей, тотализаторов и иных игр государством и муниципальными образованиями или по их разрешению.

Российское законодательство в данном случае не является уникальным и следует сложившейся традиции правового регулирования. Гражданский кодекс Франции (*Code civil*)⁴ относит игры и пари к числу алеаторных договорных отношений (наряду со страхованием и пожизненной рентой), исключая по общему правилу возможность исковой защиты возникающих долговых требований. Германский гражданский кодекс (*German Civil Code (BGB)*)⁵ устанавливает, что игры и пари не влекут возникновение обязательств, при этом допускается проведение лотерей или игры с санкции государства.

Вынесение игр и пари за пределы правового регулирования является принципиальным подходом и фиксируется гражданским законодательством государств – участников Содружества Независимых Государств. Указанный постулат подчеркивается использованием юридических формул: требования, не подлежащие судебной защите; отсутствие обязательства; недействительность договора. Исключение составляет участие в играх или пари под влиянием обмана, насилия, угрозы или иного дефекта воли.

В качестве особого формального подхода можно назвать Гражданский кодекс Рес-

публики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. № 409⁶, в котором правила о проведении игр, пари и лотерей (статьи 913, 914) включены в главу 46 (Конкурсные обязательства). В Республике Таджикистан указанные правила размещались во втором разделе главы 54 (Публичное обещание награды)⁷, однако Гражданский Кодекс Республики Таджикистан от 1 июля 2023 г.⁸ уже следует традиционной структуре. Модельный Гражданский кодекс для государств – участников СНГ⁹ включает особенности проведения игр и пари в качестве второго параграфа главы 54 (Публичное обещание награды). Структурное обособление норм о проведении игр, пари и лотерей или их формальное объединение в составе конкурсного раздела не меняет главного – признание относительной юридической самостоятельности. Хотя более корректным представляется наличие специальной главы, что, возможно, предполагает корректировку структуры Модельного Гражданского кодекса.

Рассмотренная парадигма связана с представлением об аморальности, социальной безнравственности азартных игр, их противоречии принципам правового регулирования имущественных отношений. Исторический опыт в России [1] и зарубежных странах [2], как правило, подтверждает несовпадение азартных игр с признаваемой системой социальных ценностей. С точки зрения доходности игорный бизнес очень привлекателен, но исключительно велики потенциальные угрозы на личностном (лудомания и ее последствия) и социальном (идея дармовщинки, полученной без труда) уровнях.

⁶ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1999. № 16-17. Ст. 642 (дата обращения: 23.04.2025).

⁷ Гражданский Кодекс Республики Таджикистан. URL: <https://sud.tj/upload/iblock/cff/4406e822qsl35o8y003l2qz5hx1p4yj0.pdf> (дата обращения: 14.04.2025).

⁸ Гражданский Кодекс Республики Таджикистан (утратил силу). URL: <http://ncz.tj/content/гражданский-кодекс-республики-таджикистан-часть-вторая> (дата обращения: 23.04.2025).

⁹ Модельный Гражданский кодекс для государств – участников СНГ (часть вторая) от 13 мая 1995 года. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30075662&doc_id2=30076084#pos=6;-111&sel_link=10005469852 (дата обращения: 29.04.2025).

⁴ *Code civil*. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (accessed: 14.04.2025).

⁵ *German Civil Code (BGB)*. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html#BJNR001950896BJNG006802377> (accessed: 14.04.2025).

В большинстве правовых систем и науке гражданского права отношения, вытекающие из азартных игр и пари, в основном не признаются подлежащими правовой защите [3, с. 488], сфера азартных игр – это область применения публичного законодательства [4; 5]. Правовая доктрина расценивает азартные игры и пари как деятельность, основанную на случайности и риске. Их специфика заключается в отсутствии определенных законом встречных обязательств сторон и невозможности гарантированного исполнения. В таких отношениях результат определяется случайными факторами, а не действиями сторон, что делает его зависимым от субъективных обстоятельств, а не от норм права. При этом стороны, то есть организаторы и участники азартных игр и пари, вступают в такие отношения осознанно, добровольно принимая на себя риск утраты имущества или иных ценностей без обоснованных, специальных гарантий получения выигрыша.

В правоприменительной практике существует специальное обоснование такого подхода. В частности, Конституционный Суд Республики Казахстан указывал, что установленное исключение судебной защиты для обязательств, вытекающих из азартных игр и пари, основано на их правовой природе и несовместимости с основополагающими принципами правового регулирования. Законодательство признает такие отношения неправовыми, не относит их к гражданско-правовым обязательствам, соответствующим принципу правовой определенности, и, как следствие, лишает судебной защиты¹⁰. Учитываемым квалифицированным признаком является дефект социальной полезности, Высший Арбитражный суд Российской Федерации указывал на отсутствие общественно полезных целей в спорном отношении

при разрешении спора об азартности игры¹¹. Аналогичные подходы в настоящее время используются в практике правоприменения государств – участников СНГ и должны быть признаны типичными в оценке природы рассматриваемых отношений.

Следует отметить, что в доктрине гражданского права высказывалось мнение об отсутствии обоснованных оснований для отказа требованиям из игр и пари в судебной защите [6]. В этом случае гражданское законодательство Российской Федерации должно проявлять объективную нейтральность, квалифицируя игры и пари как обычную сделку. Возникающие обязательства могут быть лишены судебной защиты либо в силу установления оснований недействительности сделки, либо при запрещении конкретных игр и пари публичным законодательством. Такой подход возможен с позиции гражданского права, но не оправдан в контексте социальной нравственности.

Наряду с удалением игр и пари за пределы правового поля допускается юридическая форма указанного алеаторного отношения. Признаваемое исключение распространяется на проведение лотерей, тотализаторов и иных игр государством и муниципальными образованияами. При этом обязательство в силу прямого указания закона имеет договорный характер и оформляется выдачей лотерейного билета, квитанции или иного документа. Моментом заключения договора признается оплата участником лотереи стоимости лотерейного билета или иная оплата участия в игре. Лицам, которые признаются выигравшими, должен быть выплачен организатором игр выигрыш в денежной или в натуральной форме. В случае неисполнения организатором игр обязанности выплаты, выигравший участник вправе требовать выплаты ему выигрыша, а также возмещения убытков, причиненных нарушением договора.

Указанные положения закреплены и в Законе «О лотереях». Следует признать, что

¹⁰ О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан статьи 914 Гражданского кодекса Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 7 февраля 2025 года № 65-НП // Эталонный контрольный банк НПА РК в электронном виде. 11.02.2025. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/S2500000065#z53> (дата обращения: 14.04.2025).

¹¹ Об отказе в передаче дела в президиум Высшего Арбитражного суда Российской Федерации: Определение ВАС РФ от 15.05.2013 № ВАС-5894/13 по делу № А63-9122/2012. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=332982#BMfIKiUAnLvxAxwz> (дата обращения: 08.04.2025).

название не отражает в должной мере содержание указанного закона. Закон «О лотереях» определяет главным образом публично-правовой режим организации и проведения лотерей, и поэтому семантически более корректным было бы название «О лотерейной деятельности» или «Об организации и проведении лотерей».

Согласно российскому гражданскому законодательству предложение о заключении договора должно содержать условия о сроке проведения игр и порядке определения выигрыша и его размере (пункт 3 статьи 1063 ГК РФ). Вероятно, речь идет об установленных в законе существенных условиях, однако неясно, относится ли это положение к любым легальным играм, включая лотереи, или только к играм, исключая лотереи. Системное толкование пунктов 1, 2, 4, 5 статьи 1063 ГК РФ позволяет сделать вывод, что законодатель разделяет игры, включая тотализатор и лотереи. Поэтому правило пункта 3 статьи 1063 ГК РФ некорректно применять к лотереям.

Терминологическое несоответствие является значимой проблемой. В легальной трактовке виды отношений точно не установлены. Игры, пари и лотереи не имеют легального определения и, на первый взгляд, может сложиться представление о синонимичности указанных понятий. Это подкрепляется и тем, что название соответствующей главы ГК РФ использует формулу: «Проведение игр и пари». Расширительное толкование предполагает иной вывод. Играми должны быть названы отношения, требования по которым не подлежат судебной защите. Лотерея (тотализатор) проводится государством и муниципальными образованиями или лицом, получившими от уполномоченного государственного органа разрешение (лицензию) на проведение лотерей, тотализаторов. Корректным с точки зрения юридической техники будет определенность терминологии, что позволит ясно различать внеправовые и правовые отношения. Такое суждение важно и с точки зрения практики правоприменения, поскольку Закон «О лотереях» содержит прямой запрет проведения азартных игр под видом лотерей.

Лотерейное обязательство имеет договорную природу (пункт 1 статьи 1063 ГК

РФ). Элементарное сопоставление с классическими гражданско-правовыми соглашениями подтверждает упрощенность используемой правовой формы. Простота, отсутствие разработанных легальных положений порождают проблемы при определении характера договора. Так, в исследованиях встречалось мнение об алеаторности и вместе с тем отсутствии условности сделки лотереи [7, с. 111-112], хотя более корректным является понимание алеаторного договора как разновидности условных сделок [8, с. 494]. Распространенным в доктрине гражданского права является вывод об отнесении лотерейного соглашения к числу договоров присоединения. В первом приближении это не вызывает сомнений, однако, буквальное толкование оставляет вопросы. Что следует считать предложением о заключении договора (пункт 3 статьи 1063 ГК РФ), является ли таким предложением условие лотереи (статья 8 Закона «О лотереях»)? Допустимо ли считать реквизиты лотерейного билета (статья 12 Закона «О лотереях») условиями договора, которые определены в формулярах или иных стандартных формах? Если принять такие гипотетические допущения, то остается главный вопрос – как должны в этом случае применяться специальные правила пункта 2 статьи 428 ГК РФ, поскольку договор присоединения конструировался не в интересах абстрактной каталогизации, а обеспечивает применение гражданского права.

Обычно не вызывает сомнений возмездность лотерейной сделки. Вместе с тем статья 423 ГК РФ понимает под возмездностью плату за исполнение стороной своей обязанности. Получение платы оператором лотереи (доход от лотереи) – очевидный факт, но является ли возможный выигрыш встречным предоставлением – вопрос весьма спорный. Не следует забывать, что вероятность выигрыша крайне маловероятна, рекламная информация о «баснословной удаче» не должна сбивать с толку. Зачастую, в обоснование возмездности, лотерея сопоставляется со страхованием, но вероятность страхового случая и получения страхового возмещения на порядок выше, не говоря уже о различии природы и социально-экономическом значении страховых и лотерейных отношений.

Существенные условия договора лотереи не определены законодателем. Положения пункта 3 статьи 1063 ГК РФ могут быть соотнесены с условиями лотереи или с реквизитами лотерейных билетов (статьи 8, 12 Закона «О лотереях»). ГК РФ трактует лотерею как разовую двустороннюю сделку, а Закон «О лотереях» – как розыгрыш призового фонда оператором лотереи с неопределенным кругом участников. Отсутствие нормативного единства очевидно. С позиции юридической красоты, естественности, прозрачности, простоты и наглядности [9, с. 101-105] такой подход нельзя считать конструктивным. Наиболее спорным является условие о размере выигрыша, поскольку на практике он, как правило, не может быть установлен до проведения розыгрыша и зависит от конкретного способа выявления победителей. Анализ проведения лотерей, содержания лотерейных билетов в России подтверждает сделанный вывод¹².

Стандартным существенным условием договора является его предмет. Однозначная формулировка предмета договора лотереи отсутствует в ГК РФ. Закон «О лотереях» определяет лотерею как игру между оператором и участником, тогда как очевидно, что на практике в лотерее участвует множество лиц, иначе невозможно сформировать призовой фонд, и игра лишается смысла.

Сложен и неоднозначен вопрос о применимости к участию в лотереях законодательства о защите прав потребителей. Оператор лотереи является профессиональным организатором игры, участник – бесспорно слабая сторона. Требования к информации о проведении лотереи (статья 12 Закона «О лотереях») коррелируют с информационными правилами Закона РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹³ (далее – Закон «О защите прав потребителей»). Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благопо-

лучия человека отрицает применимость Закона «О защите прав потребителей» в силу того, что выигрыш не является товаром¹⁴. Такой подход не может быть признан убедительным. Положения статьи 16 и главы IV Закона «О защите прав потребителей» могут использоваться для защиты прав участников лотереи.

Оценка идеальной модели лотерейного обязательства, алгоритма исполнения лотерейного договора указывает на ряд пробелов правового регулирования. Оператор лотереи объявляет о её проведении и начинает распространение лотерейных билетов. За счет покупки лотерейных билетов оператор формирует призовой фонд, который является источником выплат выигрышей. Наблюдается аналогия с отношением личного страхования, где за счет сформированного страхового фонда производится выплата страхового возмещения. Отличие заключается в социально-экономической (и может быть нравственной) обоснованности выплаты, но формально-юридически почти полное сходство. Вместе с тем для лотерейного обязательства не имеет значения важнейшая проблема страхового права – экономическая гарантия выплаты страхового возмещения. Оператор лотереи не может использовать призовой фонд для получения финансового дохода; размер выигрыша жестко привязан к призовому фонду, а не к предполагаемым убыткам страхователя. Поэтому нет необходимости в использовании сложных методов контроля призового фонда, достаточно фиксации его части, предназначенной для выплаты выигрышей участникам лотереи.

Рассмотренная идеальная модель лотерейного обязательства должна соотноситься с особенностями проведения тиражных лотерей, где допустим перенос части (иногда очень большой – суперприз) призового фонда из тиража в тираж. Сделанное уточнение не изменяет общий порядок проведения лотереи, отношение между оператором и участником – это не только розыгрыш призового фонда, но и его формирование, что необ-

¹² В качестве эмпирической основы использованы выводы авторского анализа условий и содержания лотерейных билетов российских лотерей «Русское лото», «Жилищная лотерея», «Большое Спортлото», Спортлото «5 из 36».

¹³ Ведомости СНД и ВС РФ. 09.04.1992. № 15. Ст. 766 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

¹⁴ Об обращении граждан по вопросам нарушения их прав организаторами лотерей, игр, конкурсов. URL: <https://77.rosпотребнадзор.ru/index.php/napravlenie/zpp/76-nprav/question/2122-vopros-otvet-sp-17221> (дата обращения: 01.04.2025).

ходимо учитывать в правотворческой и правоприменительной практике.

Интересно отметить, что Временным положением о лотереях в Российской Федерации¹⁵ регламентировался режим банковского хранения призового фонда. Ранее в научной литературе высказывалось мнение о целесообразности такого подхода [10, с. 91]; в настоящее время сохраняется актуальность законодательного обеспечения процедур формирования и реализации призового фонда.

Прикладные рекомендации исследования связаны с оптимизацией действующего законодательства. Закону «О лотереях» необходимо придать характер комплексного нормативного правового акта, дополнив его положениями частного права. В частности, название статьи 13 Закона «О лотереях» предполагает регламентацию организации и проведения лотереи, но содержание указанной статьи сводится к получению разрешения, и, следовательно, речь идет о публично-правовом регулировании. С позиции практики гражданского права должны быть описаны механизмы взаимодействия сторон лотерейного отношения – оператора и участников лотереи, определены характер и существенные условия договора, правила формирования призового фонда, система субъективных прав и обязанностей, основания, форма и размер ответственности.

Юридическая практика обеспечивает действенность механизмов правоприменения, за счет накопления опыта правоприменения позволяет оптимизировать действующее законодательство [11, с. 40]. В настоящее время в судебной практике, как правило, рассматриваются заявления о привлечении к административной ответственности при организации лотерей или распространении лотерейных билетов¹⁶. Квалификация

лотерейных отношений дается исходя из формальных признаков – наличие лотерейных билетов или использование специальной терминологии, что объяснимо несовершенством положений договорного права.

Заключение

Лотерейное отношение по своей природе тождественно участию в азартных играх; социальное восприятие, морально-нравственная оценка игры и лотереи в современном обществе совпадают. Легальная интерпретация иная, лотерея признается допустимой формой деятельности, что характерно для большинства систем континентального права и установлено в качестве модельного подхода для государств – участников СНГ.

Принципиальное противопоставление в известной степени обесценивается терминологической дисгармонией. Игры, пари и лотереи не имеют легального определения, и может сложиться представление о синонимичности указанных понятий в правовом поле. Неопределенность усугубляется тем, что название соответствующей главы ГК РФ использует формулу: «Проведение игр и пари». Корректным с точки зрения юридической техники будет определенность терминологии, что позволит ясно различать внеправовые и правовые отношения. Такое суждение важно и с точки зрения практики правоприменения, тем более что Закон «О лотереях» содержит прямой запрет проведения азартных игр под видом лотерей.

Российское законодательство устанавливает договорный характер лотерейного обязательства, что требует решения ряда проблем. В частности, возможность применения правил о договоре присоединения, обоснование возмездного характера договора. Затруднено выявление существенных условий договора. Радикальным решением стал бы отказ от договорной формы лотерейного обязательства и признание его обязательством из односторонних действий: оператор лотереи обещает выплатить выигрыш в соответствии с условиями проведения лотереи – приобретение лотерейного билета является откликом на обещание. Простота подобного решения обманчива, поскольку оно не учитывает то важное обстоятельство, что участники лотереи не только надеются

¹⁵ Об упорядочении лотерейной деятельности в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 19.09.1995 № 955 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 39. Ст. 3754 (утратил силу).

¹⁶ Решение Арбитражного суда Алтайского края от 26.06.2024 по делу № А03-2778/2024. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FTdAWmOkYFW8/> (дата обращения: 20.04.2025); Решение Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 23.05.2024 по делу № А58-1349/2024. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FDrWvVRTwcNt/> (дата обращения: 10.04.2025).

на выигрыш, но и покупкой лотерейных билетов формируют призовой фонд.

Заслуживает внимания вопрос о применимости к участию в лотереях законодательства о защите прав потребителей. В силу субъектного состава и наличия потребительского интереса лотерейные отношения попадают в сферу действия Закона «О защите прав потребителей», однако, известная социальная неполноценность лотереи заставляет сомневаться в необходимости указанной выше квалификации. Тем не менее, стоит указать на применимость отдельных правил Закона «О защите прав потребителей» – ряда положений статьи 16 о недопустимых

условиях договора и главы IV о реализации защиты прав потребителей.

Анализ содержания специального законодательства показывает недостаточное соответствие его положений идеальной модели лотерейного обязательства. С позиции практики гражданского права должны быть описаны механизмы взаимодействия сторон лотерейного отношения – оператора и участников лотереи, определены характер и существенные условия договора, правила формирования призового фонда, система субъективных прав и обязанностей, основания, форма и размер ответственности.

Список источников

1. Шевцов В.В. Карточная игра в России (конец XVI – начало XX в.): история игры и история общества / под ред. А.Н. Жеравиной, Э.Л. Львовой. Томск: ФГБОУ ВПО Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2005. 244 с.
2. Солодина С.А. Исторический опыт регламентации ответственности за проведение азартных игр в зарубежных странах // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 77-85. <https://elibrary.ru/mbnywo>
3. Гражданское право: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Москва: Статут, 2017. Т. 2. 543 с.
4. Лимарь А.С. Особенности квалификации незаконной организации и проведения азартных игр в букмекерских конторах // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 552-554. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_3_552, <https://elibrary.ru/osccfi>
5. Новикова Т.Ю., Евсикова Е.В., Щелконогова Е.В. Некоторые вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности за незаконную организацию и проведение азартных игр // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 2. С. 126-140. <https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-2-126-140>, <https://elibrary.ru/lgodqc>
6. Белов В.А. Игра и пари как институты гражданского права // Законодательство. 1999. № 9. С. 13-22.
7. Томтосов А.А. Гражданско-правовая характеристика договора лотереи // Хозяйство и право. 2012. № 1 (420). С. 109-117. <https://elibrary.ru/ulhifx>
8. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 5. Т. 2. Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари. Москва: Статут, 2011. 623 с.
9. Иеринг Р. Юридическая техника. Москва: Статут, 2008. 229 с.
10. Томтосов А.А. Призовой фонд лотереи: вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 3. С. 89-92. <https://elibrary.ru/owfknz>
11. Моисеева О.В. Концепция юридической практики в правореализационном механизме // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 1. С. 35-43. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-1-35-43>, <https://elibrary.ru/fkncvm>

References

1. Shevtsov V.V. (2005). *Card Games in Russia (Late 16th – Early 20th Century): The History of the Game and the History of Society*. Tomsk: National Research Tomsk State University Publ., 244 p. (In Russ.)
2. Solodina S.A. (2024). Historical experience of regulating responsibility for gambling in foreign countries. *Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva = Society, Law, Statehood: Retrospective and Perspective*, no. 3 (19), pp. 77-85. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mbnywo>
3. Gongalo B.M. (2017). *Civil Law: in 2 vols*. Moscow, Statut Publ., vol. 2, 543 p. (In Russ.)
4. Lymar A.S. (2025). The specifics of the qualification of illegal organization and conduct of gambling in betting shops. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, no. 3, pp. 552-554. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_3_552, <https://elibrary.ru/osccfi>

5. Novikova T.Yu., Evsikova E.V., Shchelkogonova E.V. (2021). Some questions of the theory and practice of criminal prosecution for illegal organization and conduct of gambling. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* = *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*, vol. 7 (73), no. 2, pp. 126-140. (In Russ.) <https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-2-126-140>, <https://elibrary.ru/lgodqc>
6. Belov V.A. (1999). Games and Betting as Institutions of Civil Law. *Zakonodatel'stvo* = *Legislation*, no. 9, pp. 13-22. (In Russ.)
7. Tomtosov A.A. (2012). Civil law characteristics of a lottery contract. *Khozyaistvo i pravo* = *Economy and Law*, no. 1 (420), pp. 109-117. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ulhifx>
8. Braginskii M.I., Vitryanskii V.V. (2011). *Contract Law. Bk. 5, vol. 2, Bank deposit agreements, bank account agreements; banking transactions. Contests, game contracts, and wagers*. Moscow, Statut Publ., 623 p. (In Russ.)
9. Iering R. (2008). *Legal Technique*. Moscow, Statut Publ., 229 p. (In Russ.)
10. Tomtosov A.A. (2012). Lottery prize: theory and practice. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* = *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, no. 3, pp. 89-92. (In Russ.) <https://elibrary.ru/owfknz>
11. Moiseeva O.V. (2025). Concept of legal practice in the legal implementation mechanism. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 1, pp. 35-43. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-1-35-43>, <https://elibrary.ru/fkncvm>

Поступила в редакцию / Received 26.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 349.6

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-420-426>

Шифр научной специальности 5.1.3

Эффективность правоприменительной практики в вопросе выделения доли пережившего супруга при оформлении наследственных прав

Ботанцов Иоанн Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5, <https://orcid.org/0000-0002-1789-6275>, botansoff@mail.ru

Аннотация

Поднята проблема недостаточности правового регулирования процедуры выделения и определения супружеских долей в случае смерти одного из супругов. Предлагается алгоритм оформления доли пережившего супруга, а также наследования доли умершего в имуществе, оформленном на имя пережившего супруга. Автор рассуждает об особенностях разграничения движимого и недвижимого имущества, о моменте возникновения права собственности на них. Дано описание нюансов и приведен перечень объектов, которые практика относит к совместно нажитому имуществу. Сделан вывод о том, что супружеская доля после смерти одного из супругов должна быть выделена вторым из них как в имуществе, оформленном на его имя, так и на имя умершего. При этом для каждого из случаев существует своя процедура, зависящая от вида имущества и способа его приобретения.

Ключевые слова

супружеская доля, совместная собственность, наследование, переживший супруг

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

И.В. Ботанцов – постановка проблемы исследования, поиск и анализ научной литературы, анализ нормативных документов, проведение исследования, разработка методологии, написание черновика рукописи, формулировка выводов и результатов исследования.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Ботанцов И.В. Эффективность правоприменительной практики в вопросе выделения доли пережившего супруга при оформлении наследственных прав // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 420-426. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-420-426>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-420-426>

OECD 5.05; ASJC 3308

Effectiveness of law enforcement practice in allocating the surviving spouse's share when formalizing inheritance rights

Ioann V. Botantsov,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, 5 Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1789-6275>, botantsoff@mail.ru

Abstract

The issue of insufficient legal regulation of the procedure for allocating and determining marital shares in the event of the death of one of the spouses is raised. An algorithm is proposed for formalizing the surviving spouse's share, as well as inheriting the deceased spouse's share in property registered in the surviving spouse's name. The characteristics of distinguishing between movable and immovable property, and the moment of the emergence of ownership rights to them are discussed. The nuances are described and a list of items that practice considers jointly acquired property is provided. It is concluded that the marital share after the death of one spouse should be allocated to the surviving spouse in both the property registered in their name and in the name of the deceased. In each case, there is a specific procedure that depends on the type of property and the method of its acquisition.

Keywords

marital share, joint ownership, inheritance, surviving spouse

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

I.V. Botantsov – research problem statement, scientific literature selection and analysis, normative documents analysis, conducting the research, methodology development, writing – original draft preparation, research conclusions and results formulation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Botantsov, I.V. (2025). Effectiveness of law enforcement practice in allocating the surviving spouse's share when formalizing inheritance rights. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 420-426. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-420-426>

Введение

Приобретаемое в период брака имущество в большинстве своем поступает в общую совместную собственность супругов. В случае расторжения брака оно может, а в случае смерти одного из них – должно быть переведено в режим долевой собственности. Именно выделение такой доли из общего объекта и является предметом настоящего исследования.

Актуальность исследования обусловлена наличием пробелов в законодательстве

относительно процедуры и нюансов выделения супружеской доли при наследовании имущества, принадлежавшего супругам, после смерти одного из них, притом, что по объективным причинам урегулировать данный вопрос по соглашению сторон уже невозможно. После прекращения брака (в том числе в результате смерти одного из супругов) судьба имущества определяется согласно режиму собственности, действовавшему на этот момент, если брачным договором не предусмотрено иное.

Проблема исследования заключается в отсутствии легально закрепленного алгоритма выделения доли пережившего супруга после смерти одного из них, а также недостаточно четко сформулированном в законодательстве перечне имущества, подпадающего под режим совместной собственности. Соответственно целью исследования является разработка с учетом имеющейся практики алгоритма выделения супружеской доли в разных ситуациях и применительно к различным видам имущества.

Анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности

Разработка конструкции выделения супружеской доли содержится в диссертациях В.В. Ананьева, Е.И. Гладковской, Е.В. Кецко, Т.В. Красновой, Ю.Н. Лаврова. Соотношение норм семейного и гражданского права при регулировании имущественных отношений супругов анализировалось в работах И.Ф. Александрова, С.О. Пастуховой.

Обсуждение

Как вытекает из положений статьи 34 Семейного кодекса РФ¹, любое имущество, возмездно приобретенное в браке супругами, является общим, и в случае расторжения брака или смерти одного из супругов делится пополам. Однако в практике такого раздела существует много нюансов, которые не всегда учитываются самими гражданами и даже юристами, знающими о данных конструкциях только в теории.

Во-первых, следует оговорить круг того имущества, которое находится в совместной собственности. Закон сформулирован таким образом, что исключительной собственностью одного из супругов наряду с унаследованным, становится только имущество, полученное им по безвозмездным сделкам. Если же бесплатное приобретение было оформлено актом органа власти или в форме возмездной сделки, то имущество поступит в общую собственность. Например, дачные участки, земля, гаражи – как правило, передаются гражданам бесплатно на основании

постановления местной администрации, которое не является сделкой.

То же самое касается ведомственного жилья или жилья, которое приобреталось для льготных категорий граждан на средства Министерства обороны и других организаций. Как правило, такие сделки оформлялись в виде договоров купли-продажи или инвестирования, то есть возмездных, аналогична и судьба квартир, приобретенных с использованием НИС и военной ипотеки – все они считаются совместно нажитым имуществом.

Говоря о садовых участках и гаражах, следует отметить следующий нюанс. Право собственности на них, как и на строения, расположенные на участке, возникает с момента регистрации его в ЕГРН, поэтому если в период брака один из супругов вступает в садоводческое товарищество или гаражный кооператив и приобретает право пользования соответствующим объектом недвижимости, в совместную собственность (как и в какую-либо другую) он не поступает, пока не будет произведена процедура «приватизации» этого объекта. До этого момента права в отношении него носят корпоративный, а не вещный характер и вообще не могут являться предметом раздела и каких-либо легитимных сделок.

В то же время, если объект недвижимости стоит на жилищно-строительном кооперативе, то с момента полной выплаты паевого взноса собственность на него переходит к члену кооператива, вне зависимости от регистрации в ЕГРН.

Таким образом, несмотря на то, что плату за перечисленные объекты супруги могут вносить из общих доходов, супружеская доля в них до приобретения собственности выделена быть не может, и они остаются только за титульным владельцем – членом соответствующего кооператива/товарищества.

Говоря о безвозмездных сделках, по которым приобретаемое имущество не поступает в общую собственность супругов, интересно рассмотреть соглашение о разделе наследства. По общему правилу данная сделка носит безвозмездный характер, но допускает выплату какой-либо из сторон компенсации за несоразмерность получаемого имущества, например, если один из наследников забира-

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.12.2019). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 01.03.2025).

ет квартиру, а другой – более дешевую машину наследодателя. Вносимая таким наследником компенсация может иметь денежную форму, а может передаваться имуществом, в том числе совместно нажитым с супругой этого наследника. В таких случаях сделка имеет элемент возмездности, но полученная доля в наследстве все равно поступит в единоличную собственность наследника, даже если супруга помогала с компенсацией, так как это имущество считается не приобретенным, а унаследованным.

Также в единоличную собственность поступает имущество, приобретаемое по договору в пользу третьего лица, даже если сам договор возмездный. Например, отец заключает с застройщиком договор купли-продажи квартиры в пользу третьего лица – своей дочери. Он оплачивает сделку, а дочь получает квартиру, причем если она состоит в браке, то супруг претендовать на долю в квартире не сможет. Если имущество приобретается в кредит до брака, а выплачивается он уже в браке, то на статус объекта это не влияет: супружеская доля в таком имуществе не выделяется, а вот если в период брака это имущество было значительно улучшено, то в судебном порядке доля второго супруга в нем может быть определена [1, с. 134].

При определении момента возникновения собственности (до брака или во время него) следует учитывать, что для недвижимости он определяется регистрацией права, а для движимого имущества – моментом заключения договора. Так, если автомобиль был приобретен до брака, но поставлен на учет после, то супружеской доли в нем не будет. Интересный нюанс в этой связи наблюдается с гаражами: те, что регистрируются в ЕГРН, относятся к недвижимости, и если их не оформить, то они, как и садовые участки, разделу подлежать не будут. Гаражи, которые ставятся на учет в ПИБе, считаются движимым имуществом, и дата их приобретения определяется по договору, даже если их так и не поставили на учет. Аналогичное деление на недвижимое и движимое имущество существует у подлежащих и неподлежащих регистрации водных судов, инженерных коммуникаций и линейных объектов, объектов незавершенного

строительства, но раздел этих видов имущества встречается значительно реже.

Всегда к движимому имуществу относятся имущественные права и обязанности, например, аренда, права участника долевого строительства, права и обязанности по кредитам, права на денежные средства в банках. Часто об этом забывают, но, в случае смерти одного из супругов, переживший супруг должен передать в наследственную массу половину денежных средств на своих счетах, половину своей зарплаты/пенсии и даже половину своей одежды и аксессуаров. Наследственные споры редко доходят до того, чтобы делить одежду и другие подобные вещи супруга умершего, но такие прецеденты есть. А вот что касается более ценных активов – тут без споров не обходится. Важным дополнением является то, что происхождение денег, на которые покупалось это имущество, значения не имеет. Например, жена не работала, и все покупал муж. Но в случае ее смерти наследники могут потребовать половину не только ее вещей, но и его личных, купленных также на его доходы [2, с. 22].

Еще один неприятный нюанс – это бывшие супруги. Очень распространена ситуация, когда в ходе расторжения брака вопрос раздела имущества не поднимается и каждый остается при своем и платит оформленные на него кредиты, второй супруг «ни на что не претендует». Но рано или поздно одного из них не станет, и наследники каждого из разведенных смогут претендовать на половину имущества пережившего супруга. Если оно не было разделено поровну официально, то может возникнуть значительный дисбаланс [3, с. 54].

Приведу пример из практики. При разводе каждый из супругов оставил за собой оформленные на его имя квартиру и машину, заморачиваться судом не стали, о брачном договоре не подумали. Один из них продал эти объекты и купил более дорогостоящие, а потом скончался. Его наследники, помимо отцовского имущества потребовали выделения супружеской доли умершего в имуществе его бывшей супруги и унаследовали ее. В итоге ей пришлось за немалые деньги выкупать половины своей же квартиры и машины. А вот выделить аналогичные доли в имуществе своего бывшего

мужа она уже не могла, так как новые объекты он приобрел вне брака [4].

Распространенным заблуждением является то, что срок давности по таким спорам отсчитывается с момента расторжения брака – это не так. Срок начинает течь с момента нарушения права, то есть когда второй супруг распорядится имуществом без согласия бывшего партнера². Так, если развод состоялся 20 лет назад и уже 10 лет прошло с момента смерти бывшего супруга, это не гарантирует, что завтра наследники не придут за своей долей. Такая позиция подтверждается и судебной практикой³.

Этот нюанс нужно учитывать не только супругам, но и приобретателям имущества на вторичном рынке: ведь даже если собственник владеет им долгие годы, 3-летний срок исковой давности для пострадавших лиц начнет течь только с момента вашей покупки. Таким образом, по окончании бракоразводного процесса каждый супруг не становится единоличным собственником оформленного на его имя имущества: оно остается в совместной собственности навсегда (или пока не будет произведен его раздел в суде или нотариальным порядком) и при его отчуждении второй супруг имеет право на получение половины стоимости, исходя из цены продажи [5, с. 24]. А если имущество так и не будет отчуждено при жизни, то вопрос его раздела перейдет к наследникам. Причем, если речь идет про вещи, не подлежащие регистрации или учету, то в отсутствие спора этот нюанс можно опустить, но в случае с недвижимостью, транспортными средствами, ценными бумагами и т. п. – оформлять супружеские доли придется, иначе полноценно унаследовать их не получится.

Отдельный блок вопросов при оформлении супружеской доли возникает в связи с

тем, как именно и на имя кого из супругов оно было оформлено. Если была зарегистрирована совместная собственность, то после смерти одного из супругов она подлежит перерегистрации в общую долевую, с определением доли пережившего супруга в размере 1/2, вторая же половина включается в наследственную массу и распределяется между наследниками. Важно понимать, что эти доли не объединяются, даже если единственным наследником является переживший супруг [6, с. 48]. В таком случае половина будет принадлежать ему на основании договора приобретения и с того момента, когда они с женой купили объект, а вторая половина будет принадлежать на основании свидетельства о праве на наследство, а срок владения отсчитывается с момента смерти супруги. Эти нюансы могут быть принципиальны при исчислении льготного периода владения и расчете налога с продажи объекта.

Если имущество было оформлено целиком на умершего супруга, то второй должен будет получить свидетельство о праве собственности на долю в совместно нажитом имуществе, выдаваемое пережившему супругу. Такое свидетельство на половину имущества может быть выдано до истечения шестимесячного срока принятия наследства, так как супружеская доля наследством не является. Это очень удобно в случаях, когда имуществом умершего нужно пользоваться, например, автомобилем или долей компании.

Третий случай – это ситуация, когда имущество оформлено на пережившего супруга. В отличие от предыдущего варианта, это дает возможность последнему владеть и пользоваться им неограниченно долго. Если такое имущество не подлежит регистрации или учету, то при отсутствии спора с наследниками супружескую долю обычно не выделяют. В остальных случаях определить и унаследовать ее придется для того, чтобы можно было распорядиться этим имуществом. Например, пережившая жена может продолжать проживать в своей квартире, но если она захочет ее продать, то от нее потребуют сначала унаследовать 1/2 долю мужа. В итоге, половина будет принадлежать ей на основании договора приобретения и с момента покупки, а половина на основании

² Решение № 2-46/2015 2-46/2015~М-1/2015 М-1/2015 от 9 октября 2015 г. по делу № 2-46/2015 Прохвиренского районного суда (Чукотского автономного округа). URL: <https://actofact.ru/case-87RS0006-2-46-2015-m-1-2015-2015-01-12-0-0/> (дата обращения: 21.03.2025).

³ Решение Пятигорского городского суда Ставропольского края № 2-2767/2023 2-2767/2023~М-2483/2023 М-2483/2023 от 21 июля 2023 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pD5KApB1MbbK> (дата обращения: 21.03.2025).

свидетельства о праве на наследство и с момента смерти супруга.

Самый сложный случай возникает, если имущество было оформлено в общую долевую собственность. Сейчас недвижимое имущество супругам так уже не регистрируют, но ранее такая практика была, и по движимому имуществу она тоже возможна. В этой ситуации в 1/2 доле объекта, оформленной на каждого из супругов, есть 1/4 супружеская доля второго из них. Если спора между наследниками нет и титул объекта неизменен, то обычно нотариусы признают «взаимозачет» супружеских долей и считают, что они уже определены при жизни по 1/2 [7, с. 22].

Но вот если один из супругов при жизни подарил или продал свою долю (или ее часть), тогда ситуация намного сложнее. Практика обычно исходит из того, что если второй супруг давал нотариальное согласие на эту сделку, то подразумевается, что отчуждалась их общая доля, а значит та доля, которая осталась на втором супруге, – тоже общая и после смерти одного из супругов должна быть разделена пополам. Если же согласие на отчуждение доли не давалось, значит, супруг распорядился своей личной долей, а оставшаяся часть объекта принадлежит исключительно его супруге и разделу не подлежит.

Кроме того, Верховный суд РФ разрешил⁴ пережившему супругу подать в спор-

ном случае заявление об отсутствии его супружеской доли в том или ином объекте [8, с. 25]. При этом важно понимать, что отказываться от доли супруг не может [9, с. 26], и речь идет только о ситуации, когда имущество приобреталось на личные средства умершего, и переживший супруг подтверждает, что оно изначально не находилось в совместной собственности.

Заключение

В ходе исследования было определено, что супружеская доля после смерти одного из супругов должна быть выделена вторым из них как в имуществе, оформленном на его имя, так и на имя умершего. При этом для каждого из случаев существует своя процедура [10, с. 40].

Супружеская доля выделяется в имуществе, оформленном на имя любого из супругов, но только если оно отнесено к совместной собственности. Из этого режима исключаются унаследованные (в том числе с применением раздела) объекты, приватизированные и полученные в дар, по договорам в пользу третьего лица, а также имущество, право собственности на которое не оформлено. Ограничить или регламентировать раздел можно также в брачном договоре или совместном завещании супругов. Движимое имущество даже если не было поставлено на учет, подлежит разделу, если было куплено в браке, также выделяется доля супруга в имуществе, полученном бесплатно по акту администрации, по «дачной амнистии», от Министерства обороны и т. д.

⁴ О судебной практике по делам о наследовании (с изменениями и дополнениями): Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/ (дата обращения: 21.03.2025).

Список источников

1. *Ботанцов И.В.* Практические особенности определения супружеской доли в праве на имущество в браке, осложненном иностранным элементом // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения-2018: сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Гатчина: Гос. ин-т экономики, финансов, права и технологий, 2018. Т. 1. С. 133-137. <https://elibrary.ru/xzjymh>
2. *Живихина И.Б.* О доле пережившего супруга в имуществе умершего супруга, нажитом во время брака // Наследственное право. 2016. № 2. С. 22-24. <https://elibrary.ru/wayvzh>
3. *Ботанцов И.В.* Нотариат как правоприменительный институт: традиции и новации // От Псковской судной грамоты к принципам современного правосудия: традиции и новации в российском судопроизводстве: сб. науч. статей Всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2024. С. 50-59. <https://elibrary.ru/bsnocp>
4. *Катрычева О.П.* Основные вопросы и особенности прав пережившего супруга при наследовании // Вестник магистратуры. 2017. № 11-1 (74). С. 68-69. <https://elibrary.ru/zmjnaf>

5. Зими́на И.А., Давы́дов Ф.Ф. Определение супружеской доли в имуществе // Нотариус. 2014. № 1. С. 24-26. <https://elibrary.ru/rupjiz>
6. Коровин Е.В. Имущественные отношения в семье // Нотариальный вестник. 2006. № 3. С. 48-54.
7. Настольная книга нотариуса: в 4 т. Т. 3: Организация нотариального дела / под ред. И.Г. Медведева. Москва: Статут, 2015.
8. Гарин И.В., Таволжанская А.В. Выделение супружеской доли из наследственной массы: право или обязанность? // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 25-27.
9. Рождественский С.Н. Еще раз к вопросу о выделении «супружеской доли» // Нотариус. 2004. № 4. С. 22-26. <https://elibrary.ru/pzgiel>
10. Чашкова С.Ю. Установление вида правового режима имущества при совершении нотариальных действий в связи с изменениями гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 6. С. 40-50. <https://elibrary.ru/qcozyn>

References

1. Botantsov I.V. (2018). Practical Aspects of Determining the Marital Share in Property Rights in a Marriage Complicated by a Foreign Element. *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy yuridicheskoi nauki i praktiki: Gatchinskie chteniya-2018» = Current Problems of Legal Science and Practice "Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference: Gatchina Readings-2018"*. Gatchina, State Institute of Economics, Finance, Law, and Technologies Publ., vol. 1, pp. 133-137. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xzjymh>
2. Zhivikhina I.B. (2016). On share of surviving spouse in the decedent spouse's property gained during marriage. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, no. 2, pp. 22-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wayvzh>
3. Botantsov I.V. (2024). Notariat as a law enforcement institution: traditions and innovations. *Sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ot Pskovskoi sudnoi gramoty k printsipam sovremennogo pravosudiya: traditsii i novatsii v rossiiskom sudoproizvodstve» = Collection of Scientific Articles from the All-Russian Scientific and Practical Conference "From the Pskov Judicial Charter to the Principles of Modern Justice: Traditions and Innovations in Russian Judicial Proceedings"*. St. Petersburg, Asterion Scientific and Information Technology Center LLC, pp. 50-59. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bsnocp>
4. Katrycheva O.P. (2017). Key Issues and Features of a Surviving Spouse's Rights in Inheritance. *Vestnik magistratury = Master's Degree Bulletin*, no. 11-1 (74), pp. 68-69. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zmjnaf>
5. Zimina I.A., Davydov F.F. (2014). Determination of the marital share in property. *Notarius = Notary*, no. 1, pp. 24-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rupjiz>
6. Korovin E.V. (2006). Property relations in the family. *Notarial'nyi vestnik = Notarial Bulletin*, no. 3, pp. 48-54. (In Russ.)
7. Medvedev I.G. (2015). *Notary's Handbook: in 4 vols.* Vol. 3: Organization of Notarial Practice. Moscow, Statut Publ. (In Russ.)
8. Garin I.V., Tavolzhanskaya A.V. (2003). Allocation of the marital share from the inheritance: right or obligation? *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, no. 9, pp. 25-27. (In Russ.)
9. Rozhdestvenskii S.N. (2004). Once again on the issue of allocating the "marital share". *Notarius = Notary*, no. 4, pp. 22-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pzgiel>
10. Chashkova S.Yu. (2013). Ascertainment of the type of property legal regime thorough notary public's actions under the amended civil legislation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, no. 6, pp. 40-50. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qcozyn>

Поступила в редакцию / Received 16.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 2/336/34.01/340.1/343.9

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-427-435>

Шифр научной специальности 5.1.2

Авраамические (галахические) основы формирования, обеспечения сохранности и целевого использования бюджетных средств

Резюк Вадим Иванович,

старший преподаватель кафедры гуманитарных наук института мировой медицины, ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 117513, Российская Федерация, г. Москва, ул. Островитянова, 1, стр. 6, <https://orcid.org/0000-0001-6188-7141>, ResearcherID ODI-3009-2025, rezyuk.vi@gmail.com

Аннотация

Изучены авраамические (галахические) основы формирования, обеспечения сохранности и целевого использования бюджетных средств. Выделены отдельные положения Пятикнижия, Невиима, Ктувима для толкования имеющих особое значение в условиях постсекуляризации вопросов, логично дополняющих объем теории истории и теории государства и права, других наук необходимым для решения теоретических и практических задач. Констатируется социальная проблема, связанная с обеспечением сохранности и целевого использования бюджетных средств, непосредственно посягательствами на бюджетные средства, остро актуализированная в модерновом, постмодерновом и метамодерновом обществах. Отмечено, что рассматриваемые авраамические (галахические) основы касаются толкования богатства и проблемы его формирования, некоторых материальных благ, формируемых в особом порядке и для особых целей, отдельных аспектов жизни, связанных с использованием общественно-значимых материальных (финансовых) ресурсов, ответственности тех, кто нарушает порядок и принципы формирования, обеспечения сохранности и целевого использования бюджетных средств, и выделены соответствующие этому догмы.

Ключевые слова

Галаха (Халаха), постсекуляризация, история государства и права, теория государства и права, общество, государство, модерн, постмодерн, метамодерн, бюджетные средства, государственные средства, общественные средства, формирование бюджетных средств, обеспечение сохранности бюджетных средств, целевое использование бюджетных средств, посягательства на бюджетные средства, хищения бюджетных средств

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

В.И. Резюк – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, изучение религиозных законов, изучение опыта разных стран, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Резюк В.И. Авраамические (галахические) основы формирования, обеспечения сохранности и целевого использования бюджетных средств // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 427-435. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-427-435>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-427-435>

OECD 5.05; ASJC 3308

Abrahamic (Halakhic) foundations for the formation, preservation, and targeted use of budgetary funds

Vadim I. Rezyuk,

Senior Lecturer, Humanities Department of the Institute of World Medicine, “N.I. Pirogov Russian National Research Medical University” of the Ministry of Health of the Russian Federation, 1 Ostrovityanova St., bldg 6, Moscow, 117513, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-6188-7141>, ResearcherID [ODJ-3009-2025](https://orcid.org/0000-0001-6188-7141), rezyuk.vi@gmail.com

Abstract

The Abrahamic (Halakhic) foundations for the formation, preservation, and targeted use of budgetary funds have been studied. Specific provisions from the Pentateuch, Nevi'im, and Ketuvim are highlighted for interpretation, addressing issues of particular significance in the context of post-secularization. These provisions logically complement the scope of the theory of history, the theory of state and law, and other sciences, providing what is necessary to solve theoretical and practical problems. A social issue is noted, related to ensuring the preservation and targeted use of budgetary funds, specifically through encroachments on budgetary funds, which has become acutely relevant in modern, postmodern, and metamodern societies. It is noted that the Abrahamic (Halakhic) foundations under consideration relate to the interpretation of wealth and the problem of its formation, certain material goods formed in a special way and for special purposes, individual aspects of life related to the use of socially significant material (financial) resources, the responsibility of those who violate the order and principles of the formation, preservation, and targeted use of budgetary funds, and the corresponding dogmas are highlighted.

Keywords

Halakha, post-secularization, history of state and law, theory of state and law, society, state, modernity, postmodernity, metamodern society, budget funds, state funds, public funds, formation of budgetary funds, preservation of budgetary funds, targeted use of budgetary funds, encroachment on budgetary funds, misappropriation, embezzlement and theft of budget funds

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

V.I. Rezyuk – research concept development, collection and analysis of normative documents, scientific literature analysis, religious laws analysis, research of the experiences of different countries, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Rezyuk, V.I. (2025) Abrahamic (Halakhic) foundations for the formation, preservation, and targeted use of budgetary funds. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 427-435. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-427-435>

Введение

Любая наука, как и теоретические блоки отдельных из них, открыты для новой информации, установленных устойчивых закономерностей – это соответствует ее природе.

Отдельные актуальные проблемы современного мира и имеющийся опыт нередко отражают недостаточность и пробелы в теоретической базе. История и теория государства и права, как и ряда иных наук – не исключение, а примерами таких актуализированных проблем являются связанные с бюджетными средствами. В течение длительного времени общество волнует формирование, обеспечение сохранности и целевого использования бюджетных средств, тревожат связанные с этим нарушения.

Отдельные актуальные в современном мире тенденции обращают взор на особенно важные методы и решения. Постсекуляризация обусловила дополнительное внимание к соответствующим догмам.

В комплексе указанное актуализирует внимание к авраамическим (галахическим) основам формирования, обеспечения сохранности и целевого использования бюджетных средств.

Методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляют историко-правовой и формально-юридический методы, позволяющие исследовать авраамические (галахические) основы формирования, обеспечения сохранности и целевого использования бюджетных средств.

Результаты исследования и их обсуждение

Целый ряд обстоятельств, выливающих в глубокий кризис многих социальных институтов, возникновение и/или актуализация отдельных проблем при нередко кажущейся невозможности их решения усиливают внимание к самым устойчивым во времени идеям и механизмам, обеспечивающим улучшение действительности, приближение объективно происходящего к внутренним идеалам, установкам, ориентирам и ценностям самого высокого порядка. Как подобную указанной ситуации можно отнести актуальную для современного общества проблему формирования, обеспечения сохранности и использования бюджетных средств.

История и теория государства и права, иных наук объективно нуждаются в дополнительном внимании к соответствующему этому знаниям и опыту.

Среди частных, но острых и характерных для современного общества проблем может быть выделена проблема формирования, обеспечения сохранности и целевого использования бюджетных средств, различных посягательств на бюджетные средства, которая стала бичом разных стран, независимо от устройства и особенностей управления [1; 2, с. 142-148; 3, с. 60-63; 4, с. 87-90], усугубляющаяся, наряду с иным, нередким и опасным отношением человека к соответствующим финансовым ресурсам [5, с. 83-87]. Решение проблем, связанных с бюджетными средствами, способно решить многие острые социальные проблемы или приблизить к их решению (бедность, коснувшаяся даже средних слоев (работающих, активную и с потенциалом молодежь и др.), неравенство и их усугубление)¹ [1]. Особую значимость приобретает решение, раскрывающее проблему и создающее основу для ее преодоления, если не во всем мире, то в значительной его части. Параллельно логично и обоснованно возникает вопрос о наличии как такового опыта (или механизма) регулирования и преодоления самых актуальных и новых социальных недугов, социальных проблем нормами и правилами, имеющими многотысячелетний возраст и особенно значимых для общества и отдельного человека. Постсекуляризация актуализирует соответствующий вектор сосредоточенности.

Светское общество, ставшее доминирующим на большей части планеты в модерновом, постмодерновом и, как минимум на первоначальном этапе, метамодерновом обществах [6, с. 7-8], в разной степени обращается к соответствующим источникам для решения своих проблем [7, с. 7-11, 97; 8, р. 54-61; 9, р. 2-21]. Так, постсекуляризация, сменившая секуляризацию, когда не были решены имеющиеся или возникли новые проблемы, сопровождается новыми формами, надеждами и целями (формирование но-

¹ Размеры и доходы среднего класса в развитых странах сокращаются / Организация Объединенных Наций. URL: <https://news.un.org/ru/interview/2019/04/1353631> (дата обращения: 10.01.2025).

вых моделей социального взаимодействия с учетом нестабильности, фактически неореальности и др.) [7, с. 97; 10, с. 12; 11, с. 165]. Более того, происходит это в условиях повышения связи соответствующих принципов² со средствами нормативного регулирования [11, с. 161-165].

Одной из объединяющих догм выделенных основ является контроль или фактическое усмирение человека и побуждение его к соблюдению правил. Логично и обоснованно возникает вопрос об опыте урегулирования и преодоления самых актуальных и новых социальных недугов нормами и правилами, имеющими многотысячелетний возраст.

Выделенная проблема формирования, обеспечения сохранности и целевого использования бюджетных средств, в том числе посягательств на бюджетные средства, возникла с момента появления материальных ценностей в жизни общества и солидарного решения многих задач, стала особенно значимой после появления эквивалента для различных благ и остро актуальной для каждого государства (или аналогичного образования) – с момента начала бюджетирования его финансовых ресурсов [12, с. 129-130]. Последнее произошло, прежде всего, параллельно с закреплением концепции современного государства и современного общества с их развитыми системами управления. В период постмодерна подобное управление финансовыми ресурсами (бюджетирование) вышло на, казалось бы, не имеющие альтернативы позиции. Как минимум на текущем этапе метамодерна вопросы, связанные с бюджетными средствами, не менее актуальны. Типичными и распространенными стали посягательства на государственные, общие для общества финансовые ресурсы, в целом неперсонифицированные и неиндивидуализи-

зированные, предназначенные для общих целей и нужд. Это стало большой проблемой стран разных регионов и континентов, различных систем. Совершают указанное, как правило, имеющие доступ к финансовым ресурсам или наделенные соответствующей властью, полномочиями по управлению этими средствами.

Проблема формирования, обеспечения сохранности и целевого использования бюджетных средств часто выделяется как проблема современного периода, когда стали совершаться посягательства на государственные, местные и общественные средства, иные фонды (отличия в данных категориях прежде всего связаны со степенью централизации финансовых ресурсов, формами и видами бюджетов и т. п.). Посягательства на бюджетные (или изначально общественные) средства во многом связаны с издавна выделяемыми пороками и проблемами, различными формами нежелательного и опасного поведения, которые отмечались с давних времен существования человека и общества. Однако в таком же глубоко проникшем в регулятивные части состоянии могут находиться системы противодействия тем или иным проблемам и вызовам, и подобные системы ценностей обладают самой высокой устойчивостью и эффективностью.

С учетом указанного, при оценке соответствующих основ формирования, обеспечения сохранности и целевого использования бюджетных средств необходимо обратить внимание на следующее:

во-первых, на богатство и проблему его формирования;

во-вторых, на некоторые материальные блага, формируемые в особом порядке и для особых целей;

в-третьих, на некоторые аспекты жизни, связанные с использованием общественно-значимых материальных (финансовых) ресурсов;

в-четвертых, на ответственность тех, кто нарушает порядок и принципы формирования, обеспечения сохранности и целевого использования соответствующих фондов.

Нарушения, связанные с формированием, обеспечением сохранности и целевого использования бюджетных средств, непосредственно посягательства на бюджетные

² Глава ООН: религиозные лидеры играют важную роль в противостоянии ненависти / Организация Объединенных Наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/06/1441987> (дата обращения: 01.02.2025); Роль религии в обновлении ООН: Путь к более гармоничному миру. URL: <http://eurasia.upf.org/peace/supportun/1873-unday> (дата обращения: 01.02.2025); Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации. URL: <http://government.ru/departments/562/events/> (дата обращения: 01.02.2025).

средства (хищения, присвоения, растраты и др.) представляют собой корыстные деяния, связанные со стремлением получить материальную выгоду. Имущественные блага важны для удовлетворения потребностей человека и его всестороннего развития, и их недостаточность способна порождать или обнажать различные проблемы, но выделение богатства в качестве единственного ориентира порождает нежелательные и нередко опасные для человека и общества действия. Посягательство на бюджетные средства – одно из них. Поэтому важным является выделение положений и норм, определяющих приемлемое отношение человека к богатству.

Богатство («ошер»), как и мудрость, слава, с одной стороны, может быть наградой за труды, но, с другой стороны, вредна погоня за богатством любой ценой – это может быть опасным для человека. Истинными ориентирами, даже на пути к материальному вознаграждению, позволяющими получить улучшение благосостояния и его устойчивость, является иное: любовь к ближнему, равнодушие к «крови ближнего», невражда «на брата твоего в сердце твоём», честность и правда «в суде, в измерении, в весе и в мере» [Вайк. 19:16-18, 35]. «В доме праведника – много сокровищ» (Мишл. 15:6)³.

Посягательства на бюджетные средства совершаются в отношении средств соответствующих фондов – особых финансовых ресурсов (государственных, местных, общественных). Они формируются в особом порядке, в особом порядке осуществляется и их расходование. При этом часто именно в совокупности содержания стадий от формирования до использования (расходования) дается итоговая оценка. Важными являются источники формирования финансовых ресурсов с учетом направления расходования.

Осознание того, что некоторые материальные блага не просто формируются в особом порядке и для особых целей, чем подтверждается их особый статус, но и что предусматриваются особые возможности их ис-

пользования с особой ответственностью получившего такую возможность, становится возможным при взгляде, наряду с иным, на «десятину» («маасер») и другие правила:

– «Малки-Цедек, царь Шалема, принес хлеб и вино, а он священник Б-га Вышнего. И благословил его, и сказал: Благословен Авраам от Б-га Вышнего, творца неба и земли, и благословен Б-г Вышний, отдавший врагов твоих в руки твои, и дал ему (Авраам) десятину со всего» (Быт. 14: 18-20);

– «И сказал Авраам царю Седома: клянусь Г-м, Б-м Вышним, творцом неба и земли, что не возьму у тебя ничего – от нитки до обувного ремешка, чтобы не говорил ты: я обогатил Авраама» (Быт. 14: 21-22);

– установление запрета употребления дома в пищу десятины «от хлеба, молодого вина и оливкового масла, мяса первенцев мелкого и крупного скота, мяса жертв по обету, добровольных жертв и приношений» (Втор. 12:17);

– необходимость ежедневно «в жертву постоянную» приносить хлебный дар («минха»), и приношение «не должно быть съедено» (Вайк. 6:13, 16);

– имущество, посвященное и переданное из своей собственности Храму, «не продается и не выкупается» (Вайк. 27:28)⁴.

Большое значение имеет и то, каким образом приобретено имущество, даже если оно, казалось бы, направляется на добрые цели: «не вноси в Храм Г-да, твоего Б-га, заработанное продажной женщиной и выручку за пса, потому что оба они мерзки...» (Двар. 23:19)⁵.

Таким образом выделяются важные ценностные поведенческие стандарты. В контексте рассматриваемого вопроса, понимание имеющего сакральное значение связано с осознанием наличия определенного объема материальных благ, занимающего особое место и имеющего особый смысл. Несомненно, не следует проводить параллели или говорить об аналогичности всех выделенных выше и далее ценностей, понятий, ситуаций, однако понимание ценностно-ориентирующего механизма становится более полным.

³ Bible and Talmud. URL: <https://daatemet.org.il/he> (дата обращения: 02.01.2025); Тексты / NADAV Foundation. URL: <https://ja-tora.com/all-articles/> (дата обращения: 02.01.2025).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Важным непосредственным ориентиром в повседневной жизни была обозначена (и является важной сегодня) благотворительность («цдака») в пользу бедных и нуждающихся, а также для общественно полезных целей и нужд:

«Не ожесточай своего сердца и не скупись перед своими обедневшими братьями» (Кн. Двар. 15:7);

«Будь щедр к братьям твоим, к беднякам и обездоленным в твоей стране» (Кн. Двар. 15:11)⁶.

Бюджетное финансирование в части формирования доходной части во многом опирается на добрую волю, благотворительные принципы (особенно общественное финансирование), в части расходов – на социальные потребности, нужды малоимущих и иных нуждающихся.

Показателен пример царя Монобаза, который во время неурожая раздал свою казну. В ответ на претензию о том, что он растратил свою и отцовскую казну, был дан ответ, что предки копили сокровища на земле, а «я коплю их на небе», как было сказано: «Правда из земли возрастает, а милостыня с небес взирает» (Псал. 85, 12). Далее было отмечено, что предки хранили их в месте, доступном для человеческой руки, «я же храню их в месте, недоступном этой руки», как было написано: «Милостыня и правосудие – основы престола Твоего» (Псал. 88, 15) [13, с. 181].

На отдельных этапах общественного развития актуализируются различные способы посягательств на бюджетные средства. Так, исторически давними способами являются посягательства на общественные и государственные средства в наличной форме, в дальнейшем – иные, связанные с использованием служебного положения, служебных полномочий. На текущем этапе государственного и общественного развития одними из самых распространенных способов посягательств на бюджетные средства стали связанные с манипуляциями с заработной платой: присвоение «незаработанного» или предназначенного для выплат работникам

и др. Однако проблема, связанная с оплатой труда, не является новой проблемой, характерной для текущего периода. В подобных случаях нравственной основой выбора становятся правила поведения всех сторон «трудовых отношений»:

– работников (запрет сбора чужого урожая («серпа не заноси на урожай ближнего твоего» (Кн. Двар. 23:26))) и запрет уносить с собой плоды урожая («в сосуд твой не клади» (Кн. Двар. 23:25));

– нанимателей, работодателей («Не обирай ближнего твоего и не грабительствуй, и не задерживай у себя на ночь заработка наемника до утра» (Вайк. 19:13))⁷.

Ответственность тех, кто нарушает порядок и принципы формирования, обеспечения сохранности и использования соответствующих фондов, является логичным элементом регулятора поведения. Особое место в системе централизованного бюджетного финансирования занимает тот, кто наделен властью в отношении народа, социальной группы, полномочиями в отношении соответствующего денежного фонда. Наделение соответствующими потенциалом, возможностями и функционалом отражает доверие общества, является правомочием самого высокого порядка. Злоупотребление своим положением и статусом, своими полномочиями является ударом не только по имущественным отношениям, но и по всей системе социальных ценностей, ее ключевым позициям – доверию, честности, справедливости и др. Ответственность таких лиц может отражать все указанные аспекты. Иные различные требования, связанные с функционалом таких лиц, также отражают значение осуществляемого и их возможную ответственность.

Богатству правителей долгое время (в «предбюджетный период» [12, с. 127-128, 132-133]) давалась оценка, в целом, равная богатству иных лиц – оно рассматривалось как имущество конкретного человека. Однако уже в это время выделяется их особая ответственность, специфичные требования к его формированию, накоплению, использованию финансовых ресурсов и возможностей. Обозначаются ограничения, связанные:

⁷ Там же.

⁶ Bible and Talmud. URL: <https://daatemet.org.il/he> (дата обращения: 02.01.2025); Тексты / NADAV Foundation. URL: <https://ja-tora.com/all-articles/> (дата обращения: 02.01.2025).

– со статусом («Только пусть (*царь*) не заводит себе много коней» (Кн. Двар. 17:16), «слишком много серебра и золота у него (*также*) не должно быть» (Кн. Двар. 17:17));

– с предназначением («Пусть наместник Иудейский и старейшины Иудеев строят этот дом Б-жий на месте его. А Мною дано повеление, что должны делать вы для этих старейшин Иудейских, для отстройки этого храма Б-го: «Из имущества царского, из налогов Заречья пусть тотчас же выдано будет этим людям (на расходы), чтобы не была прекращена (работа)» (Берейш. 6.7, 6.8))⁸.

Отражаются ожидания общества и приближение к идеалу: «Он разбирал дело бедного и нищего, и поэтому ему хорошо было. Не это ли значит знать Меня? Говорит Г-дь» (Эйха (Плач.), 22:16)⁹.

Суровая кара предназначена для того правителя, кто притеснял свой народ, тому, кто построил дом свой «неправдою и беззаконием», кто заставлял «ближнего своего работать даром» и не выдавал «платы его», чьи «глаза обращены только к твоей корысти и к пролитию невинной крови». Так сказано о допустившем подобное царе Иудейском: «не будут оплакивать его «увы, брат мой!» и «увы, сестра!», не будут оплакивать его «увы, государь!» и «увы, его величие!». Ослиным погребением будет он (*Иоаким*) погребен; вытащат его и бросят далеко за ворота Иерусалима» (Иер., 22:13-20); [13, с. 120].

Рабби Иоханан, сын Торты, отмечал, что одной из причин изгнания современников второго Храма, которые исполняли предписания о десятинах, стало то, что они «любили деньги и ненавидели друг друга» [13, с. 176].

Ряд иных из 613 заповедей Торы определяют важное, имеющее самое близкое отношение к управлению общественными (государственными) финансовыми ресурсами: побудительные мотивы («Не пожелай (присвоить)... ничего, что у ближнего твоего» (Двар. 5:18)); устремления («Не крадите, не лгите и не обманывайте друг друга» (Вайк.

19:11)), правильное расходование десятины (Двар. 26:14)¹⁰.

Как результат – достигнутое состояние: «Блажен... боящийся Г-да», «род правых благословится» (Псал. 111)¹¹.

Именно поведением, а не случайными обстоятельствами, прежде всего, определяется жизнь человека (как «фундаментальный мировоззренческий принцип») [1, с. 165], что связано и с формированием, обеспечением сохранности и целевого использования бюджетных средств, государственных, местных и общественных фондов.

Выделенное закрепленное в Танах, непосредственно Торе или Пятикнижии, Невииме («Пророки»), Ктувие («Писание»), ставшее основой Библии, непосредственно Ветхого Завета, основных текстов всех авраамических конфессий, является нравственным ориентиром и поведенческим эталоном как для сферы и территории непосредственного действия соответствующих правил, так и для значительной части населения Земли.

Выделенные основы имеют значение для истории и теории государства и права, иных наук (экономики, криминологии и др.), отраслей, решения отдельных ситуационно или перманентно выделяемых проблем.

Важно учесть, что отмеченное не является исключительно «пожеланием, не подкрепленным реальной возможностью исполнения», – все выделенное «удивительно» жизненно и в содержании, и в реальном осуществлении [13, с. 17]. Авраамические (галахические) основы формирования, обеспечения сохранности и целевого использования бюджетных средств касаются толкования богатства и проблемы его формирования, отдельных материальных благ, формируемых в особом порядке и для особых целей, некоторых аспектов жизни, связанных с использованием общественно-значимых материальных (финансовых) ресурсов, ответственности тех, кто нарушает порядок и принципы формирования, обеспечения сохранности и целевого использования соответствующих фондов.

Что особенно важно для текущего времени, внимание к авраамическим (галахиче-

⁸ Bible and Talmud. URL: <https://daatemet.org.il/he> (дата обращения: 02.01.2025); Тексты / NADAV Foundation. URL: <https://ja-tora.com/all-articles/> (дата обращения: 02.01.2025).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

ским) основам формирования, обеспечения сохранности и целевого использования бюджетных средств способно приблизить к решению проблемы, актуальной для современного общества, отягощенного многочисленными конфликтами и кризисами и, возможно, переживающему уникальное состояние.

Заключение

Таким образом, теоретические блоки истории и теории государства и права, иных

наук, пополнив свой объем знаниями о соответствующих механизмах и закономерностях, способны стать основой последующего изучения отдельных аспектов рассмотренного вопроса, а также глубокой проработки практических решений или их интенционального понимания, непосредственно или опосредованно связанных с соответствующими проблемами.

Список источников

1. Зелиха Я. Тайные механизмы израильской коррупции // Еврейский журнал. 2016. URL: <https://jewishmagazine.ru/articles/topic/tajnye-mehanizmy-izraelskoj-korrupcii/>
2. Резюк В.И. Уголовная ответственность за совершение служебных хищений государственных бюджетных средств в уголовных законодательствах Китая и России: сравнительно-правовой аспект // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. 2024. Т. 34. № 1. С. 142-150. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2024-34-1-142-150>, <https://elibrary.ru/qwykgi>
3. Резюк В.И. Хищения бюджетных средств с использованием служебных полномочий в странах Африки // Африка перед лицом современных вызовов и угроз. Москва: Ин-т Африки РАН, 2021. С. 60-65. <https://elibrary.ru/rolkyl>
4. Шиенко В.П., Резюк В.И. Зарубежный опыт противодействия преступным посягательствам на бюджетные средства с использованием служебных полномочий (по материалам округа Лос-Анжелес штата Калифорния, США) // Труд. Профсоюзы. Общество. 2018. № 2. С. 87-92.
5. Резюк В.И. Отношение к государственной и муниципальной собственности как фактор, влияющий на должностное хищение бюджетных средств // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 1. С. 83-88. <https://doi.org/10.37973/KUI.2022.81.17.020>, <https://elibrary.ru/rjtmxs>
6. Гилинский Я.И. Криминология и девиантология постмодерна. Санкт-Петербург: Алетейя, 2024. 242 с.
7. Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2020. 416 с.
8. Schaefer J., Özdemir İ., Benstein J., Khalid F., Ammar N. Judaic, Christian, and Islamic Perspectives on Shared Moral Principles // Proceedings of the Abrahamic Traditions and Environmental Change Workshop. Rhodes, 2019. August. P. 54-62.
9. Shemesh A. Halakhah in the Making: The Development of Jewish Law from Qumran to the Rabbis. California: University of California Press, 2009. 234 p.
10. Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. 160 с. <https://doi.org/10.23681/619692>, <https://elibrary.ru/jdgqkv>
11. Суханов В.А. Влияние религии на политические процессы в Израиле // Ежегодник ИМИ. 2015. № 1 (11). С. 161-166. <https://elibrary.ru/vkqkhh>
12. Резюк В.И. Бюджет: генезис понятийного аппарата и юридического содержания // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2017. № 1. С. 127-135.
13. «И сказал Г-дь Моисею...». Первоисточники иудаизма / сост. Д.В. Щедровицкий. Москва: Теревинф, 2017. 225 с.

References

1. Zelikha Ya. (2016). The secret mechanisms of Israeli corruption. *Evreiskii zhurnal = The Jewish Journal*. (In Russ.) URL: <https://jewishmagazine.ru/articles/topic/tajnye-mehanizmy-izraelskoj-korrupcii/>
2. Rezyuk V.I. (2024). criminal liability for official misappropriations, embezzlements and thefts of state budget funds in the criminal legislations of China and Russia: comparative legal aspect. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Economics and Law Series*, vol. 34, no. 1, pp. 142-150. (In Russ.) <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2024-34-1-142-150>, <https://elibrary.ru/qwykgi>
3. Rezyuk V.I. (2021). Theft of public funds using official authority in African countries. *Afrika pered litsom sovremennykh vyzovov i ugroz = Africa in the Face of Contemporary Challenges and Threats*. Moscow, In-

- stitute for African Studies, Russian Academy of Sciences Publ., pp. 60-65. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rolkyl>
4. Shienok V.P., Rezyuk V.I. (2018). Foreign experience on counteractions of the criminal offenses against budget funds with the use of official powers (on the practice materials of Los Angeles county, California, USA). *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo = Labour. Trade Unions. Society*, no. 2, pp. 87-92. (In Russ.)
 5. Rezyuk V.I. (2022). the attitude to state and municipal property as a factor influencing titular embezzlement of public funds. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, vol. 13, no. 1, pp. 83-88. (In Russ.) <https://doi.org/10.37973/KUI.2022.81.17.020>, <https://elibrary.ru/rjtmxs>
 6. Gilinskii Ya.I. (2024). *Criminology and Deviantology of Postmodernity*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 242 p. (In Russ.)
 7. Uzlaner D. (2020). *The Postsecular Turn. How to Think About Religion in the 21st Century*. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 416 p. (In Russ.)
 8. Schaefer J., Özdemir İ., Benstein J., Khalid F., Ammar N. (2019). Judaic, Christian, and Islamic Perspectives on Shared Moral Principles. *Proceedings of the Abrahamic Traditions and Environmental Change Workshop*. Rhodes, August, pp. 54-62.
 9. Shemesh A. (2009). *Halakhah in the Making: The Development of Jewish Law from Qumran to the Rabbis*. California, University of California Press, 234 p.
 10. Gilinskii Ya.I. (2021). *Postmodern Criminology (Neocriminology)*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 160 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.23681/619692>, <https://elibrary.ru/jdgqkv>
 11. Sukhanov V.A. (2015). The influence of religion on political processes in Israel. *Ezhegodnik IMI = Yearbook of the Institute for International Studies*, no. 1 (11), pp. 161-166. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vkqkqh>
 12. Rezyuk V.I. (2017). Budget: genesis of the conceptual apparatus and legal content. *Vestnik Brestskago yuniversiteta. Seria 2. Gistoryya. Ekanomika. Prava*, no. 1, pp. 127-135. (In Russ.)
 13. Shchedrovitskiy D.V. (compiler) (2017). *"Then the Lord said to Moses..."*. *Primary Sources of Judaism*. Moscow, Terevinf Publ., 225 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 22.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.11

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-436-443>

Шифр научной специальности 5.1.4

Регламент доказательственной деятельности при упрощенной и ускоренной форме судебного разбирательства

Овсянников Игорь Владимирович,

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», 390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, 1, <https://orcid.org/0000-0003-4226-5958>, ivover@mail.ru

Аннотация

Применительно к упрощенной и ускоренной форме судебного разбирательства по уголовному делу обсужден регламент доказательственной деятельности, в том числе вопрос: когда и в каком порядке судья может установить доказанность обвинения. Высвечены недостатки норм уголовно-процессуального закона, затрудняющие их понимание и толкование правоприменителями. Подвергнуто критическому анализу распространенное в теории и на практике смещение исследования судом доказательств, положенных в основу обвинения, со стадии судебного разбирательства на предыдущую стадию подготовки к судебному заседанию. Использованы правовые позиции Пленума Верховного суда РФ и Конституционного суда РФ по рассматриваемым вопросам. Предложено в статье 316 УПК РФ указать на обязанность судьи опосредованно исследовать доказательства, положенные в основу обвинения. Сформулированы и другие предложения по совершенствованию закона в части регламентации доказательственной деятельности при рассматриваемой форме судебного разбирательства.

Ключевые слова

особый порядок, независимость судьи, защитник, принцип, состязательность сторон, обеспечение права на защиту, презумпция невиновности, исследование доказательств

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

И.В. Овсянников – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, анализ правоприменительной практики, формулирование предложений по совершенствованию закона, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор статьи является членом редакционной коллегии журнала «Актуальные проблемы государства и права», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования

Овсянников И.В. Регламент доказательственной деятельности при упрощенной и ускоренной форме судебного разбирательства // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 436-443. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-436-443>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-436-443>

OECD 5.05; ASJC 3308

Regulations for evidentiary activity in simplified and accelerated forms of judicial proceedings

Igor V. Ovsyannikov,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4226-5958>, ivover@mail.ru

Abstract

Regarding the simplified and accelerated form of criminal proceedings, the rules of evidence were discussed, including the question of when and in what order the judge can establish the guilt of the accused. The shortcomings of the norms of criminal procedural law that hinder their understanding and interpretation by law enforcement officials are highlighted. The common shift in the theoretical and practical study of the court's examination of the evidence underlying the indictment from the trial stage to the preliminary hearing stage has been critically analyzed. The legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation on the issues under consideration have been used. It is proposed in Article 316 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation to indicate the judge's obligation to indirectly examine the evidence on which the indictment is based. Other proposals have also been formulated to improve the law regarding the regulation of evidentiary activities in the form of judicial proceedings under consideration.

Keywords

special procedure, judicial independence, defense counsel, principle, adversarial nature of the parties, ensuring the right to defense, presumption of innocence, examination of evidence

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

I.V. Ovsyannikov – concept development, normative documents selection and analysis, scientific literature analysis, analysis of law enforcement practice, formulation of proposals for law improvement, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author of the article is a member of the Editorial Board of the journal “Current Issues of the State and Law”, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The author declares no other conflicts of interest.

For citation

Ovsyannikov, I.V. (2025) Regulations for evidentiary activity in simplified and accelerated forms of judicial proceedings. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 436-443. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-436-443>

Введение и постановка проблемы

При разбирательстве по уголовному делу центральная часть процессуальной деятельности суда – доказывание, в том числе на этапах судебного следствия и постановления приговора. Для упрощенного (особого) порядка разбирательства предусмотрены особенности доказательственной деятельности на каждом из этих этапов (части 5, 7, 8 статьи 316 УПК РФ).

По делам о нетяжких преступлениях при согласии обвиняемого с обвинением применение особого порядка проведения судебного заседания позволяет в значительной мере упростить и ускорить разбирательство, исключить необходимость производить допросы и иные судебные действия познавательного характера, вызывать в суд свидетелей и экспертов, откладывать судебное заседание из-за неявки вызванных лиц, принимать ме-

ры по их вызову или приводу и т. п. Достигается это за счет отказа от необходимости для суда исследовать доказательства непосредственно (часть 1 статьи 240 УПК РФ).

Пленум Верховного суда РФ разъясняет, что особый порядок не предусматривает исследования в судебном заседании доказательств, относящихся к обвинению, но обращает внимание на условие постановления обвинительного приговора – если судья придет к выводу, что обвинение обосновано, подтверждается доказательствами, собранными по делу (часть 7 статьи 316 УПК РФ)¹. В процессуальной литературе в перечень вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора в особом порядке, вопросы о доказанности обвинения (о доказанности деяния, вмененного подсудимому, совершения деяния подсудимым и его виновности) не включаются [1, с. 228-229].

Если не в заседании и не по результатам судебного следствия, то когда и в каком порядке судья может установить доказанность обвинения?

Результаты исследования

Судьи Верховного суда РФ полагают: для решения вопроса о назначении разбирательства в особом порядке судье необходимо удостовериться, что обвинение подтверждается собранными по делу доказательствами, поэтому судья предварительно (до судебного следствия) исследует и оценивает эти доказательства в опосредованном порядке [2]. В научной литературе предлагается для случая ходатайства обвиняемого об особом порядке в статье 228 УПК РФ обязать суд устанавливать подтверждение обвинения собранными по делу доказательствами [3, с. 111].

Но после принятия в 2001 г. действующего УПК РФ не стихают острые дискуссии вокруг института особого порядка разбирательства, регламентированного в главе 40. Высказываются различные мнения и по вопросу о необходимости этого процессуального института. В числе основных причин, вызывающих критические мнения ученых и практических работников о его целесооб-

разности, называют исключение судебного этапа проверки доказательств [4, с. 238].

Однако в научной литературе нет единства в понимании регламента доказательственной деятельности при особом порядке.

Одни исследователи полагают: при реализации особого порядка исследование доказательств, содержащихся в деле, судом не проводится, но должно происходить при назначении дела к слушанию, судебное следствие присутствует только для установления наличия необходимых оснований и условий данного вида производства [5, с. 20]; из предмета доказывания исключаются событие преступления, виновность подсудимого и форма вины, обосновывающие обвинение доказательства при рассмотрении дела не исследуются, но исследуются судом вне рамок судебного заседания (при предании суду) [6, с. 118]. Д.А. Маткина предлагает дополнить статью 5 УПК РФ новым пунктом, в содержании которого прямо указать, что при особом порядке разбирательство проводится без исследования и оценки доказательств, собранных по делу [7, с. 11].

Другие подчеркивают, что при особом порядке режим доказывания обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, смягчающих и отягчающих наказание, не имеет принципиального отличия от общего порядка [8, с. 10], что суд вправе по ходатайству сторон исследовать их в общем порядке [9, с. 10]. А.Р. Белкин констатирует право суда при существующем регламенте постановить приговор без исследования доказательств виновности обвиняемого (при наличии его ходатайства и других предусмотренных законом условий), но считает необходимым проведение судебного следствия и исследования доказательств (для обеспечения возможности проверки судом обоснованности обвинения) [10, с. 4, 9-10, 23].

Вопрос о том, исследует ли доказательства суд, применяющий особый порядок, не единственный, который возникает при анализе положений главы 40 и является дискуссионным в теории. Трудно понять даже то, должно ли при особом порядке проводиться судебное разбирательство: с одной стороны, глава 40 помещена законодателем в раздел X, в наименовании которого речь идет о судебном разбирательстве; с другой

¹ О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29.11.2016 № 55. П. 17 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2017. № 1.

стороны, в наименовании главы 40 и статьи 314 речь идет не о разбирательстве, а лишь о принятии судебного решения, в статьях же 315 и 316 главы 40 говорится о постановлении приговора «без проведения судебного разбирательства». Это противоречие затрудняет понимание воли законодателя, дает повод для ограничения доказательственной деятельности.

Законодатель указывает: «Судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание» (часть 5 статьи 316 УПК РФ). Эти положения позволяют утверждать о необходимости для судьи выделять из общего круга доказательств те доказательства, которые используются для установления не события преступления и виновности подсудимого в его совершении, формы вины, мотивов (пункты 1, 2 части 1 статьи 73 УПК РФ), а обстоятельств, указанных в пунктах 3, 6 части 1 статьи 73 УПК РФ.

Следует отметить, что в статье 73 УПК РФ перечислены и другие обстоятельства, которые могут выходить за рамки обстоятельств, устанавливаемых для формулирования и обоснования обвинения, но которые тоже подлежат доказыванию. Действующий регламент не дает ясного ответа на вопрос о том, в каком порядке при упрощенном судебном разбирательстве должны исследоваться доказательства для установления этих (других) обстоятельств. При буквальном толковании положений части 5 статьи 316 можно прийти к выводу о фактическом исключении из процесса доказывания, например, обстоятельств, могущих повлечь освобождение от уголовной ответственности и наказания (пункт 7 части 1 статьи 73 УПК РФ), или обстоятельств, указанных в пункте 8 части 1 статьи 73 УПК РФ.

С нашей точки зрения, согласиться со смещением исследования судом доказательств, положенных в основу обвинения, на стадию подготовки к судебному заседанию сложно.

Во-первых, для стадии подготовки временный закон (в отличие от ранее дейст-

вовавшего²) не предусматривает исследования судом доказательств и их оценки с точки зрения достаточности. Исследователи подчеркивают: на этой стадии судья не предпринимает вопроса о виновности лица [11], не реагирует на обвинение [12, с. 38]. Не предусматривается этого и в современных научно-практических пособиях для постановлений о назначении рассмотрения дела в особом порядке [13, с. 55-62].

Допущение противоположного подхода означает, что на стадии судебного разбирательства судья утрачивает независимость, становится связанным ранее выраженным мнением о доказанности обвинения. Как указывает Конституционный суд РФ, выражение судьей до завершения рассмотрения уголовного дела своей позиции о достаточности доказательств, виновности обвиняемого ограничивает его независимость при постановлении итогового решения, в таких случаях судья не должен участвовать в дальнейшем рассмотрении дела³.

Во-вторых, Пленум Верховного суда РФ подчеркивает необходимость соблюдения принципов уголовного судопроизводства при разрешении дел в особом порядке⁴. Но исследование судом доказательств в тиши кабинета, без участия защитника, который мог бы оспорить достаточность доказа-

² Статья 222 УПК РСФСР 1960 г. обязывала судью при разрешении вопроса о назначении судебного заседания выяснять в отношении каждого из обвиняемых, в частности, и такой вопрос: «собраны ли доказательства, достаточные для рассмотрения дела в судебном заседании».

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Довгия Дмитрия Павловича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 01.03.2012 № 425-О-О. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision95057.pdf> (дата обращения: 13.04.2025); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габбасова Марселя Римовича на нарушение его конституционных прав статьей 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 01.03.2012 № 426-О-О. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision95058.pdf> (дата обращения: 13.04.2025).

⁴ О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 29.06.2021). П. 1 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2007. № 2.

тельств и доказанность обвинения даже при согласии с обвинением обвиняемого (наличие у защитника такой возможности мы обосновывали ранее [14, с. 298]), без выяснения позиции и мнения защитника, противоречит принципам состязательности сторон и обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (статьи 15, 16 УПК РФ).

В-третьих, закон предписывает: основывать приговор лишь на доказательствах, исследованных в судебном заседании, разрешать вопросы о доказанности обвинения при постановлении приговора и в совещательной комнате, где в это время не могут находиться другие лица (часть 3 статьи 240, статья 298, часть 1 статьи 299 УПК РФ). Такие условия необходимы для обеспечения независимости судей (статья 8.1 УПК РФ). По смыслу принципа презумпции невиновности обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в порядке, предусмотренном процессуальным законом, и установлена вступившим в законную силу приговором суда (часть 1 статьи 14 УПК РФ). Поэтому если суд будет исследовать доказательства и разрешать вопросы о доказанности обвинения в каком-то ином порядке, то презумпция невиновности останется не опровергнутой, в такой ситуации постановить обвинительный приговор нельзя.

Что касается положения, закрепленного в первом предложении части 5 статьи 316 УПК РФ, то оно, по нашему мнению, сформулировано слишком общо и имеет предельно широкий характер. Вследствие этого оно охватывает все доказательства, как собранные дознавателем (следователем) ранее (в досудебном производстве) и перечисленные в утвержденном прокурором итоговом документе предварительного расследования, так и те, которые представлены сторонами или получены путем проведения допросов и (или) других действий в ходе судебного разбирательства и которые могут быть использованы судом для установления обстоятельств, указанных во втором предложении части 5 статьи 316 УПК РФ, и имеющих значение для принятия итогового судебного решения по делу. Такой охват представляется чрезмерным, а предельно широкий харак-

тер данного нормативного положения неоправданным.

Нормативное положение, закрепленное во втором предложении части 5 статьи 316 УПК РФ, напротив, охватывает только некоторые, но далеко не все обстоятельства, которые могут иметь значение для принятия итогового судебного решения и которые могут устанавливаться при особом порядке разбирательства путем оглашения имеющихся в деле документов или дополнительно представленных сторонами материалов, а также путем проведения допросов и (или) других действий. Так, Пленум Верховного суда РФ указывает, что *«проведение судебного разбирательства в особом порядке (главы 40 и 40.1 УПК РФ) не освобождает суд от обязанности исследовать вопросы, касающиеся гражданского иска, и принять по нему решение»*, причем *«имущественный вред, причиненный непосредственно преступлением, но выходящий за рамки предъявленного подсудимому обвинения... подлежит доказыванию гражданским истцом путем представления суду соответствующих документов...»*⁵. Применительно к уголовным делам, рассматриваемым по правилам главы 40 или 40.1 УПК РФ, Пленум разъясняет: *«При необходимости в целях уточнения обстоятельств, значимых для разрешения указанных (в пунктах 10.1–12 части 1 статьи 299 УПК РФ. – И. О.) вопросов, суд оглашает имеющиеся в деле и дополнительно представленные сторонами материалы»*⁶.

Заключение

По нашему мнению, рассмотренные недостатки норм уголовно-процессуального закона затрудняют их понимание и толкование профессиональными и, тем более, непрофессиональными участниками уголовного судопроизводства, дезориентируют их, могут порождать неоднородности в судебной практике.

⁵ О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 13.10.2020 № 23. П. 21, 23 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2020. № 12.

⁶ О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 14.06.2018 № 17 (ред. от 12.12.2023). П. 12 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2018. № 8.

Изложенное позволяет утверждать, что смещение исследования судом доказательств, положенных в основу обвинения, со стадии судебного разбирательства на предыдущую стадию подготовки к судебному заседанию противоречит ряду принципов уголовного судопроизводства и другим процессуальным нормам.

Следует согласиться с предложенным Пленумом Верховного суда РФ толкованием рассматриваемых процессуальных норм, согласно которому при особом порядке ряд обстоятельств могут устанавливаться «всеми предусмотренными уголовно-процессуальным законом способами»⁷, то есть и теми способами, которые предусмотрены для общего порядка разбирательства.

Можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию процессуального закона в части регламентации доказательственной деятельности при рас-

сматриваемой форме судебного разбирательства.

В статьях 315 и 316 утверждения о не проведении судебного разбирательства исключить. В статье 316 указать на обязанность судьи опосредованно исследовать доказательства, положенные в основу обвинения.

Первое предложение части 5 статьи 316 целесообразно изменить так, чтобы оно препятствовало общему порядку исследования судьей (в условиях непосредственности и устности) не любых доказательств, а только доказательств ограниченного и определенного круга. Такими доказательствами можно считать доказательства, собранные следователем (дознавателем) и положенные в основу утвержденного прокурором обвинительного заключения (акта, постановления), то есть итогового процессуального документа предварительного расследования.

Второе предложение части 5 статьи 316 тоже целесообразно изменить, чтобы в нем нельзя было усматривать препятствие для исследования в общем порядке всех остальных доказательств (кроме положенных в основу обвинения), как имеющих в деле, так и дополнительно представленных сторонами. Впрочем, в случае внесения предлагаемых выше изменений второе предложение части 5 статьи 316 станет излишним, его можно исключить.

⁷ О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 29.06.2021). П. 10 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2007. № 2; О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021). П. 16 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2012. № 9.

Список источников

1. Тацилин М.Т. Судебный приговор. Научно-практическое пособие. Пятигорск: ООО "РИА-КМВ", 2024. 496 с. <https://www.elibrary.ru/ngwvsw>
2. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ: Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики: практическое пособие: в 2 ч. Ч. 2 / В.А. Давыдов, В.В. Дорошков, Н.А. Колоколов и др.; под ред. В.М. Лебедева. Москва: Юрайт, 2016. 393 с. <https://www.elibrary.ru/tlrhpc>
3. Выхребцев Б.С., Мищенко Е.В., Сергеев А.Б. Действие принципов справедливости и состязательности на стадии подготовки к судебному заседанию в их системном единстве: вопросы гармонизации и совершенствования правовой регламентации. Челябинск: ООО «Полиграф-Мастер», 2023. 150 с. <https://elibrary.ru/jgqhru>
4. Трухачев В.В. Обоснованность института особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с обвинением // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4. С. 231-240. <https://elibrary.ru/okcbxj>
5. Любишкин Д.Е. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 23 с. <https://elibrary.ru/nkftod>
6. Мокрушин С.В. Проблемы использования формальных средств доказывания в российском уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 1. С. 115-119. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-1-115-119>, <https://elibrary.ru/myqcnh>

7. Маткина Д.А. Конвенциональная форма судебного разбирательства: история, современность и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2009. 26 с.
8. Булыгин А.В. Основания рассмотрения уголовного дела и особенности доказывания при судебном разбирательстве в порядке главы 40 УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 30 с. <https://elibrary.ru/svehgn>
9. Костовская Н.В. Оценка доказательств при принятии процессуальных решений по уголовному делу судом первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 27 с. <https://elibrary.ru/qhdmkb>
10. Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть XIV. Производство в особом порядке. Производство у мирового судьи. Москва: РТУ (МИРЭА), 2020. 75 с.
11. Дорошков В.В. Стадии уголовного судопроизводства // Правосудие в современном мире / В.И. Анишина, В.Ю. Артемов, А.К. Большова и др.; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. Москва: Норма, Инфра-М., 2012. С. 484-502.
12. Кальницкий В.В. Понятие и значение стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4 (67). С. 34-41. <https://elibrary.ru/zxkrez>
13. Составление судебных актов по уголовным делам. В помощь мировому судье: научно-практическое пособие / Т.Н. Долгих, Е.Г. Зейдлиц, Т.В. Исакова и др.; под ред. К.Б. Калиновского. Санкт-Петербург: Астерион, 2024. 236 с. <https://elibrary.ru/cgbsry>
14. Овсянников И.В. Приговор при упрощенном порядке судебного разбирательства // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 294-300. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-294-300>, <https://elibrary.ru/otnlai>

References

1. Tashchilin M.T. (2024). *Court Verdict. Scientific and Practical Guide*. Pyatigorsk, LLC "RIA-KMV", 496 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/ngwvsw>
2. Davydov V.A., Doroshkov V.V., Kolokolov N.A. et al. (2016). *Practice of Applying the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Current Issues of Judicial Practice, Recommendations of the Judges of the Supreme Court of the Russian Federation on the Application of Criminal Procedure Legislation Based on the Latest Judicial Practice: A Practical Guide. In two parts. Part 2*. Moscow, Yurait Publ., 393 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/tlrtpc>
3. Vyskrebtev B.S., Mishchenko E.V., Sergeev A.B. (2023). *The Application of the Principles of Justice and Adversarial Proceedings at the Pre-Trial Stage in Their Systemic Unity: Issues of Harmonization and Improvement of Legal Regulation*. Chelyabinsk, LLC "Poligraf-Master", 150 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jgqhru>
4. Trukhachev V.V. (2019). Institute of validity of a special order of judicial proceedings at the consent of the defendant with charge. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, no. 4, pp. 231-240. (In Russ.) <https://elibrary.ru/okcbxj>
5. Lyubishkin D.E. (2006). *Special Procedure for Making a Judicial Decision with the Defendant's Consent to the Accusation. Cand. Sci. (Law) diss. abstr.* Vladimir, 23 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nkftod>
6. Mokrushin S.V. (2021). Problems of using formal means of proof in Russian criminal proceedings. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, vol. 7, no. 1, pp. 115-119. (In Russ.) <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-1-115-119>, <https://elibrary.ru/myqcnh>
7. Matkina D.A. (2009). *Conventional Form of Judicial Proceedings: History, Modernity, and Development Prospects. Cand. Sci. (Law) diss. abstr.* Orenburg, 26 p. (In Russ.)
8. Bulygin A.V. (2013). *Grounds for considering a criminal case and peculiarities of proof during judicial proceedings under Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) diss. abstr.* Ekaterinburg, 30 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/svehgn>
9. Kostovskaya N.V. (2010). *Evaluation of Evidence in Making Procedural Decisions in a Criminal Case by a Court of First Instance. Cand. Sci. (Law) diss. abstr.* Ekaterinburg, 27 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qhdmkb>
10. Belkin A.R. (2020). *The Russian Code of Criminal Procedure: Constructive Criticism and Possible Improvements. Part XIV. Production in a Special Manner. Proceedings before a Magistrate*. Moscow, RTU (MIREA), 75 z. (In Russ.)
11. Doroshkov V.V. (2012). Stages of criminal proceedings. In: *Pravosudie v sovremennom mire = Justice in the Modern World*. Moscow, Norma, Infra-M Publ., pp. 484-502 (In Russ.)

12. Kal'nitskii V.V. (2017). The concept and meaning of stage of appointment and preparation of trial in criminal procedure. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 4 (67), pp. 34-41. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zxkreZ>
13. Dolgikh T.N., Zeidlits E.G., Isakova T.V. et al. (2024). *Drafting Judicial Acts in Criminal Cases. To Assist the Justice of the Peace: A Scientific and Practical Guide*. St. Petersburg, Asterion Publ., 236 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cgbsry>
14. Ovsyannikov I.V. (2024). The verdict in the simplified procedure of the trial. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 294-300. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-294-300>, <https://elibrary.ru/otnlai>

Поступила в редакцию / Received 16.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 356.3

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-444-457>

Шифр научной специальности 5.1.4

Формирование структур по материально-техническому обеспечению Министерства внутренних дел России: этапы организации и полномочия (XIX – начало XXI в.)

Ковалева Наталья Витальевна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления, Государственный университет управления, 109542, Российская Федерация, г. Москва, проспект Рязанский, 99; главный научный сотрудник, Академия управления МВД России, 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, <https://orcid.org/0000-0003-2982-871X>, ResearcherID: XMB-2715-2023, Scopus Author ID: 57211466869, doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Аннотация

Рассмотрены этапы формирования и эволюции организационно-правовых структур, обеспечивающих материально-техническое сопровождение деятельности органов внутренних дел России с конца XVIII до начала XXI века. Исследование охватывает ключевые исторические периоды – от дореволюционного институционального оформления Экспедиции государственного хозяйства и Департамента государственного хозяйства, становления Хозяйственного департамента МВД Российской империи до реорганизаций советского и постсоветского времени, завершившихся созданием Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России. Особое внимание уделено правовому закреплению функций соответствующих подразделений, нормативным основаниям их деятельности и институциональной преемственности в рамках различных моделей государственного управления. На основе анализа нормативных правовых актов, организационных структур и функциональных полномочий выделены этапы централизации, децентрализации и последующего восстановления единой системы снабжения в МВД. Установлено, что современные подходы к материально-хозяйственному обеспечению в органах внутренних дел базируются на исторически сложившихся принципах правового регулирования, что позволяет обеспечивать стабильность и эффективность функционирования правоохранительной системы в современных условиях.

Ключевые слова

материально-техническое обеспечение, Министерство внутренних дел, хозяйственный департамент, правовое регулирование, институциональное развитие, административные реформы, историко-правовой анализ

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

Н.В. Ковалева – разработка концепции исследования, сбор и анализ нормативных правовых актов, анализ научной литературы, анализ правоприменительной практики, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Ковалева Н.В. Формирование структур по материально-техническому обеспечению Министерства внутренних дел России: этапы организации и полномочия (XIX – начало XXI в.) // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 444-457. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-444-457>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-444-457>

OECD 5.05; ASJC 3308

Formation of structures for material and technical support of the Ministry of Internal Affairs of Russia: stages of organization and powers (19th – early 21st centuries)

Natalia V. Kovaleva,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Public Law and Legal Support of Management Department, State University of Management, 99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russian Federation; Chief Researcher, Academy of Management of the MIA of Russia, 8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskiy St., Moscow, 125993, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2982-871X>, ResearcherID: XMB-2715-2023, Scopus Author ID: 57211466869, doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Abstract

The stages of formation and evolution of organizational and legal structures that provided material and technical support for the activities of the Russian internal affairs bodies from the end of the 18th century to the beginning of the 21st century are examined. The study covers key historical periods – from the pre-revolutionary institutionalization of the Expedition for State Economy and the Department of State Economy, the formation of the Economic Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, to the reorganizations of the Soviet and post-Soviet times, culminating in the creation of the Department for Material, Technical and Medical Support of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Special attention is given to the legal consolidation of the functions of the relevant units, the normative basis for their activities, and institutional continuity within the framework of various models of public administration. Based on the analysis of normative legal acts, organizational structures, and functional powers, the stages of centralization, decentralization, and the subsequent restoration of a unified supply system within the Ministry of Internal Affairs have been identified. It has been established that modern approaches to material and economic support in internal affairs bodies are based on historically established principles of legal regulation, which allows for ensuring the stability and effectiveness of the law enforcement system's functioning in modern conditions.

Keywords

material and technical support, Ministry of Internal Affairs, Economic Department, legal regulation, institutional development, administrative reforms, historical and legal analysis

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

N.V. Kovaleva – concept development, normative legal acts collection and analysis, scientific literature analysis, analysis of law enforcement practice, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Kovaleva, N.V. (2025). Formation of structures for material and technical support of the Ministry of Internal Affairs of Russia: stages of organization and powers (19th – early 21st centuries). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 444-457. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-444-457>

Введение

Правовое регулирование материально-технического обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации представляет собой системную деятельность, направленную на обеспечение функционирования всей системы внутренних дел в соответствии с целями государственной политики. Анализ эволюции организационно-правовых форм снабженческой и хозяйственной деятельности в структуре МВД России имеет не только историко-правовое, но и прикладное значение в части обоснования компетенции соответствующих структурных подразделений, а также выработки единых подходов к формированию их полномочий.

В течение двух столетий в российской системе государственного управления формировались различные модели обеспечения хозяйственной, инженерной, медицинской, санитарной и имущественной поддержки для нужд внутренних органов. Эти процессы находились под влиянием институциональных реформ, военных и социальных преобразований в стране. Нормативные акты, издававшиеся как в дореволюционный, так и в советский и постсоветский периоды, определяли правовые рамки полномочий органов, ведающих хозяйственным обеспечением, и закрепляли соответствующие функции на уровне имперских манифестов, приказов в советский период и различных нормативных актов современной России.

Методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляют историко-правовой и формально-юридический методы, позволяющие проследить институциональную эволюцию материально-технического обеспечения органов внутренних дел России на протяжении двух столетий. Также использовались системный и структурно-функциональный подходы для анализа взаимосвязи между административными реформами и трансформацией организационно-правовых форм обеспечения. Нормативный метод

применен при анализе источников права дореволюционного, советского и постсоветского периодов, что позволило выявить устойчивые модели правового регулирования и институциональной преемственности.

Результаты исследования и их обсуждение

Законодательное оформление централизованной модели хозяйственного управления (1797–1802 гг.). Правовое закрепление основ централизованного хозяйственного обеспечения государственной системы берет свое начало в конце XVIII века. Указом от 4 марта 1797 г. при Сенате была учреждена Экспедиция государственного хозяйства, опекунов иностранных и сельского домоводства, организационно подчиненная генерал-прокурору¹. Среди полномочий Экспедиции законодательно были закреплены функции координации и развития внутреннего производства, ремесел, мануфактур, а также стимулирования экономической деятельности. Именным указом от 6 марта 1797 г. в компетенцию Экспедиции дополнительно было включено обеспечение «усовершенствования производств народного промысла» с учетом региональной специфики, что свидетельствовало о переходе к функциональному регулированию хозяйственного обеспечения на уровне государства².

Институционализация полномочий в рамках Министерства внутренних дел: штатная и правовая структура (1802–1806 гг.). Учреждение Министерства внутренних дел Российской империи в соответствии с Высочайшим Манифестом от 8 сентября 1802 г. ознаменовало переход к централизованному управлению внутренними делами, включая снабженческо-хозяйственные функции. В структуру нового ведомства

¹ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание: в 45 т. Т. 24: 6 ноября 1796 – 1797. Законы № 17530–18301. № 17865–17866. С. 508.

² Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание: в 45 т. Т. 24: 6 ноября 1796 – 1797. Законы № 17530–18301. № 17869. С. 509.

были интегрированы ранее существовавшие органы – Мануфактур-коллегия, Медицинская коллегия, а также Экспедиция государственного хозяйства. Это позволило систематизировать и централизовать исполнение полномочий, связанных с обеспечением деятельности административно-хозяйственного механизма империи, включая строительство, содержание зданий, медицинское и техническое обеспечение³.

Высочайше утвержденные 7 января 1803 г. штатные расписания Министерства внутренних дел, разработанные Министром внутренних дел, закрепили нормативную структуру ведомства. Указанные штатные документы не только конкретизировали внутреннюю организацию Министерства, но и зафиксировали институциональное оформление Департамента внутренних дел, в составе которого продолжила функционировать Экспедиция государственного хозяйства. На данную Экспедицию были возложены полномочия в сфере сельского хозяйства, недропользования, содержания мест лишения свободы, реализации градостроительных проектов, организации почтовой связи, а также технического обеспечения производственной инфраструктуры⁴.

Данное объединение функций сопровождалось административной унификацией. Именным указом от 18 июля 1803 г. утверждено Положение об Экспедиции государственного хозяйства, которым определялись как компетенция каждого ее отделения, так и порядок подчиненности управленческой вертикали. Такая структура позволила повысить оперативность принятия решений и обеспечить единообразное правоприменение в сфере снабжения.

Документ закрепил объединение ряда полномочий, ранее отнесенных к ведению Мануфактур-коллегии, Главной Соляной конторы и Экспедиции опекунства иностранных и сельского домоводства, в единый организационно-правовой контур в составе Департамента внутренних дел. Внут-

ренняя структура Экспедиции включала три специализированных отделения – по земледелию, мануфактурам и соляному делу, руководство которыми осуществлялось управляющим Экспедицией, назначаемым императором по представлению Министра внутренних дел. Такая модель правового регулирования позволила систематизировать ранее разрозненные функции и нормативно оформить централизованную систему снабжения и хозяйственного обеспечения.

Формирование Департамента государственного хозяйства и перераспределение компетенций в системе МВД (1806–1819 гг.). 20 апреля 1806 г. Указом императора утверждена структура 2-й Экспедиции Департамента внутренних дел, на которую возложены функции в сфере содержания тюрем, полицейских команд, казарм, пожарной стражи, размещения присутственных мест и ведения градостроительной документации⁵.

Указанные нормативные правовые акты заложили институциональные основы государственного управления хозяйственными вопросами, определив тем самым направление последующего правового регулирования материально-технического обеспечения органов внутренних дел. На данном этапе были оформлены принципы и структура, обеспечивавшие централизованное ведение снабженческой деятельности и предопределившие функции соответствующих подразделений в системе МВД России. В течение последующих лет Экспедиция государственного хозяйства стала неким ядром, осуществляющим административно-хозяйственные функции, и именно деятельность этой структуры легла в основу позднейших преобразований и становления профильных департаментов в XIX веке.

Одним из таких преобразований стало создание в 1811 г. *Министерства полиции*, в структуре которого был учрежден Департамент полиции хозяйственной. Указанный орган осуществлял функции в сфере снабжения, санитарного надзора, внутренней торговли и опеки над учреждениями общественного

³ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание: в 45 т. Т. 27: 1802–1803. Законы № 20099–21111. № 20406. С. 244–245.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание: в 45 т. Т. 27: 1802–1803. Законы № 20099–21111. № 20582. С. 424–425.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание: в 45 т. Т. 29: 1806–1807. Законы № 21983–22786. № 22102. С. 184.

признания, став временным правопреемником ряда полномочий, ранее сосредоточенных в Министерстве внутренних дел⁶.

Следующим важным этапом в трансформации системы хозяйственного обеспечения МВД стало образование в 1811 г. в составе Министерства внутренних дел *Департамента государственного хозяйства*, который стал правопреемником Экспедиции государственного хозяйства. Нормативное закрепление передачи части функций осуществлялось на основании Манифеста императора Александра I «Учреждение Министерства полиции», а также сопутствующих актов, устанавливавших перераспределение полномочий между Министерством внутренних дел и новым Министерством полиции⁷.

Создание Департамента государственного хозяйства отражало стремление к унификации, централизации и нормативному упорядочиванию полномочий в сфере градостроительства, обеспечения санитарного состояния, технической эксплуатации зданий и контроля инженерной безопасности. Новая структура обеспечивала управление объектами государственной собственности, организацию ярмарок и рынков, контроль над мерами и весами, а также должна была реагировать на чрезвычайные экономические обстоятельства, включая продовольственные кризисы. Руководство Департаментом осуществлялось директором, назначаемым Императором по представлению Министра внутренних дел. Организационная структура включала специализированные отделения, каждое из которых возглавлялось начальником, а также подведомственный Строительный комитет с Чертежной, выступающей в качестве проектно-технического подразделения.

Юридически закрепленные полномочия охватывали: восстановление объектов государственной инфраструктуры, разрушенных в ходе Отечественной войны 1812 года; надзор за соблюдением санитарных, противопожарных и инженерных норм при строи-

тельстве зданий; регулирование внутренней торговли, включая организацию ярмарок и рынков; контроль за соответствием мер и весов установленным эталонам; разработку и реализацию мер реагирования в условиях неурожая, эпидемий и иных чрезвычайных ситуаций.

Реформирование системы ведомственного подчинения в 1819 г. стало следующей вехой институционального переустройства системы административно-хозяйственного обеспечения. В соответствии с указом императора Александра I от 4 ноября 1819 г. о передаче функций упраздненного Министерства полиции в ведение Министерства внутренних дел, Департамент полиции хозяйственной был преобразован в Хозяйственный департамент МВД⁸. Указанная реорганизация была направлена на упорядочение хозяйственно-организационных полномочий и формирование централизованной системы материально-технического снабжения в рамках одного ведомства. Хозяйственный департамент получил расширенные полномочия в сферах продовольственного обеспечения, надзора за деятельностью общественных и благотворительных учреждений, контроля за санитарным, противопожарным состоянием объектов, а также регулирования внутренней торговли и организации ярмарок.

Правовое закрепление функций и структурных подразделений Хозяйственного департамента МВД (1820–1890 гг.). Организационная структура Департамента предусматривала разграничение деятельности по следующим направлениям. В частности, Первое отделение обеспечивало контроль состояния продовольственных запасов, учета капитала, распределения продовольственных ресурсов. Второе курировало учреждения, содержавшиеся за счет общественных капиталов (больницы, богадельни, дома для умалишенных, исправительные и воспитательные заведения). В последующем в составе Департамента были сформированы специализированные подразделения, включая Счетное отделение (1836–1866 гг.), органы по делам городского хозяйства, стра-

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание: в 45 т. Т. 31: 1810–1811. Законы № 24064–24941. № 24687. С. 719.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание: в 45 т. Т. 31: 1810–1811. Законы № 24064–24941. № 24714. С. 809.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание: в 45 т. Т. 36: 1819. Законы № 27617–28072. № 27964. С. 367.

хования, санитарного и общественного призрения.

В течение XIX века структура и функции Хозяйственного департамента последовательно расширялись. В 1832 г. Строительный комитет с подведомственным Чертежным отделением (ведавшим составление проектной документации), ранее входивший в состав Департамента, был передан в ведение Главного управления путей сообщения и публичных зданий, что отразилось на перераспределении полномочий в части технического контроля и градостроительной документации. Стоит отметить, что Департамент продолжал выполнять ключевые функции по контролю за санитарным, противопожарным и инженерным состоянием объектов административного назначения.

В 1820 г. в ведение Департамента были переданы дела о ярмарках, ранее находившиеся в Департаменте мануфактур и торговли Министерства финансов⁹. К началу 1830-х гг. внутренняя структура ведомства стала оформляться в виде отдельных функциональных отделений, а в 1834 г. было учреждено *третье отделение*, ведавшее вопросами приказов общественного призрения – утверждением смет, рассмотрением отчетности и разработкой мероприятий по увеличению капиталов благотворительных учреждений [1, с. 30]. С 1836 по 1866 г. действовало Счетное отделение, осуществлявшее контроль и ревизию расходования средств, выделяемых на строительство и содержание зданий за счет городских и общественных капиталов.

Во второй половине XIX века административная структура Хозяйственного департамента продолжала усложняться: создавались новые отделения, специализирующиеся на делах земского и городского самоуправления, страхования, санитарного надзора, делах общественного призрения. Указом от 18 февраля 1849 г., утвержденным Комитетом Министров, было установлено временное распределение функций между городскими отделениями Хозяйственного департамента, включавшими специализиро-

ванные «столы» и штатные должности, что обеспечивало централизованное руководство городским хозяйством [2].

Административно-правовая реорганизация департамента в условиях реформ местного самоуправления (1890–1904 гг.). К началу последнего десятилетия XIX века Хозяйственный департамент МВД подвергся очередной институциональной трансформации, обусловленной реформой органов местного самоуправления. В соответствии с Положением о земских учреждениях от 12 июня 1890 г. и Городовым положением от 11 июня 1892 г. в структуре Департамента были последовательно созданы четвертое, пятое, шестое и седьмое отделения¹⁰.

Четвертое отделение было наделено полномочиями по организации деятельности земского самоуправления, рассмотрению росписей доходов и расходов, отчетов о расходовании ассигнований, а также дел о передаче и приобретении имущества в интересах местных сообществ. С 11 апреля 1896 г. в его ведение были переданы дела городского управления в населенных пунктах, где было введено новое Городовое положение 1892 г. *Пятое отделение* осуществляло аналогичные функции, однако, в отношении определенных территорий Российской империи, обеспечивая тем самым реализацию принципа территориальной дифференциации правового регулирования на основе региональной специфики.

Шестое отделение было учреждено для ведения дел городского общественного устройства, включая аспекты регулирования внутреннего порядка, санитарных норм, а также координации взаимодействия с органами пожарной охраны и медицинского контроля. *Седьмое отделение* было призвано обеспечивать организационно-правовое сопровождение деятельности сословных учреждений и контроля за функционированием сословного самоуправления в городах.

Упразднение Хозяйственного департамента и учреждение Главного управления по делам местного хозяйства (1904–1917 гг.). На основании мнения Государст-

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание: в 45 т. Т. 37: 1820–1821. Законы № 28073–28857. № 28205. С. 123.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание: в 45 т. Т. 12 (1892). Законы № 8215–9216. № 8708. С. 430–456.

венного совета, утвержденного 22 марта 1904 г., было принято решение о создании в составе Министерства внутренних дел *Совета и Главного управления по делам местного хозяйства*, с одновременным упразднением *Хозяйственного департамента*. К образованным органам были отнесены полномочия по нормативному регулированию, стратегическому планированию и межведомственному взаимодействию в сфере земского и городского хозяйства, народного здоровья, страхования, противопожарной защиты и дорожной инфраструктуры¹¹.

Организационная структура Совета включала общее и особые присутствия, наделенные полномочиями по участию в нормотворческой деятельности, анализу сметной документации, согласованию региональных инициатив, рассмотрению ходатайств от органов местного самоуправления и подготовке предложений по внесению изменений в действующее законодательство. Председателем общего присутствия являлся Министр внутренних дел, а в состав входили представители профильных министерств, губернаторы и делегаты от местных сообществ.

Параллельно, в целях оперативного управления и контроля за исполнением нормативных предписаний, функции исполнительного характера были возложены на *Главное управление по делам местного хозяйства*. Его структурные отделы осуществляли координацию в сферах земского и городского хозяйства, народного здоровья, страхования, противопожарной защиты, дорожного строительства и санитарного контроля. Такая модель позволила разграничить стратегическое и текущее управление системами имущественного, санитарного и финансового обеспечения на местах.

Советский этап формирования хозяйственных подразделений органов внутренних дел (1917–1923 гг.). После Октябрьской революции произошла кардинальная реорганизация структуры управления, включая ликвидацию дореволюционных хозяйственных органов. Постановлением II Всероссий-

ского съезда Советов от 26 октября 1917 г. был учрежден Совет Народных Комиссаров (СНК), в составе которого сформирован Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД) – центральный орган исполнительной власти, на который была возложена в том числе организация обеспечения милиции. 28 октября 1917 г. был принят «Декрет о рабочей милиции», положивший начало созданию новой системы охраны правопорядка и одновременно определивший необходимость организационного и материального сопровождения ее функционирования.

20 февраля 1918 г. решением Коллегии при НКВД был учрежден *Хозяйственный комитет*, в состав которого вошли представители административного и технического звена, включая члена коллегии, заведующего хозяйственной частью, архитектора и представителя от комитета низших служащих. Данная структура стала первым коллегиальным органом, обеспечивавшим хозяйственные нужды нового ведомства [3]. В апреле 1918 г. при административном отделе Моссовета – органе, курировавшем милицию и уголовный розыск Москвы, – была образована отдельная хозяйственная часть, занимавшаяся снабжением и материальным обеспечением городских милицеских подразделений [4].

20 августа 1918 г. при Главном управлении милиции НКВД РСФСР создан *Отдел снабжения*, ставший первым специализированным централизованным органом по обеспечению всей Советской Рабоче-Крестьянской милиции средствами служебного назначения – обмундированием, вооружением, снаряжением и иными ресурсами. Для восполнения потребностей в продовольствии 26 декабря 1918 г. при НКВД был дополнительно образован *Продовольственный отдел*, задачей которого стало обеспечение сотрудников милиции продовольственными пайками.

Формирование нормативно закреплённой системы материально-технического обеспечения в послереволюционный период закрепились в Положении о Народном комиссариате внутренних дел РСФСР, утвержденном 24 мая 1922 г. ВЦИК и СНК. Документом было предусмотрено создание ма-

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание: в 45 т. Т. 24 (1904). Ч. 1. Законы № 23839–25604. № 24253. С. 277.

териального отдела в структуре Главного управления милиции. На него возлагались функции организации обозно-вещевого, артиллерийско-технического и инженерного довольствия, расчетно-сметной работы, а также распределения соответствующих видов обеспечения между подразделениями на местах [5]. В 1923 г. образовывается *заготовительное объединение хозяйственных органов милиции НКВД*, что еще раз показывает системный подход к организации снабженческой функции в ведомстве.

Централизация хозяйственного обеспечения в системе НКВД СССР (1934–1941 гг.). Следующий этап институционального развития хозяйственной службы органов внутренних дел СССР был связан с созданием в 1934 г. *общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел СССР* (НКВД СССР), ставшего центральным органом исполнительной власти в сфере обеспечения правопорядка, государственного контроля и хозяйственного сопровождения деятельности внутренних войск, милиции и иных подведомственных структур¹². В целях упорядочивания хозяйственной деятельности в структуре вновь созданного НКВД СССР было учреждено *Административно-хозяйственное управление* (АХУ НКВД СССР), состоящее из следующих отделов: административно-хозяйственного, хозяйственного, санитарного, сельскохозяйственного и тюремного, отдела связи, а также в него входили объекты медицинского обеспечения (поликлиника и больница), комендатура, пожарная охрана, автотранспортные базы и изоляторы.

Создание АХУ НКВД СССР стало основой для формирования вертикально интегрированной системы логистической, транспортной и санитарной поддержки, распределенной по структурным элементам Министерства, включая места принудительного содержания. Орган наделялся полномочиями по материально-техническому снабжению подведомственных учреждений, обеспечению их инженерной и санитарной ин-

фраструктуры, формированию и эксплуатации автотранспортных мощностей, а также по управлению объектами специального назначения.

Реорганизация хозяйственного обеспечения органов внутренних дел в условиях мобилизации (1941–1946 гг.). С начала Великой Отечественной войны система материально-технического обеспечения органов внутренних дел была оперативно перестроена в соответствии с мобилизационными задачами. 31 июля 1941 г. в целях оптимизации управления ресурсами и исключения дублирования функций АХУ НКВД СССР было объединено с Административно-хозяйственным и финансовым отделами Народного комиссариата государственной безопасности СССР (НКГБ СССР). Объединенное ведомство получило новое наименование – *Хозяйственное управление НКВД СССР* (ХОЗУ НКВД СССР) [6], которое обеспечивало централизованное управление всеми направлениями хозяйственного и технического обеспечения системы внутренних дел: от материально-бытового и строительного снабжения до санитарной, противопожарной и транспортной поддержки. Управление координировало эксплуатацию изоляторов особого назначения, контроль за объектами медицинского обеспечения, организацию внутренней логистики через автобазы и управление ремонтными и обслуживающими подразделениями. Укрепление ресурсной и организационной базы хозяйственного управления обеспечивало устойчивое функционирование органов внутренних дел в условиях тотальной мобилизации.

После окончания войны структура ХОЗУ сохранилась, адаптировавшись к условиям послевоенного восстановления страны, и уже в марте 1946 г. в связи с преобразованием НКВД в Министерство внутренних дел (МВД СССР) ХОЗУ было сохранено в структуре нового ведомства и продолжило выполнять функции хозяйственного и материального обеспечения в измененной организационно-правовой форме¹³.

¹² Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел: Постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. (в ред. от 1 сентября 1953 г.). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹³ О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик – в Советы Министров союзных и автономных

Реорганизация системы хозяйственного обеспечения МВД СССР (1960–1968 гг.). В результате административной реформы, осуществленной в 1960 г., МВД СССР было упразднено¹⁴, а его функции – в том числе и в сфере материально-технического обеспечения – переданы союзным республикам, в частности Министерству внутренних дел РСФСР.

Эта реорганизация сопровождалась перераспределением полномочий между союзным и республиканским уровнями, а в структуре МВД РСФСР продолжило функционировать Хозяйственное управление. Органу были делегированы полномочия по обеспечению подведомственных учреждений, планированию закупок, распределению ресурсов и эксплуатации объектов обеспечения. В его функции входило: обеспечение учреждений МВД зданиями, помещениями, транспортными средствами и иным материально-техническим имуществом; контроль за эксплуатацией зданий и сооружений; организация капитального и текущего ремонта; снабжение инвентарем, мебелью, оборудованием; ведение учета и отчетности по хозяйственным расходам.

Особенностью рассматриваемого периода стало сокращение бюджетного финансирования, что повлекло за собой необходимость оптимизации структуры снабжения, внедрения нормирования материальных ресурсов, а также передачи части функций в ведение региональных управлений. В этот период были сформированы региональные хозяйственные отделы при территориальных управлениях МВД РСФСР, осуществлявшие функции на местах в пределах закрепленной компетенции. Несмотря на децентрализацию, основное методическое руководство хозяйственной деятельностью оставалось за центральным аппаратом МВД РСФСР, что обеспечивало соблюдение единых стандартов снабжения.

В условиях децентрализации обозначилась необходимость восстановления единой

вертикали управления милицией, включая ее хозяйственную инфраструктуру. Это было реализовано Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «О создании Союзно-республиканского министерства охраны общественного порядка СССР», в соответствии с которым было восстановлено централизованное управление органами внутренних дел на уровне всего государства¹⁵.

В рамках организационных мероприятий в 1967 г. в структуре МООП СССР был учрежден Хозяйственный отдел, который в 1968 г. преобразован в Хозяйственное управление Министерства охраны общественного порядка СССР, а затем – МВД СССР. Это подразделение стало правопреемником всех обеспечивающих функций, ранее осуществлявшихся как союзными, так и республиканскими органами. Таким образом, был завершен процесс восстановления централизованной модели материально-хозяйственного обеспечения в системе органов внутренних дел СССР, что создало базу для последующей деятельности ХОЗУ МВД СССР вплоть до 1991 г.

Хозяйственного обеспечения МВД России в постсоветский период (1991–2001 гг.). Роспуск Министерства внутренних дел СССР и формирование самостоятельной ведомственной структуры в Российской Федерации в 1991 г. ознаменовали переход к новой модели правового регулирования материально-хозяйственного обеспечения органов внутренних дел, в соответствии с которой полномочия по управлению центральным аппаратом, региональными органами и подведомственными учреждениями, ранее находившимися в ведении МВД СССР, были переданы Министерству внутренних дел РСФСР¹⁶. Функции хозяйственного обеспечения также перешли в ведение данного ве-

республик: Закон СССР от 15 марта 1946 г. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁴ Об упразднении Министерства внутренних дел СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 янв. 1960 г. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁵ Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР и о внесении изменений и дополнений в статьи 35, 70 и 78 Конституции (Основного Закона) СССР: Закон СССР от 3 августа 1966 г. № 3-VII. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁶ О прекращении деятельности Министерства внутренних дел СССР на территории РСФСР: Постановление Правительства РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 52. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

домства, что позволило сохранить институциональную преемственность в части функционирования логистической и инженерной инфраструктуры.

С начала 1992 г. организационная структура хозяйственных органов МВД России подверглась корректировке: в центральном аппарате было учреждено Производственно-хозяйственное управление (далее – ПХУ МВД России). Его задачами стали централизованное управление имуществом, фондами, снабжение, эксплуатация объектов хозяйственного назначения, а также организационно-методическое руководство региональными подразделениями тылового обеспечения. В целях усиления организационно-управленческой вертикали в структуре центрального аппарата был создан Штаб тыла МВД России, осуществлявший координацию в области тылового, медицинского и материально-технического обеспечения. С момента создания этот орган стал центральным координатором межведомственного взаимодействия по вопросам нормативного регулирования тылового обеспечения, а также планирования и реализации бюджетных ассигнований в указанной сфере.

Приказом МВД России от 29 марта 1996 г. № 165 было утверждено Положение о Штабе тыла Министерства внутренних дел Российской Федерации, которым определялись структура, подчиненность и функции подразделений Штаба, включая организацию снабжения, инженерного и медицинского обеспечения, а также порядок имущественного учета¹⁷.

Учреждение Производственно-хозяйственного управления МВД России как государственного учреждения с правами юридического лица стало основой обеспечения самостоятельности хозяйственной деятельности, формирования стабильной инфраструктурной базы, а также унификации механизмов финансово-хозяйственного планирования. В дальнейшем Производственно-хозяйственное управление было переименовано в Хозяйственное управление МВД Рос-

сии¹⁸, в утвержденном Положении были конкретизированы функции, структура, полномочия: управление осуществляло функции по организации снабжения, эксплуатации объектов, управлению имуществом и координации деятельности обеспечивающих организаций.

В 1999 г. на основании Приказа МВД России от 13 декабря 1999 г. № 1023 было образовано государственное учреждение «Хозяйственное управление МВД России», обладающее статусом юридического лица¹⁹, которое состояло из функциональных отделов (административно-хозяйственного, финансово-планового, жилищного обеспечения, управления государственным имуществом) и подведомственной структуры, включавшей производственно-хозяйственное объединение и центральную автобазу.

Материально-техническое обеспечение МВД России (2001–2011 гг.). В 2001 г., во исполнение Указа Президента России № 644, было создано Хозяйственное управление Службы тыла МВД России²⁰, которое было наделено следующими полномочиями: организация и контроль снабженческой деятельности, управление имуществом МВД России, координация обеспечения медицинским оборудованием, мебелью, автотранспортом, средствами связи и иным материально-техническим имуществом, а также методическое руководство подведомственными подразделениями на местах.

В структуре центрального аппарата МВД России был образован Департамент тыла МВД России²¹, который обеспечивал

¹⁸ Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 24 апреля 1998 г. № 433 (в ред. от 4 июня 2001 г.). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁹ Об организационно-штатных мероприятиях по ХОЗУ МВД России и подразделениям, непосредственно ему подчиненным: Приказ МВД России от 13 декабря 1999 г. № 1023. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

²⁰ О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 4 июня 2001 г. № 644. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

²¹ Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 19 июля 2004 г. № 927 (в ред. от 31 января 2011 г.). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁷ Об утверждении Положений о подразделениях Центрального аппарата МВД России: Приказ МВД России от 29 марта 1996 г. № 165. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

централизованное управление ранее разрозненными функциональными блоками, что повысило уровень координации между центральным аппаратом и территориальными органами. В целях нормативного закрепления полномочий было утверждено Положение о Департаменте тыла МВД России, а также штатное расписание и структура входящего в его состав Главного центра административно-хозяйственного и транспортного обеспечения МВД России²². В этот период Департамент тыла был наделен следующими функциями: формирование и реализация государственной политики в сфере материально-хозяйственного обеспечения; организация централизованных закупок и логистических процедур; контроль за исполнением нормативов санитарного и противопожарного состояния объектов; обеспечение автотранспортной поддержки служебной деятельности; координация строительных и капитально-ремонтных работ; управление объектами ведомственной собственности.

Создание Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России²³ было призвано обеспечить эффективное управление обеспечи-

вающими функциями, включая материально-техническое, медицинское и иное ресурсное сопровождение деятельности органов внутренних дел, определив структуру, функции и компетенцию данного органа в рамках ведомственного обеспечения²⁴.

Таким образом, формирование структуры по материально-техническому обеспечению органов внутренних дел России осуществлялось на протяжении значительного исторического периода, а исследование регламентации данной сферы с конца XVIII века позволяет проследить динамику данного процесса, выявить этапы, особенности осуществляемых функций, компетенций и полномочий соответствующих формируемых структур.

Интересен тот факт, что созданию и формированию правовых основ деятельности регулярной полиции в Москве на различных исторических этапах [7; 8] также уделялось особое внимание, включая вопросы материально-технического оснащения данных структур.

Стоит обозначить, что законодательное оформление централизованной модели хозяйственного управления происходило уже в 1797–1802 гг., а в дальнейшем происходит определенная институционализация полномочий в рамках Министерства внутренних дел, формируется Департамент государственного хозяйства и происходит объективное перераспределение компетенций. Это тенденция прослеживалась и в других структурах Министерства внутренних дел [9].

На протяжении XIX века происходит формирование структурных подразделений Хозяйственного департамента МВД, что приводит во второй половине XIX века к усложнению административной структуры Хозяйственного департамента и ее реорганизации в связи с реформами местного самоуправления. Это еще раз позволяет сделать вывод о взаимосвязи значительного числа процессов в обществе и государстве и

ния: 01.03.2025); Об утверждении Структуры центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 10 ноября 2004 г. № 730. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

²² Вопросы Департамента тыла Министерства внутренних дел Российской Федерации и подчиненных подразделений: Приказ МВД России от 26 ноября 2004 г. № 775 (в ред. от 26 июля 2011 г.) (вместе с «Положением о Главном центре административно-хозяйственного и транспортного обеспечения Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Положением о Центре ресурсного обеспечения, курсов и маркетинга Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Положением о Медико-санитарном центре Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Положением о Центре заказчика-застройщика Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Положением о Центре пожарной безопасности Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Положением о Главном центре специальной и оперативной связи Министерства внутренних дел Российской Федерации»). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

²³ Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 (в ред. от 2 апреля 2025 г.). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

²⁴ Об утверждении Положения о Департаменте по материально-техническому и медицинскому обеспечению Министерства внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 24 июня 2011 г. № 722 (в ред. от 27 марта 2024 г.). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

их влиянии на деятельность большинства государственных структур.

Упразднение Хозяйственного департамента и учреждение Главного управления по делам местного хозяйства (1904–1917 гг.) во многом были объективными процессами, отражающими тенденции данного исторического периода. Попытка создания органов по стратегическому и оперативному управлению (Совет и Главное управление по делам местного хозяйства) в определенной мере позволила сформировать соответствующую модель, однако, период ее функционирования, составивший чуть более десятилетия, не дает объективной возможности говорить об ее эффективности в рамках всей страны.

Обобщая период с 1917 по 1946 г., закономерно выделить советский этап формирования хозяйственных подразделений органов внутренних дел (1917–1923 гг.), тенденции на централизацию хозяйственного обеспечения в системе НКВД СССР (1934–1941 гг.), а также объективную необходимую реорганизацию хозяйственного обеспечения органов внутренних дел в условиях мобилизации (1941–1946 гг.). Происходящие изменения были продиктованы историческими реалиями, которые страна успешно преодолела, в том числе благодаря грамотной организации соответствующих структур в системе органов внутренних дел, обеспечивающих правопорядок в столь сложные периоды.

Реорганизация системы хозяйственного обеспечения МВД СССР в шестидесятые годы XX века, хозяйственное обеспечение в постсоветский период (1991–2001 гг.) происходили на фоне общей дестабилизации общества, внедрение новой идеологии в большинстве своем не могло положительно

влиять на все происходившие в государстве процессы.

В 2001–2011 гг. в МВД России в определенной степени завершилось институциональное объединение тыловых функций: созданные структуры были интегрированы в единый административный механизм. Департамент по материально-техническому и медицинскому обеспечению стал правопреемником хозяйственных и тыловых подразделений, сосредоточив полномочия в сферах снабжения, медицины, санитарного надзора, имущества и инфраструктуры.

История становления и развития органов, осуществлявших материально-техническое обеспечение системы внутренних дел Российской империи, СССР и Российской Федерации, свидетельствует о сохранении правовой и организационной преемственности данного института. В течение более чем двух столетий его полномочия и функции трансформировались от децентрализованных экспедиций и департаментов к современным централизованным структурам в составе МВД России. На это указывают и фундаментальные историко-правовые исследования ведущих научных центров страны [10].

Заключение

Таким образом, современная система материально-технического и медицинского обеспечения органов внутренних дел формирует опору для реализации государственной политики в сфере внутренней безопасности. Ее институциональная устойчивость и нормативная определенность обеспечивают эффективное функционирование правоохранительной системы, сохраняя адаптивную к изменяющимся вызовам и требованиям времени.

Список источников

1. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг.: в 4 т. / отв. сост. Д.И. Раскин. Т. 2. Центральные государственные учреждения. Санкт-Петербург: Наука, 2001. 260 с.
2. Кудин В.А., Панфилец А.В. Ретроспектива становления и развития полиции в Российском государстве (к 300-летию российской полиции) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (69). С. 12–17. <https://elibrary.ru/whspzr>
3. Потемкин И.А., Климов А.Ю., Янченко И.Л., Слепцова Т.В. Исторический очерк о Департаменте по материально-техническому и медицинскому обеспечению Министерства внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48). С. 58–66. <https://elibrary.ru/ysiikd>

4. Экспертные заключения по установлению памятных дат подразделений Центрального аппарата МВД России / И.А. Потемкин, А.Ю. Климов, Т.В. Слепцова, Р.С. Мулукаев, А.Я. Малыгин. Москва: Академия управления МВД России, 2020. 68 с. <https://elibrary.ru/bdoozx>
5. Яцук Т.Ф. Полномочия Народного комиссариата внутренних дел РСФСР по организации местного управления и хозяйства // Вестник Омского университета. 2006. № 1 (39). С. 111-114. <https://elibrary.ru/vjwekx>
6. Кузьминых А.Л. Эволюция системы НКВД–МВД СССР (1934–1956 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 10. С. 71-78. <https://elibrary.ru/moufft>
7. Беляева Л.И. Создание регулярной полиции в Москве и формирование правовых основ ее деятельности в первой половине XVIII в. // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 2 (66). С. 156-165. <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2023-266-156-165>, <https://elibrary.ru/bnkmug>
8. Климов А.Ю. Организация и деятельность регулярной московской полиции во второй четверти XVIII в. // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2 (189). С. 133-134. <https://elibrary.ru/cmvxlr>
9. Ковалева Н.В. Правовое регулирование деятельности юридической службы Министерства внутренних дел Российской империи во второй половине XVIII – XIX веков // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 3 (51). С. 7-23. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.51.3.01>, <https://elibrary.ru/kojqqj>
10. Ковалева Н.В. Историко-правовые исследования Академии управления МВД России: преемственность и перспективы // 95 лет Академии управления МВД России: продолжая и приумножая славные традиции: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. С. 73-81. <https://elibrary.ru/kkuqpf>

References

1. Raskin D.I. (comp.) (2001). *Higher and Central State Institutions of Russia. 1801–1917: in 4 vols. Vol. 2. Central government institutions*. St. Petersburg, Nauka Publ., 260 p. (In Russ.)
2. Kudin V.A., Panfilets A.V. (2016). Retrospective review of establishment and development of the police in the Russian state (for the 300th anniversary of the Russian police). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (69), pp. 12-17. (In Russ.) <https://elibrary.ru/whspzr>
3. Potemkin I.A., Klimov A.Yu., Yanchenko I.L., Sleptsova T.V. (2018). Historical essay about the Department of the Material, Technical and Medical Support of the Interior Ministry of the Russian Federation. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*, no. 4 (48), pp. 58-66. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ysiikd>
4. Potemkin I.A., Klimov A.Yu., Sleptsova T.V., Mulukaev R.S., Malygin A.Ya. (2020). *Expert Opinions on the Establishment of Memorable Dates of the Divisions of the Central Office Ministry of Internal Affairs of Russia*. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 68 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bdoozx>
5. Yashchuk T.F. (2006). Powers of the People's Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR in organizing local administration and economy. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, no. 1 (39), pp. 111-114. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vjwekx>
6. Kuz'minykh A.L. (2010). Evolution of the NKVD–MVD System of the USSR (1934–1956). *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, no. 10, pp. 71-78. (In Russ.) <https://elibrary.ru/moufft>
7. Belyaeva L.I. (2023). The creation of a regular police in Moscow and the formation of the legal foundations of its activities in the first half of the XVIII century. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*, no. 2 (66), pp. 156-165. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2023-266-156-165>, <https://elibrary.ru/bnkmug>
8. Klimov A.Yu. (2024). Organization and activity of the regular Moscow police in the second quarter of the XVIII century. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, no. 2 (189), pp. 133-134. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cmvxlr>
9. Kovaleva N.V. (2023). Legal regulation of the legal service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the second half of the XVIII – XIX centuries. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = MCU Journal of Legal Sciences*, no. 3 (51), pp. 7-23. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.51.3.01>, <https://elibrary.ru/kojqqj>
10. Kovaleva N.V. (2024). Historical and legal research of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Continuity and Prospects. *Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarod-*

noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «95 let Akademii upravleniya MVD Rossii: prodolzhat i priumnozhaya slavnnye traditsii» = Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference “95 Years of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Continuing and Enhancing Glorious Traditions”. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., pp. 73-81. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kkuqpf>

Поступила в редакцию / Received 22.04.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.